ДЕТСКАЯ
православная хрестоматия

- Рассказы о православных праздниках
- Описание жизни Святых
- Притчи и стихотворения
- Молитвы для детей на все случаи жизни
- Адаптированные отрывки из Евангелия

Классика, которую должен прочитать каждый ребенок

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Детская православная хрестоматия содержит рассказы об основных православных праздниках, иконах и чудесах, отрывки из евангельских и библейских притч, молитвы для детей. Но кроме этого в книге приведены лучшие произведения русских классиков, которые помогут приобщить ребенка к нравственным основам православия, расширить его кругозор и обрести духовную уверенность в наше непростое время.

- Детская православная хрестоматия
- Святые угодники Божии
- Кто такие святые?
- Илья Муромец
- Преподобный Серафим, Саровский чудотворец
- Преподобная Аполлинария
- Святитель Филипп, митрополит Московский
- Святая мученица Татиана Римская
- Святая равноапостольная [3] Нина, просветительница Грузии
- Преподобный Павел Фивейский
- Преподобный Макарий Великий
- Святая благоверная княгиня (преподобная) Анна Новгородская
- Преподобный Димитрий Прилуцкий, Вологодский чудотворец
- Преподобные Мартиниан Кесарийский и Зоя Вифлеемская
- Святой благоверный князь Даниил Московский
- Святая мученица Галина Коринфская
- Святые мученики Хрисанф и Дария
- Святой мученик Авраамий Болгарский
- Преподобная Мария Египетская
- Святые мученицы Агапия, Ирина и Хиония
- Святой мученик Виктор
- Святой великомученик и чудотворец Георгий
- Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец
- Благоверный князь Димитрий Донской
- Святитель и врач Лука
- Преподобный Максим Грек
- Преподобный Андрей Рублев
- Святая равноапостольная великая Российская княгиня Ольга
- Святой пророк Божий Илия

- Великомученик и целитель Пантелеймон
- Мученики Аникита и Фотий и многие с ними
- Преподобный Феодосий Печерский
- Преподобный Сергий, игумен Радонежский, всея России чудотворец
- Преподобный Нестор Летописец
- Преподобный Никон, игумен Радонежский
- Православные праздники
- Рождество Христово
- Крещение Господне
- Сретение Господне
- Торжество Православия
- Благовещение Пресвятой Богородицы
- Вход Господень в Иерусалим
- Воскресение Христово
- Вознесение Господне
- Праздник Святой Троицы
- Рождество Иоанна Предтечи, Крестителя Господня
- Собор Архангела Гавриила
- Преображение Господне
- Успение Пресвятой Богородицы
- Рождество Пресвятой Богородицы
- Воздвижение Креста Господня
- О Кресте Христовом
-
-
-
- Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, Архангелов: Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила
- Введение во храм Пресвятой Богородицы
- Основы православной веры
- Десять заповедей Закона Божия
- Мир Божий
- Ветхий и Новый завет
- Три христианские добродетели
- О вере
-
-
-
-
- Как относиться к людям
-
-

- Волшебное слово
- Главные молитвы
- Молитесь вместе с Церковью
-
-
- Почему во время молитвы мы возжигаем свечи?
- Молитва начальная
-
- Молитва Господня
-
- Молитва к Ангелу-Хранителю
-
- Молитва в День рождения
-
- Молитва об отце и матери
-
- Евангельские притчи
- Притча о Сеятеле
- О Плевелах [6]
- Твой крест
- Пропасть
- Трое друзей
- Мельник
- Две сохи
- Молитвы по привычке
- Урожай
- Счастливый человек
- Нужда
- Поспорили
- Раскаяние волка
- Черенок от заступа [7]
- Притчи
- Прохожий и Брошенный камень
- Перекресток
- Жители города
- Искусство не спорить
- Притча о работнике
- Притча о неверующем парикмахере
- Старец и юноша
- Притча о слезах художника
- Притчи-сказки
- Шат и Дон
- Два брата
- Стихи

- Отче наш
-
-
-
-
-
- Молитва странника
- Пророк
-
- В дни поста
- Подражание псалму (Псалом 1)
- Любил я в детстве
- Божий дар
- Добрые сказки, рассказы
- Спешите делать добро
- Пословицы и поговорки о добре
- Родина
- Стыдно перед соловушкой
-
-
- Мама
- Пословицы и поговорки о родителях
- Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
-
- Лидия Алексеевна Чарская
-
-
- Иван Андреевич Крылов
- Лев Николаевич Толстой
- Владимир Федорович Одоевский
- Николай Георгиевич Гарин-Михайловский
-
- Александр Иванович Куприн
-
- Николай Семенович Лесков
- Константин Михайлович Станюкович
-
-
-
-
-
- Антон Павлович Чехов
-
-

Детская православная хрестоматия

Святые угодники Божии

Кто такие святые?

Наверное, вы удивитесь, услышав, что святые были такие же люди, как и каждый из нас.

Они испытывали те же чувства, что и мы, их души посещали как радость, так и разочарование, не только надежда, но и отчаяние, как вдохновение, так и угасание. Более того, святые испытывали точно такие же искушения, что и каждый из нас, а льстивые соблазны, словно сладкозвучные сирены, манили каждого из них своей пленительной, гипнотической силой. Что же подвигло их к тому удивительному, что исполняет душу неизреченным светом и что мы называем святостью?

Преподобный Ефрем Сирин

В начале IV века в Сирии жил некий юноша Ефрем. Его родители были бедные, однако искренно верили в Бога. А Ефрем

страдал раздражительностью, мог из-за пустяков вступать в ссоры, предавался худым замыслам, и главное, сомневался в том, что о людях заботится Бог. Однажды Ефрем запаздывал домой и остался ночевать возле стада овец с пастухом. Ночью волки напали на стадо. А утром Ефрема обвинили, что он подвел к стаду воров. Его посадили в темницу, куда заключили еще двоих: одного обвиняли в прелюбодеянии, а другого – в убийстве, причем также безвинно. Ефрем много размышлял над этим. На восьмой день он услышал во сне голос: «Будь благочестив, и уразумеешь Промысл Божий. Перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе дознаешь, что эти люди страждут не несправедливо». Ефрем вспомнил, как некогда со злым умыслом он выгнал из загона чужую корову, и она погибла. Заключенные с ним поделились, что один участвовал в обвинении женщины, оклеветанной в прелюбодеянии, а другой видел тонувшего в реке человека и не помог. В душе Ефрема наступило прозрение: оказывается, в нашей жизни ничто не совершается просто так, за каждый поступок человек несет ответственность перед Богом, – и с этой поры Ефрем решил изменить свою жизнь. Все трое вскоре были отпущены на свободу. А Ефрем во сне вновь услышал голос: «Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем надзирающее». Отныне Ефрем был крайне внимателен к собственной жизни, он много молился Богу и достиг святости (это преподобный Ефрем Сирин, день памяти – 10 февраля). Итак, святые потому и стали святы, что, во-первых, увидели свою неправедность, удаленность от Бога (не надо думать, что каждый угодник Божий был изначально святым). А во-вторых, они глубоко ощутили, что никакое добро невозможно совершить без Бога. К Нему они обратились всей душой. Им пришлось много бороться со злом, и прежде всего в самих себе. В этом – их отличие от обыкновенных героических личностей. Земные герои пытаются изменить мир путем внешней борьбы за справедливость. А святые влияют на мир путем внутреннего его преображения, и начинают это преображение с самих себя. Если Петр I, хотя и был волевым человеком, сокрушался: «Усмирил стрельцов, осилил Софью, победил Карла, а себя превозмочь не могу», то святые сумели победить себя. Потому что они полагались на Бога. А кто может быть сильнее Бога? Его благодать искореняла в их душах все темное, а затем просветила их ум и сердце к видению удивительных тайн.

Валерий Духанин, кандидат богословия

Илья Муромец

День памяти 1 января

Достоверных сведений о житии преподобного Илии Муромца Печерского, жившего в XII веке, сохранилось мало.

Родиной его считается существующее доныне село Карачарово под Муромом во Владимирской области. Отцом был крестьянин Иван, Тимофеев сын, а мать – Евфросинья. Народное предание отождествило его со знаменитым богатырем Ильей Муромцем, о котором складывались многочисленные былины. С детства и до 30 лет Илья был парализован, а потом чудесным образом получил исцеление от трех вещих старцев – калик перехожих (нищих странников), – которые предсказали, что «смерть ему на бою не писана». Взяв родительское благословение, Илья много лет состоял в дружине киевского князя Владимира Мономаха – был «первый богатырь во Клеве», не знавший поражений.

Илья Муромец прославился многочисленными воинскими подвигами и невиданной силой, которую использовал только для борьбы с врагами Отечества, защиты русских людей и восстановления справедливости. А обиды тогда было от кого терпеть: в степях рыскало «Идолище поганое» (так называли печенегов), леса облюбовали соловьи-разбойники, грозили хазары…

Добрыня Никитич, Илья Муромец, Алеша Попович. Худ. В. Васнецов

Получив в одном из боев с половцами неизлечимую рану в грудь и повинуясь зову сердца, Илья принял монашеский постриг в Клево-Печерском Успенском монастыре. В то время так поступали многие воины, заменяя меч железный мечом духовным и проводя свои последние дни в посте и молитве ради уже не земного, но Небесного Царства. В иноческих подвигах святой воин успел провести немного времени.

Скончался Илия Муромец около 1188 года, примерно на 45-м году жизни. Его нетленные мощи покоятся до сего времени в Антониевых пещерах Клево-Печерской лавры. Левая рука его пробита в боях копьем, а пальцы правой сложены для крестного знамения.

Результаты исследований святых мощей Ильи Муроица в 1988 году подтверждают факты жизни былинного богатыря: определен возраст почившего – 40–55 лет; рост – 177 см (в свое время он был на голову выше человека среднего роста); выявлены такие дефекты позвоночника, которые позволяют говорить о перенесенном в юности параличе конечностей; установлена причина смерти – обширная рана в области сердца.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец

Дни памяти 15 января и 1 августа

Прохор Мошнин, будущий преподобный Серафим, родился в середине XVIII века. Его отец, Исидор, был купцом и в конце своей жизни начал постройку Казанского собора в родном Курске, которую завершила мать Прохора, Агафия. Собор этот и ныне украшает город.

Бог с детства хранил жизнь великого подвижника Русской Церкви.

Однажды Агафия взяла с собой на строительство маленького Прохора; запнувшись, он упал с высокой колокольни, но остался невредим. Спустя время мальчик опасно заболел, и однажды во сне он увидел Божию Матерь, Которая обещала посетить и исцелить его.

Преподобный Серафим Саровский

Вскоре через двор усадьбы Мошниных прошел крестный ход с иконой Знамения Пресвятой Богородицы; мать вынесла Прохора на руках, он приложился к святой иконе и после этого стал быстро поправляться. Юный Прохор, имея прекрасную память,

выучился грамоте и часто читал своим сверстникам Священное Писание и жития святых, любил он посещать церковные службы и молиться в уединении.

Когда в семнадцать лет юноша твердо решил стать монахом, мать благословила его на этот путь своим медным крестом. Материнский крест как святыню преподобный хранил до конца жизни. Прохор отправился в Клев на богомолье: у древнейших русских святынь хотел он узнать, есть ли воля Божия на его выбор и в какой обители следует принимать постриг. Киевская старица Досифея благословила Прохора идти в Саровскую пустынь Тамбовской губернии, известную строгой жизнью монахов.

С самого начала пребывания в Саровском монастыре Прохор выделялся среди послушников. На церковные службы он приходил раньше всех и неподвижно выстаивал длинные богослужения. Вне церкви любил он уединяться в своей келье.

Сергиево-Казанский собор в Курске

С молитвою Прохор соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не ел никакой пищи, а в другие дни принимал ее только один раз. Все уважали и любили необыкновенного подвижника. Но вот спустя два года Прохор заболел водянкой, тело его распухло. В течение трех лет он тяжко страдал, но не роптал и отказывался от врачей, надеясь только на Бога. Старцы, любившие Прохора, ухаживали за ним. И вот в несказанном свете снова явилась ему Матерь Божия и коснулась жезлом больного места. В боку вдруг образовалось отверстие, и вся жидкость из тела вытекла. После выздоровления Прохор принял монашество с именем Серафим, что означает «пламенный». Уже в то время молодой подвижник удостоился при богослужениях лицезреть святых Ангелов и Самого Господа Иисуса Христа.

Преподобный Серафим полюбил пустынное житие и перебрался на жительство в келью в глухом лесу на берегу реки Саровки. Здесь он молился, трудился и читал, положив за правило в течение недели прочитывать весь Новый Завет. Около кельи он развел огород и устроил пчельник. Постепенно преподобный совсем отказался от встреч с людьми, и только птицы и дикие звери посещали его: из своих рук кормил он хлебом медведя.

За высокое подвижническое житие диавол решил изгнать преподобного Серафима из пустыни, стал устрашать его видениями, но преподобный ограждал себя молитвой и силой крестного знамения расстраивал диавольские козни. Святой усугубил свои подвиги. В течение 1000 ночей он поднимался на огромный камень в лесу и молился с воздетыми руками, взывая: «Боже, милостив буди мне, грешному». Днем же он молился на камне в своей пустынной кельи, сходя с него только для краткого отдыха и подкрепления тела скудной пищей. Тогда диавол задумал умертвить подвижника и послал к нему разбойников, которые избили его до полусмерти. Но явилась Матерь Божия и в третий раз исцелила его. Своих обидчиков преподобный простил и просил не наказывать. Святой старец от побоев остался навсегда согбенным, ходил, опираясь на посох или топорик.

После пятнадцати лет пустынной жизни по болезни преподобный Серафим возвратился в свою монастырскую келью, где провел еще пятнадцать лет в полном затворе. Молитвой и постом он так истончил свое тело и очистил душу, что один исцеленный святым старцем видел его стоявшим на воздухе во время молитвы. Святой Серафим получил от Бога благодатные дары прозорливости и чудотворения, а Матерь Божия благословила его открыть двери своей кельи для служения людям. До двух тысяч человек приезжало к нему ежедневно со всех концов России. Старец видел сердца людей и как духовный врач исцелял душевные и телесные болезни молитвой к Богу и благодатным словом. Всех он называл ласково: «Радость моя!»

Преподобный Серафим опекал и руководил сестрами Дивеевской обители и по указанию Матери Божией основал для девиц отдельную Серафимо-Дивеевскую мельничную общину, из которой вырос знаменитый ныне на весь мир Серафимо-Дивеевский монастырь. Истинно, до конца дней преподобный Серафим горел пламенной любовью ко Господу, двенадцать раз сподобился он посещения Матери Божией. Последний раз Царица Небесная явилась к нему почти за два года до кончины и возвестила подвижнику о его отшествии в иной мир. 2 января 1833 года преподобный Серафим предал душу Господу, молясь на

коленях пред иконой Богоматери.

Преподобная Аполлинария

День памяти 18 января

Во время малолетства византийского императора Феодосия Младшего опекунство над ним и временное управление всей Восточной империей было вручено одному из важнейших сановников империи, проконсулу Анфемию – мужу мудрому и благочестивому. У Анфемия, который всеми почитался как царь, было две дочери. Младшая с детских лет страдала беснованием, а старшая, преподобная Аполлинария, много времени проводила в святых церквах и молитвах. Достигнув совершеннолетия, Аполлинария отказывалась выйти замуж и просила у родителей разрешения поклониться святым местам Востока.

Уже во Святой земле, посетив дорогие для каждого христианина места, где жил и страдал Господь Иисус Христос, царская дочь стала отпускать сопровождавших ее рабов. Прибыв же из Иерусалима в столицу Египта Александрию, она тайно от слуг переоделась в одежду инока и скрылась в одно болотистое место, где несколько лет подвизалась в строгом посте и молитвах.

По откровению свыше, она пришла в скит к Макарию Египетскому, назвавшись иноком Дорофеем.

Преподобная Аполлинария

Макарий, который провел в мертвой пустыне шестьдесят лет, принял Аполлинарию в число своей братии. Бог не открыл чудотворцу ее тайны ради того, чтобы впоследствии все получили от того большую пользу. В скиту она вскоре прославилась своей подвижнической жизнью. Случилось так, что родители Аполлинарии отпустили свою беснующуюся дочь для исцеления к преподобному Макарию, который привел больную к иноку Дорофею (святой Аполлинарии). И по молитве неузнанной великой подвижницы девица получила исцеление. Но когда она через несколько месяцев вернулась домой, то все увидели у нее большой живот, будто девица ждет ребенка. Это была диавольская проделка. Анфемий с супругой, разгневавшись, послали в скит воинов с требованием выдать виновника оскорбления дочери. Когда святая Аполлинария была доставлена в дом родителей, то открылась им и исцелила сестру. Радость встречи с пропавшей дочерью сменилась печалью: Аполлинария

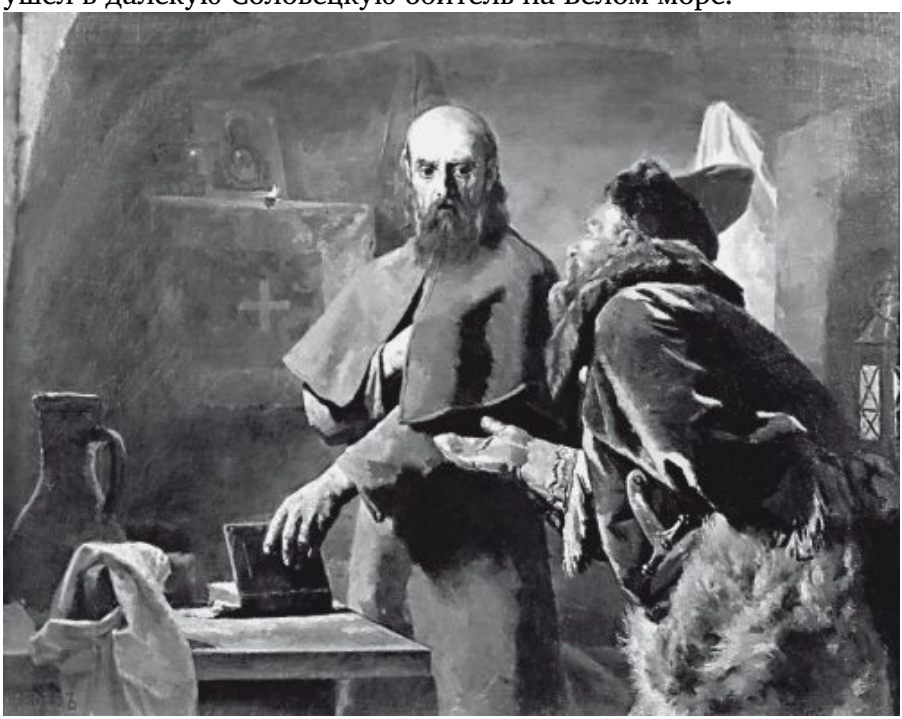
возвратилась в скит, где вскоре мирно скончалась в 470 году. Только тогда открылось, что инок Дорофей был женщиной, подвизавшейся наравне с мужчинами.

Святитель Филипп, митрополит Московский

Дни памяти 22 января и 16 июля

Святитель [1] Филипп происходил из семьи бояр Колычевых. Во главе управления Московским государством в те времена стояла Боярская Дума – совет знатных и родовитых людей, близких к царю по заслугам и родству.

За боярами Колычевыми в Думе было не последнее слово. Великий князь Московский Василий III, отец Иоанна Грозного, приблизил ко двору молодого Феодора. Но даже искренняя привязанность к нему юного царевича Иоанна, которая предвещала блестящее будущее, не удержала Федора в миру. С ранних лет полюбил он божественные книги, был кроток, придворной жизни не любил, и до 30-летнего возраста не искал себе жены. Однажды войдя в церковь, услышал он слова Христа Спасителя о том, что никто не может служить двум господам. В сказанном узнал молодой человек свое призвание к монашеству. Тайно от всех Федор, надев простую одежду, оставил Москву и ушел в далекую Соловецкую обитель на Белом море.



Митрополит Филипп и Малюта Скуратов. Худ. Н.Неврев

Там он исполнял самые трудные послушания: рубил дрова,

копал землю, работал на мельнице. После полутора лет испытания игумен постриг Федора, дав монашеское имя Филипп. Под руководством опытных старцев инок Филипп возрос духовно и через несколько лет, по общему желанию братии, стал соловецким игуменом.

В этом сане святитель Филипп много потрудился для улучшения духовной и материальной жизни северной обители. На Соловках он соединил озера каналами и осушил болотные места для сенокосов, провел дороги, воздвиг два величественных собора – Успенский и Преображенский, устроил больницу и скиты для желающих безмолвия и сам по временам удалялся в одно уединенное место. Братию приучил он к трудолюбивой жизни без праздности. Но в Москве о соловецком отшельнике вспомнил воцарившийся Иоанн Грозный, который надеялся в друге своего отрочества найти верного сподвижника, духовника и советника. Со слезами отказывался игумен Филипп принять митрополичий сан, но царь был непреклонен. Тогда святой согласился стать митрополитом, желая уменьшить ужасы введенной Грозным опричнины. Но казни, пытки и прочие злодеяния, вредившие и людям, и государству Российскому, продолжались. Митрополит Филипп несколько раз в уединенных беседах с царем старался вразумить его. Убеждения не помогали, и весной 1568 года на богослужении в Успенском соборе святитель Филипп отказался благословить Ивана Грозного и стал открыто порицать беззакония. Нашлись клеветники с ложными обвинениями против святителя.

И уже через полгода по решению струсившей Боярской думы святитель был арестован. Во время службы в Успенский собор ворвались опричники в черных одеяниях, сорвали с митрополита церковные облачения и своими метлами вытолкали из храма, посадили на простые дровни и увезли в московский Богоявленский монастырь. В то же время царь казнил многих родственников Филиппа. Голову особенно любимого митрополитом племянника Грозный послал ему в его келью. Потом по указу царя к нему пустили голодного медведя, но зверь не тронул святителя. Народ с утра до вечера толпился вокруг обители и рассказывал о нем чудеса. Тогда царь велел перевести опального митрополита в Тверской Отрочь монастырь, где через год он погиб от руки Малюты Скуратова – главный опричник задушил его подушкой.

Спустя двадцать лет монахи Соловецкой обители испросили позволения нетленные мощи своего бывшего игумена перенести в свой монастырь. Впоследствии мощи святителя Филиппа были перенесены в Москву и поставлены в Успенском соборе Кремля на

том месте, где опричники схватили митрополита-мученика.

Святая мученица Татиана Римская

День памяти 25 января

Святая Татиана родилась в знатной римской семье. Ее отец, тайный христианин, трижды избирался консулом и воспитал дочь в преданности Богу. Став взрослой, Татиана отказалась от супружеской жизни. Ее поставили в диаконисы в одном из римских храмов, и отныне всю свою жизнь она посвятила молитве и милосердию: ухаживала за больными, посещала темницы, помогала бедным.

При императоре Александре Севере снова начались гонения на христиан, кровь новых мучеников полилась рекой. Схвачена была и диакониса Татиана. Когда ее привели в храм Аполлона, чтобы заставить принести жертву идолу, святая помолилась – и затряслась земля, идола разнесло на куски, часть храма обрушилась и придавила жрецов и многих язычников. Тогда стали бить святую деву, выкололи ей глаза, но она терпела все мужественно, молясь за своих мучителей. И открылось им, что четыре ангела окружили святую и отводили от нее удары. Восемь мучителей уверовали во Христа и пали к ногам святой Татианы, умоляя простить их. За исповедание себя христианами они были казнены.

Святая мученица Татиана Римская

Когда стали бритвами резать тело святой, из ран вместо крови истекло молоко и в воздухе разлилось благоухание. Мучители изнемогли и заявили, что кто-то невидимый бьет их самих железными палками, девять из них тут же умерли. Святую бросили в темницу, всю ночь она воспевала хвалы Господу, и явившиеся ангелы исцелили раны. На новый суд она явилась здоровой и еще более сияющей и прекрасной, чем прежде. Тогда святую Татиану привели в цирк и выпустили на нее голодного льва, но зверь стал кротко лизать ее ноги. Язычники остригли ей волосы, думая, что в них – ее волшебная сила, и заперли в храме Зевса. Но когда через три дня пришли жрецы, готовясь принести жертвы, увидели разбитого идола и святую мученицу [2] Татиану, радостно призывающую имя Господа Иисуса Христа. Все пытки были истощены, и мужественная страдалица была (в 226 году) усечена мечом месте со своим отцом, открывшим ей истины

христианской веры.

Святая равноапостольная [3] Нина, просветительница Грузии

День памяти 27 января

Святая Нина родилась в Капподакии и была единственной дочерью знатных и благочестивых родителей. В двенадцатилетнем возрасте Нина вместе с родителями пришла в город Иерусалим, чтобы поклониться святыням. Потрясение от встречи со Святой Землей было настолько сильным, что ее горячо верующий отец решил стать монахом, а мать осталась прислуживать при храме Гроба Господня. Нину отдали на воспитание благочестивой старице Нианфоре.

Сердце святой отроковицы пылало любовью ко Христу, претерпевшему для спасения людей крестные страдания и смерть. Читая Евангельское повествование о том, как воины, распявшие Христа, делили Его одежду и одному из них достался хитон, который соткала Сама Пресвятая Богородица, Нина подумала: не может на земле пропасть такая святыня. От наставницы она узнала, что хитон Господа был отнесен в Иверийскую страну (ныне Грузия) в город Мцхет. Нина стала горячо молиться Пресвятой Богородице, чтобы увидеть ту страну и найти хитон Господень. И вот Матерь Божия явилась Нине во сне и повелела идти в языческую страну Иверийскую с проповедью Христова учения и вручила Нине крест, сплетенный из виноградной лозы. Преодолев все трудности неизвестного пути, в Иверии святая Нина нашла пристанище в семье царского садовника. У супругов не было детей, и Нина вымолила им чадо. Вскоре она так прославилась своими чудесами, что многие стали обращаться к ней за помощью. Призывая имя Христово, святая Нина исцеляла язычников и рассказывала им о Боге, сотворившем небо и землю, и о Христе Спасителе. Она обратила ко Христу и самого царя Мариана.

Святой Нине, по ее молитвам, было открыто, где сокрыт хитон Господень, и там был воздвигнут первый в Грузии христианский храм.

Святая равноапостольная Нина

Ее трудами вера Христова утвердилась и распространилась не только в самой Грузии, но и в прилегающих к ней горных районах. После 35 лет апостольских подвигов святая Нина мирно отошла ко Господу в 335 году.

Преподобный Павел Фивейский

День памяти 28 января

Святой Павел родился в знатной семье в городе Фивы – древней столице Египта. В пятнадцать лет оставшись сиротой, много бед претерпел он от мужа своей сестры, который хотел завладеть оставшимся от родителей наследством. Во время гонений на христиан Декия в середине III века родственник хотел предать его в руки гонителей, тогда святой Павел покинул город и удалился в пустыню.

Поселившись в пещере у подножия горы, преподобный Павел, никому не ведомый, жил в ней, неустанно молясь Богу днем и ночью. Питался он финиками и хлебом, который приносил ему ворон, одеждой из пальмовых листьев укрывался от холода и зноя. По Промыслу Божию, уже незадолго до кончины святого Павла, Бог открыл о нем преподобному Антонию Великому (память 30 января), который подвизался в Фиваидской пустыне уже семьдесят лет. Однажды подумал он, что нет в пустыне монаха, который был бы совершеннее его.

Святые Павел Фивейский и Антоний Великий

Но во время ночного отдыха Антонию было откровение, что есть другой монах, гораздо лучше его, и что он должен отправиться в путь, чтобы видеть этого неизвестного миру подвижника. Целый день ходил девяностолетний Антоний по пустыне и не встретил никого, кроме зверей. Перед ним расстилалось необозримое пространство, но он не терял своей надежды. Рано утром он снова пошел. Перед его глазами мелькнула волчица, бежавшая к ручью. Святой Антоний подошел

к этому ручью и невдалеке увидел пещеру. При звуке его шагов дверь в пещеру крепко закрылась. Святой Антоний до полудня взывал через дверь к неизвестному подвижнику. Наконец, дверь отворилась, и навстречу ему вышел глубокий старец, совершенно убеленный сединами. Это был святой Павел Фивейский.

Около девяноста лет он жил в пустыне. Старцы назвали друг друга по имени, обнялись и долго беседовали. Очень обрадовало преподобного Павла, что гонения на христиан прекратились. Пока старцы беседовали, спустился к ним ворон и положил хлеб. «Щедр и милостив Господь, – воскликнул Павел. – Вот сколько лет каждый день я получаю от Него полхлеба, а ныне ради твоего пришествия послал Он целый хлеб».

На следующее утро преподобный Павел сказал пришельцу о своей близкой кончине, попросив преподобного Антония принести к нему мантию епископа Афанасия, чтобы прикрыть ею его останки. Антоний поспешил исполнить желание святого старца. Он возвратился в свою пустыню в сильном волнении и на вопросы братьев-монахов отвечал только: «Грешный, я считал себя еще монахом!» На обратном пути к святому Павлу он видел его возносящегося на небо среди сонма ангелов, пророков и апостолов. Войдя в пещеру, он увидал бездушное тело 113-летнего Павла Фивейского, стоящего на коленях с воздетыми кверху руками. Антоний благоговейно омыл его тело и завернул в мантию святителя Афанасия. Вдруг явились два льва и своими когтями вырыли довольно глубокую могилу, где Антоний и похоронил святого подвижника. Это было в 342 году. Одежду святого Павла из пальмовых листьев преподобный Антоний хранил, как величайшую святыню, и надевал только два раза в год – на Пасху и Пятидесятницу. Вокруг пещеры преподобного Павла был устроен монастырь со строгим иноческим уставом, который существует доныне.

Преподобный Макарий Великий

День памяти 1 февраля

Преподобный Макарий родился в самом начале IV века в Нижнем Египте. По желанию родителей он вступил в брак, но скоро овдовел и тогда стал чаще посещать храм Божий, читать Священное Писание. О своих престарелых родителях Макарий заботился до самой их смерти. Раздав свое наследство на их поминовение, он совершенно освободился от житейских забот. Решив оставить мир, Макарий не сразу поселился в пустыне, но, желая испытать себя, может ли переносить труды пустынного подвижничества, сначала поселился в кельи вблизи селения…

Преподобный Макарий Великий

Под руководством опытного старца-инока он научился молиться и плести корзинки для продажи. Добродетельная жизнь Макария, его благочестивые, мудрые наставления привлекли к нему внимание окрестных жителей, и ему пришлось искать уединения в другом месте. Молодой подвижник отправился к преподобному Антонию Великому, отцу египетского монашества, о котором слышал, еще живя в миру. Авва Антоний с любовью принял Макария, который стал его преданным учеником и последователем. Поучаясь духовному деланию, преподобный

Макарий жил с Великим Антонием до своего тридцатилетия. Тогда по совету святого аввы Антония, Макарий удалился в дикую, песчаную Скитскую пустыню (в северо-западной части Египта) с редкими ручьями плохой воды, куда добраться можно было только по звездам. Уже в первые годы подвижнической жизни Макария называли отроком-старцем, к которому собралось много ревнителей благочестия.

В 40 лет он стал настоятелем (аввой) иноков, живших в Скитской пустыне, – тогда он уже имел дар чудотворений и пророчества. Однажды воскресил он мертвого, чтобы доказать еретикам бессмертие души. В другой раз он воскресил мертвого, чтобы узнать, был ли виновником его смерти обвиняемый, и мертвый ясным голосом из гроба признал невинным. Так чудотворец Макарий спас невинно осужденного. Однажды преподобный разговаривал с черепом главного языческого жреца, который рассказывал о своих мучениях и о более тяжких и лютых, постигших тех, кто познал имя Божие, но отверг Его и заповеди Его не соблюдал. Несмотря на такую высоту достигнутого богоподобия, авва Макарий продолжал сохранять необыкновенное смирение.

Когда число братии умножилось, Макарий воздвиг для них четыре храма, которые имели особых пресвитеров. Все отшельники жили в особых кельях, отделенных одна от другой. Сам Макарий жил также отдельно в глубокой пустыне и имел при себе только двух учеников; один принимал приходящих, другой жил около него в особой келлии. От собственной кельи Макарий прокопал подземный ход, длиною в полстадии (около ста метров), и на конце его устроил небольшую пещеру. Когда приходящие сильно беспокоили его, он удалялся этим ходом в свою пещеру, и никто не знал, куда он уходил… Святой Макарий вкушал пищу только раз в неделю.

В годы царствования императора Валента, зараженного арианской ересью, преподобный Макарий Великий вместе с преподобным Макарием Александрийским подвергся преследованию со стороны арианского епископа Луки. Обоих старцев схватили и, посадив на корабль, отвезли на пустынный остров, где жили одни язычники. Там, по молитвам святых, получила исцеление дочь жреца, после чего сам жрец и все жители острова приняли святое крещение. Узнав о случившемся, арианский епископ устыдился и разрешил старцам возвратиться в свои пустыни. 60 лет провел святой Макарий в мертвой для мира пустыне. Свой обильный и подвижнический опыт авва претворил в глубокие богословские творения, написав 50 бесед и 7 подвижнических слов. Высшее благо и цель человека –

соединение душ с Богом, – основная мысль в творениях преподобного Макария.

Преподобный дожил до 97 лет. Перед кончиной святому старцу явился Херувим со множеством Ангелов. Когда его святая душа была взята Херувимом и вознеслась им на небо, некоторые из отцов мысленными очами видели, что бесы в отдалении стояли и вопили, что избежал их святой Макарий.

Святая благоверная княгиня (преподобная) Анна Новгородская

День памяти 23 февраля

Святая Анна была шведской принцессой и приехала на Русь взрослой девушкой. Но она так полюбила свою новую родину и заботилась о ее процветании, об укреплении православной веры, что стала русской по духу, более того – русской святой. Родители ее – первый христианский король Швеции Олаф и королева Эстрид воспитывали своих детей благородными и добрыми, смелыми и благочестивыми. Ингигерда – так в детстве звали святую Анну – на своей родине пользовалась большой свободой: жила в собственных палатах, участвовала в народных собраниях и торжествах, присутствовала на приемах при дворе, самостоятельно управляла своими поместьями, имела многочисленную вооруженную свиту. Зная о ее остром уме и добром сердце, люди часто приходили к ней за советом. Северные поэты – скальды – слагали о ней песни.

Святая благоверная княгиня Анна Новгородская

В 1017 году Ингигерда стала супругой русского Великого князя Ярослава Мудрого и сменила имя на Ирину Став великой княгиней, Ирина все силы души и сердца отдала новой родине, стала верной помощницей и советчицей мужа в его делах, много способствовала тому, чтобы отношения с северными странами Европы были добрососедскими. Она, например, приютила в Киеве изгнанных сыновей английского короля Эдмунда, Эдвина и Эдуарда, а также принца Магнуса Норвежского и заставила норвежцев вернуть ему отчий престол. Великая княгиня Ирина всегда и во всем поддерживала Ярослава, даже когда он вел борьбу с ее земляками. Однажды восстали на князя наемные воины норвежцы, которые рассчитывали на поддержку княгини Ирины. Скандинавские страны Швеция и Норвегия были давними соседями. Бесстрашная княгиня сама поехала к войску, чтобы только не дать ему перейти на сторону противника. Предводители норвежцев подстерегли ее, убили под ней коня и взяли в плен. Но без страха она предложила изменникам мужа

стать посредницей в переговорах с князем Ярославом. Норвежцы были поражены ее мужеством, силой духа и верностью и решили остаться с князем Ярославом.

Время княжения Ярослава Мудрого и Ирины было периодом высшего подъема Киевской Руси. Ярослав был великим правителем, недаром его называли Мудрым, во многом потому, что и жену он себе избрал мудрую, святой жизни. Много сделали Киевский князь и княгиня для просвещения народа. Храмы строились по всей Русской земле. Греческие певцы научили русских православному церковному пению. При Ярославе был составлен первый на Руси свод законов «Русская Правда», многие книги и рукописи были переведены с греческого на славянский язык. Для распространения грамотности князь повелел духовенству обучать детей, а в Новгороде устроил училище. Во времена Ярослава пришел в Киев с Афона преподобный Антоний Печерский, который положил начало одному из первых монастырей – Печерскому, будущей Киево-Печерской лавре. В 1051 году Великий князь Киевский, собрав епископов, впервые – независимо от Константинополя – поставил в митрополиты «русина» Иллариона.

Великому князю часто приходилось бывать в далеких походах и поездках, во время которых Ирина оставалась в Киеве, управляя делами.

Великая княгиня Ирина была матерью большой дружной семьи. Она воспитала семь сыновей и трех дочерей. Дочери Ирины стали королевами: Анна – французской, Мария – венгерской, Елизавета норвежской, а сыновья – мужественными русскими князьями. Особенно известны четверо: святой благоверный князь Владимир Новгородский, великий князь Изяслав Киевский, Святослав Черниговский, Всеволод Переяславский (отец Владимира Мономаха).

Великая княгиня основала в Киеве первый женский монастырь во имя своей покровительницы святой великомученицы Ирины и, по обычаю того времени, должна была не только заботиться о нем, но и управлять им. В 1045 году она направилась в Новгород к любимому сыну Владимиру на закладку Софийского собора, который стал великой святыней не только Новгородской земли, но и всей земли Русской. В Новгороде великая княгиня Ирина приняла монашеский постриг с именем Анна. Это был первый постриг в великокняжеском доме; с него началась традиция пострижения русских князей и княгинь после исполнения ими долга правителей народа. Здесь же, в Новгороде, святая княгиня Анна скончалась 10/23 февраля 1051 года и была погребена в Софийском соборе, где и ныне почивают ее мощи.

Преподобный Димитрий Прилуцкий, Вологодский чудотворец

День памяти 24 февраля

Русский чудотворец Димитрий Прилуцкий родился в городе Переславле-Залесском в богатой купеческой семье. Первыми его духовными наставниками были отец и мать. Отрок Димитрий охотнее всего посещал церковные службы и часто читал Священное Писание; он старался не только проникнуть в его смысл, но извлечь для себя уроки и примеры для подражания. В богатом родительском доме он не допускал, чтобы слуги ухаживали за ним.

После смерти родителей молодой человек отказался от наследства в пользу брата и постригся в монахи в Успенском монастыре.

Уже в то время иноки и простой народ полюбили его за простоту и смирение. Преподобный Димитрий был очень красив лицом, словно библейский Иосиф Прекрасный. Именно поэтому святой избрал еще более суровое, постническое житие, чтобы умертвить свою телесную красоту и суетные помыслы о ней. Но чем более он усугублял воздержание, труд и молитву, тем более просветлялось его лицо. Был у святого обычай всегда прикрывать лицо свое куколем, почти не беседуя с мирскими, кроме тех, кому это было духовно необходимо.

Преподобный Димитрий Прилуцкий

Желая уединения, преподобный в 1350 году основал на болоте невдалеке от Плещеева озера Никольский монастырь и был в нем игуменом. Многочисленная братия повиновалась ему с любовью, видя в нем истинного наставника. Многие миряне приходили к нему за советом и молитвенной помощью.

В 60 верстах от Переславля подвизался другой великий русский святой – преподобный Сергий. Игумен Димитрий стал его духовным другом, часто ходил в Троицкий монастырь для взаимной беседы и молитвы.

Утверждая православие в родных землях, святой Димитрий вскоре стал здесь очень известным. Тогда, избегая человеческой славы, по совету преподобного Сергия он ушел в Вологодские пределы и основал первый на русском Севере общежительный монастырь – Спасо-Прилуцкий. Великий князь Димитрий Донской одарил обитель богатыми имениями. И здесь, в диких еще местах, преподобный Димитрий прославился новыми чудотворениями и прозорливостью, милосердием и строгим подвижничеством:

пищей его была лишь просфора с теплой водой. До глубокой старости преподобный учил жить по-евангельски своим примером: кормил нищих, принимал странников и всех утешал.

Скончался преподобный Димитрий Прилуцкий в глубокой старости 11/24 февраля 1392 года: братия нашли его как бы уснувшим, а келья была исполнена чудного благоухания.

Преподобные Мартиниан Кесарийский и Зоя Вифлеемская

День памяти 26 февраля

Преподобный Мартиниан

Во Святой земле близ города Кесарии Палестинской, на горе, поселился прекрасный собой юноша Мартиниан. Оставив мир и проводя жизнь, подобно бестелесным ангелам, он пробыл здесь 25 лет. За свою добродетельную жизнь он удостоился от Бога дара исцелять недуги и болезни. В начале подвижничества диавол решил посрамить Мартиниана через развратную женщину.

Однажды она поспорила на деньги с некоторыми городскими мужами, что соблазнит святого Мартиниана, слава о добродетельной жизни которого распространилась по городу. Она пришла к нему в ночной час под видом странницы, прося ночлега. Святой впустил ее, так как погода была ненастная. Но вот лукавая гостья переоделась в дорогую одежду и стала соблазнять подвижника. Тогда святой вышел из кельи, зажег костер и встал босыми ногами на пылающие угли. Он говорил при этом себе: «Трудно тебе, Мартиниан, терпеть этот временный огонь, как же ты будешь терпеть вечный огонь, приготовленный тебе диаволом?»

Преподобный Мартиниан

Преподобная Зоя

Женщина, пораженная этим зрелищем, раскаялась и просила святого наставить ее на путь спасения. По его указанию она отправилась в Вифлеем, в монастырь святой Павлы, где в строгих подвигах прожила 12 лет. Немного хлеба и воды принимала только раз в день, ложем ей была голая земля. Незадолго до кончины преподобная Зоя – такое имя носила женщина – просила у Господа, чтобы Он открыл ей, принято ли ее покаяние. Во извещение Своей милости, Господь дал ей дар исцеления.

Святой же Мартиниан, исцелившись от ожогов, удалился на необитаемый скалистый остров и прожил под открытым небом несколько лет, после чего стал вести жизнь странника.

Преподобная Зоя

Однажды, придя в Афины, он заболел и, чувствуя приближение кончины, лег на пол в одной церкви и призвал епископа, которому Бог открыл о жизни пришедшего странника.

После блаженной кончины святого епископ с великою честью предал погребению его тело. Это произошло около 422 года. Память преподобной Зои и святого Мартиниана празднуется в один день.

Святой благоверный князь Даниил Московский

Дни памяти 17 марта и 12 сентября

Святой благоверный князь Даниил Александрович был сыном знаменитого русского героя святого благоверного великого князя Александра Невского и его супруги праведной княгини Вассы. Родился он в стольном граде Владимире в 1261 году. Вскоре великий князь Александр вынужден был в очередной раз отправиться на поклон к татарам в Золотую Орду и на обратном пути скончался. Младенец Даниил остался сиротой на втором году жизни.

После раздела отцовского наследства князю Даниилу, как младшему сыну, достался самый слабый и небогатый удел – Московское княжество. Стольным градом Руси был тогда город Владимир. Юный князь Даниил начал править кротко, милосердно и миролюбиво, прислушиваясь к благоразумным советам старших людей. Неспокойно было в то время на Руси. Полвека уже стонала она под татарским игом. Но и свои князья постоянно ссорились и разжигали междоусобицы. Очень часто старшие братья Даниила поднимали меч друг на друга, чтобы обогатиться за чужой счет. Приходилось и московскому удельному князю Даниилу собирать войско для обороны своих рубежей. Главной целью в этих походах благоверный князь Даниил считал примирение враждующих.

Святой благоверный князь Данил Московский

И часто, благодаря его постоянному стремлению к единению и миру на Русской земле, удавалось предотвратить тяжелые кровопролития.

Однажды великий князь Андрей Александрович, брат Даниила, призвав из Орды татар во главе с Дюденем, опустошил русские города: Муром, Суздаль, Коломну, Дмитров, Можайск, Тверь. Сил против соединенного войска татар и вероломного князя Андрея не было. Помолившись Богу и посоветовавшись со своими ближними людьми, князь Даниил решился на тяжкий, но

единственно возможный шаг, чтобы спасти людей от неминуемой гибели в бою. Оставшись в Москве, он впустил врагов в город и вместе со своим народом переживал все ужасы варварского разорения. От Москвы остались одни головешки. Когда враги ушли, князь Даниил раздал свое личное имение пострадавшим москвичам, чтобы как можно скорее возродить свою столицу из руин.

Через два года подвиги миролюбия князя Даниила принесли свои плоды: на съезде всех русских князей в городе Дмитрове ему удалось примириться с братом и заключить мир. А еще через год, побежденный добродушием младшего брата, Андрей передал Даниилу свою власть и титул Великого князя Владимирского… Росло уважение к нему среди русских князей и простых людей.

Когда рязанский князь Константин с помощью татар занимался тайными приготовлениями к нападению на земли Московского княжества, князь Даниил пошел с войском к Рязани, разбил неприятеля, взял в плен Константина и истребил множество татар. Это была первая победа над татарами – негромкая, но замечательная, как первый порыв к свободе. Разбив Рязанского князя и рассеяв его союзников – татар, благоверный князь Даниил не воспользовался победою, чтобы отобрать чужие земли или взять богатую добычу, как это было принято в те времена, а показал пример истинного нестяжания, любви и братолюбия. Никогда не брался святой князь за оружие, чтобы захватить чужие земли, никогда не отнимал собственности у других князей ни насилием, ни коварством. За это Господь расширил границы его владений.

Иоанн Димитриевич, князь Переславля-Залесского, племянник Даниила, кроткий и благочестивый благотворитель нищих, уважал и любил своего дядю. В 1302 году, умирая бездетным, он передал свое княжество святому Даниилу. Переславская земля вместе с Дмитровом была после Ростова первой как по числу жителей, так и по крепости главного города. Переславль-Залесский был хорошо защищен со всех сторон. Святой князь остался верен Москве и не стал переносить столицу княжества в более сильный и значительный по тому времени Переславль. Это присоединение выдвинуло Московское княжество в число наиболее значительных на Руси. Так, без вражды и кровопролития, была положена основа будущему великому Московскому царству, объединившему огромные земли и бесчисленные народы.

Святой князь Даниил воздвиг на правом берегу Москвы-реки храм в честь своего небесного покровителя преподобного Даниила Столпника. Этот небольшой деревянный храм стал

основанием и началом славного Данилова монастыря. К древнейшим московским монастырям относится и Богоявленский, который также основал московский правитель. Своих монастырей и храмов он никогда не забывал, поддерживал богатыми дарами.

В 42 года святой Даниил тяжело заболел. Он принял великую схиму и заповедал похоронить себя в любимом Даниловом монастыре. У его могилы стали происходить чудеса и исцеления; спустя 350 лет его святые мощи были обретены нетленными.

Множество православных святых явилось впоследствии в Москве – святители, преподобные, блаженные, новомученики за веру православную. Но одного святого среди всех считают духовным основателем первопрестольной столицы – благоверного великого князя Даниила Александровича. Москвичи во все времена уважительно величали его «хозяином Москвы».

О чудесах, свершенных святым Даниилом Московским после смерти

Однажды великий князь Иван III Васильевич проезжал мимо места древнего Даниловского монастыря, где почивали мощи блаженного князя Даниила. И вот у одного знатного юноши споткнулся конь, и он остался один, отстав от княжеской свиты. Внезапно юноше явился незнакомый человек. Юноша испугался, а незнакомец стал говорить: «Не бойся меня, ибо я христианин, месту же сему господин. Имя мое Даниил Московский. По Божию изволению положен я здесь, на Даниловском сем месте. Иди, юноша, к великому князю Иоанну и скажи ему: вот ты всячески себя утешаешь, зачем же меня предал забвению? Но если он забыл меня, то Бог мой не забывал меня никогда». Сказав это, незнакомец стал невидим. Юноша тотчас догнал князя и рассказал ему о чудесном видении. С того времени великий князь повелел петь соборные панихиды и божественные службы и устроил раздачу милостыни и трапезы по отошедшим душам своих родственников, поживших в благочестии.

В годы царствования Ивана Грозного в Коломне жил купец. Однажды на лодке он вместе с сыном выехал для торговли в Москву. По дороге его сын заболел. Купец приплыл к церкви, где почивали мощи блаженного князя Даниила, принес больного сына ко гробу святого и начал горячо молиться. И тотчас сын его стал здоровым, и они продолжали путь. С тех пор отец сильно уверовал в святого Даниила и каждый год в день исцеления сына приходил к его гробу, совершал там молебны и творил милостыню.

Святая мученица Галина Коринфская

Дни памяти 23 марта и 29 апреля

Святая Галина родилась в Коринфе, в Греции. В христианскую веру обратил ее праведный старец Кодрат. С самого рождения он был отмечен Богом. Благочестивая Руфина, его мать, убежала вместе с другими христианами в неприступные места и скрывалась там от гонений. В горах она родила сына и вскоре скончалась. Промыслом Божиим младенец был вскормлен чудесным образом: на него опускалось облако, питавшее его сладкой росой. Когда Кодрат подрос, его нашли, привели в город. Он быстро научился читать и писать, освоил искусство врачевания. Христиане научили его истинной вере. Кодрат большую часть времени проводил в уединенной молитве в горах. К святому часто приходили его друзья, чтобы послушать его наставления.

По приказу императора Декия, гонителя христиан, в Коринф прибыл военачальник Иасон. Святой старец Кодрат был схвачен вместе со своими учениками. Их стали жестоко мучить, и Кодрат, несмотря на нечеловеческие страдания, находил в себе силы поддерживать других, убеждая не страшиться и твердо стоять за веру. Не добившись ни от кого отречения от Христа, мучеников по приказу Иасона бросили на съедение диким зверям, но звери не тронули их. Тогда праведников привязали за ноги к колесницам и поволокли по городу, а толпа бросала в них камни. Наконец, мучеников присудили к усечению мечом. Помолившись с усердием ко Господу, верные христиане преклонили под меч свои честные главы.

Святая мученица Галина Коринфская

На месте казни явился источник чистой воды – для напоминания Коринфу о страданиях святых, проливших реки своей крови. Праведная Галина и другие жены, подражая святому Кодрату и сохраняя в своих сердцах его наставления, добровольно пошли на муки за Христа. Они могли укрыться, но не сделали этого. Их бросили в море, но они не утонули, а шли по воде, как по суше, и пели духовные гимны. Мучители догнали их на корабле, повесили на шеи камни и утопили. Все они пострадали в Коринфе в 258 году.

Святые мученики Хрисанф и Дария

День памяти 1 апреля

Будущий муж Дарии, Хрисанф, родился в знатной греческой семье и отроком был привезен в столицу мира – Рим, где получил блестящее образование. Прилежно изучая философию, он не нашел в ней ответа на многие вопросы. Когда же прочел Евангелие – то понял, что обрел знание смысла жизни и веру в Бога. Хрисанф нашел себе христианского наставника – знатока Священного Писания, жившего в уединении в горах, и часто посещал его для бесед; через несколько месяцев крестился. Вскоре он настолько утвердился в вере, что стал сам проповедовать Евангелие.

Отец юноши, сенатор-язычник, всячески старался отвратить сына от христианства и женил его на красавице Дарии, жрице языческого капища. Святой Хрисанф сумел обратить свою жену ко Христу. Дария в совершенстве изучила книги христианские, и приняла крещение. После смерти богатого сенатора дом молодых супругов, пожелавших жить девственно, уподобился монастырю, на мужской и женской половине которого были настоятелями святые Хрисанф и Дария.

Когда к градоначальнику стали поступать жалобы на святых Хрисанфа и Дарию, что они проповедуют безбрачие, он велел пытать их до тех пор, пока они не отрекутся от Христа. Совершенные ими чудеса вначале пытались приписать колдовству. Наконец трибун Клавдий прекратил пытки, потому что вместе с женой и сыновьями уверовал в Божественную силу Христа, творящего чудеса.

Спустя недолгое время святых супругов снова схватили. Дарию мучители отдали в блудил ище. Но там ее охранял сбежавший из зверинца лев, никого к ней не допуская. Святого Хрисанфа бросили в смрадную яму, куда стекали все нечистоты города. Но ему воссиял Небесный Свет, и яма наполнилась благоуханием.

Тогда император Нумериан приказал вывести мучеников из Рима и сбросить в глубокий ров. Заживо засыпанные землей, святые Хрисанф и Дария приняли мученический венец в 283 году. К месту их погребения стали приходить христиане для молитвы, потому что вскоре оно прославилось многими исцелениями.

Святые мученики Хрисанф и Дария

Святой мученик Авраамий Болгарский

День памяти 14 апреля

Неспокойным соседом Древней Руси была Волжская Булгария, мусульманское государство народов Среднего Поволжья и Прикамья. Волжская Булгария находилась на торговых путях, связывающих Европу с Востоком, ее города превратились в крупные торговые и ремесленные центры, булгары славились своими купцами. Святой Авраамий жил в конце XII – начале XIII века в столице Волжской Булгарии – Болгаре Великом и был богатым купцом. По своим делам он бывал в Византии и на Руси, где и познакомился с христианством.

Авраамий был очень милосердным: богатство свое тратил на помощь голодным, бездомным и больным. За милующее сердце Господь просветил этого мусульманина светом христианской веры, и он попросил своих друзей – русских купцов, помочь крестить его, и те выполняли его просьбу.

Святой мученик Авраамий Болгарский

Некоторое время крещеный Авраамий жил на Руси, скорее всего – во Владимире, был хорошо известен тамошнему духовенству и даже самому князю. Сделавшись христианином, он стал носить железные вериги.

Сила его духа и пламенная вера были таковы, что святой Авраамий решил проповедовать Христа Бога среди своего народа. В 1229 году Авраамий прибыл по Волге на торги в главный город волжских булгар, Болгар Великий. Однажды он прямо на городской базарной площади стал проповедовать о пришествии на землю, крестной смерти и воскресении Спасителя, разоблачая и опровергая магометанские заблуждения…

Такое поведение знатного и богатого гражданина вызвало недоумение у слушавших… Его долго уговаривали отречься от новой веры, ему угрожали, потом стали бить «всем миром» так жестоко, что на теле мученика не осталось ни одного неповрежденного места. На все это он, как сказано в летописном упоминании, «проклял Магомета и веру болгарскую». Тогда его отвели за город и недалеко от берега Волги сначала четвертовали, а затем обезглавили.

Русские купцы, прибывшие со святым Авраамием на торги, взяли его тело и погребли на христианском кладбище. При гробе очень скоро начались знамения, которые послужили поводом к почитанию святого. Через год мощи мученика были выкуплены у булгар и перенесены на Русь, во Владимир. Навстречу вышли великий князь с семьей, епископ с духовенством и весь народ. Честные мощи святого мученика Христова были положены в Успенском монастыре. Вскоре Господь прославил своего угодника многими чудесами, происходившими по его молитвам у святых мощей, от которых исходило благоухание.

На месте его казни забил источник чистой воды, от которого также начали происходить исцеления. Стало ясно, что и после смерти мученик молитвенно предстательствует за своих соплеменников-мусульман: первой получила исцеление от этого источника мусульманка. И до настоящего времени паломники-мусульмане, посещающие город Болгары (в Татарстане), приезжающие отовсюду, и даже из далекой Турции, считают своим долгом посетить источник мученика Авраамия, пострадавшего за веру православную от руки магометан.

Преподобная Мария Египетская

День памяти 14 апреля

Преподобная Мария, прозванная Египетской, была большой грешницей и стала великой святой. В двенадцать лет она ушла из своего дома в городе Александрии. Без родительского надзора неопытная отроковица увлеклась порочной жизнью: соблазнителей и соблазнов было немало. В течение 17 лет Мария жила в грехах, пока милостивый Господь не обратил ее к покаянию.

Однажды с паломниками приплыла она в Иерусалим, и вместе с ними направилась в храм Воскресения Христова. Люди входили внутрь, Мария же будто невидимой рукой была остановлена у входа. И поняла она, что это Господь не допускает ее к святыне за грехи. Великий страх охватил Марию, она стала молить Богоматерь заступиться за нее перед Богом. Только после этого ей удалось войти в храм. Со слезами молилась она у гроба Господа, испрашивая у Него прощения и обещая изменить свою жизнь.

Из храма вышла она другим человеком, и – в чем была – отправилась в суровую Иорданскую пустыню. Полвека провела она там в совершенном одиночестве, в подвигах сурового поста и слезной молитвы. Мало-помалу Мария Египетская совершенно искоренила в себе все греховные пожелания, и в чистом сердце ее поселился Святой Дух.

Старец Зосима из монастыря святого Иоанна Предтечи, основанного рядом с местом Крещения Господа, по Промыслу Божию, встретился в пустыне с преподобной Марией, когда та уже была глубокой старицей. Он видел ее во время молитвы как бы возвысившейся над землей, в другой раз – идущей через реку Иордан, как по суше. Зосима – сам муж святой, был поражен святостью этой женщины и даром ее прозорливости. Расставаясь с Зосимой, преподобная Мария попросила его прийти к ней через год, чтобы причастить.

В назначенное время Зосима снова нашел преподобную Марию в пустыне и причастил ее святых Тайн. Когда еще через год старец пришел к ней, то увидел только иссохшее мертвое тело. Зосима омыл слезами стопы Марии. Пришедший из пустыни лев вырыл когтями могилу, в которой и была погребена праведница (около 521 года).

Преподобная Мария Египетская

Почему Бог выбрал ее, Марию? Подумав, каждый сочтет, что Божия сила должна была бы и нас отбросить от порога храма, ибо и мы недостойны войти туда по своим грехам. Прямого ответа житие нам не дает, мы можем догадываться, почему она избрана. Потому что, по-видимому, в этой невежественной, падшей, молодой, несчастной женщине была большая душа. Она хотела прийти и поклониться Гробу Господню в простоте своего сердца, хотела прийти и встать перед местом Его Голгофы. И ее поразило, что даже это ей было запрещено…

Святые мученицы Агапия, Ирина и Хиония

День памяти 29 апреля

Святые мученицы Агапия, Ирина и Хиония были родными сестрами и жили около большого города Аквилеи в Северной Италии. В юном возрасте потеряв родителей, они решили не выходить замуж и жили в благочестии и чистоте под духовным руководством священника Зинона. Ему было открыто в сонном видении, что скоро он умрет, а святых дев возьмут на мучение. И вот Зинона не стало, а император Диоклетиан приехал в свой роскошный дворец в Аквилею. В городе начались гонения на христиан. Увидев юных прекрасных сестер, император обещал найти знатных женихов из своей свиты. Но святые сестры отвечали, что имеют одного Небесного Жениха – Христа, за веру в Которого готовы пострадать.

Надеясь, что красавицы недолго будут верны Жениху Небесному, Диоклитиан забрал их с собой в Македонию. И вот сластолюбивый македонский правитель повелел на суде обнажить перед ним святых мучениц. Но одежды как бы приросли к телам святых дев. Затем их отдали судье Сисинию. Младшая из сестер, Ирина после отказа отречься от Христа, была брошена в темницу. Непреклонных Хионию и Агапию Сисиний приказал сжечь. Они скончались, но их одежда и лица не стали добычей огня, а оставались прекрасными.

На другой день Сисиний пугал на суде участью старших сестер Ирину и уговаривал отречься от Христа, а потом стал угрожать отдать ее на поругание. Но когда воины повели святую Ирину в блудил ище, их нагнали два светлых воина – это были ангелы Божии; они сказали, что Сисиний повелевает привести девицу на гору и оставить там. Воины так и поступили. Сисиний, узнав о случившемся, пришел в ярость и с отрядом воинов поспешил к горе. На ее вершине стояла святая Ирина. Долго гонители искали дорогу к вершине, но так и не нашли. Тогда один из воинов ранил мученицу стрелой из лука. Святая Ирина крикнула Сисинию: «Я смеюсь над твоей бессильной злобой и чистой, неосквернённой отхожу ко Господу моему Иисусу Христу», затем легла на землю и предала дух свой Богу – за день до Святой Пасхи 304 года.

Святые мученицы Агапия, Ирина и Хиония

Святой мученик Виктор

День памяти 1 мая

Мученик Виктор Никомидийский был одним из множества святых первых веков христианства, претерпевших мученическую смерть за исповедание себя христианином.

В то время когда нечестивый император Диоклетиан воздвиг на христиан жестокое гонение, был схвачен и на центральной площади Никомидии (ныне город Измир в Турции) предан на страшные мучения Великомученик Георгий. Пытками палачи хотели добиться от него отречения от веры. Во время мучений силою Божией святой Георгий творил дивные чудеса, благодаря которым, многие из язычников уверовали во Христа.

Но уверовавшие немедленно подвергались мучениям от рук нечестивых: некоторых из них бросали потом умирать в темнице, других подвергали немедленной смерти – сжигали огнем, усекали мечем, отдавали на съедение диким зверям.

Кровь христианская лилась рекой. «Кровь мучеников есть семя христианства», – говорил церковный писатель III века Тертуллиан. На крови мучеников выросла Церковь Христова.

Святой мученик Виктор

Из числа таковых-то и были святые мученики: **Виктор,** Зотик, Акиндин, Зинон, Севериан и Кесарий. Они, увидев святого Георгия привязанным к колесу, которое должно было терзать его тело, были поражены тем, что святой Георгий не потерпел никакого вреда, и уверовали в Господа Иисуса Христа, за что мучители немедленно отсекли им головы. Произошло это в Никомидии на Святую Христову Пасху, которая в 303 году по Рождестве Христовом приходилась на 18 апреля/1 мая. Беспримерные христианские подвиги исповедничества и мученичества святого Георгия Никомидийского Победоносца в течение всей Пасхальной недели привели к тому, что появилось целое созвездие Никомидийских мучеников, память которых ежегодно совершается с 18 по 23 Апреля, что по нашему гражданскому календарю соответствует 1–6 мая.

Святой великомученик и чудотворец Георгий

День памяти 6 мая

Святой Георгий был сыном знатных и богатых родителей, тайных благочестивых христиан. Поступив на военную службу в римскую армию, Георгий очень скоро своим умом, храбростью, телесной силой, воинской сноровкой достиг звания тысяченачальника и сделался любимцем императора Диоклетиана. Желая возродить в Римской империи отмирающее язычество, этот император вошел в историю, как один из самых жестоких гонителей христиан.

Услышав однажды на суде бесчеловечный приговор христианам, святой Георгий воспламенился состраданием к ним. Предвидя и свои мучения, он раздал имущество бедным, отпустил на волю рабов, явился к Диоклетиану и объявил себя христианином. Речь святого Георгия, бывшего начальником личной охраны императора, была полна сильных и убедительных возражений против императорского приказа преследовать христиан.

Диоклетиан долго уговаривал своего любимца одуматься, но, так и не добившись успеха, повелел предать его на страшные мучения. В течение всей Пасхальной недели 303 года на центральной площади Никомидии происходили все новые и новые пытки: святого Георгия укладывали обнаженной спиной на острые лезвия, секли воловьими жилами, принуждали ходить в сапогах с острыми гвоздями внутри, колесовали. Но раны мученика чудесно исцелялись. Несгибаемое мужество и стойкость полководца оказали потрясающее действие на его бывших подчиненных императорских гвардейцев: они открыто исповедовали себя христианами и смело шли на муки и казнь за Христа.

Святой великомученик и чудотворец Георгий

В темницу к святому Георгию стали приходить люди, и он наставлял всех в вере и молитвой творил чудеса: воскресил мертвого и исцелял больных.

Когда молитвенным обращением ко Господу Иисусу Христу великомученик разрушил в Никомидии языческий храм с идолами, открыто признали себя христианками супруга Диоклетиана царица Александра и ее дочь. Обезумевший от гнева Диоклетиан приказал тогда казнить ее вместе со святым Георгием.

Великомученика Георгия за мужество и за духовную победу над мучителями, которые не смогли заставить его отказаться от Христа, а также за чудодейственную помощь людям в опасности называют еще Победоносцем.

Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец

Дни памяти 19 декабря и 22 мая

Святитель Николай Чудотворец известен во всем мире вот уже на протяжении 17 столетий…

Родился святитель в Малой Азии (ныне территория Турции). С детства в храме Божьем он проводил дни и ночи в молитве и чтении божественных книг. Видя такое благочестие, его дядя, епископ города Патары, рукоположил молодого еще Николая во священники. После смерти родителей он стал раздавать свое богатое наследство бедным, стараясь помогать людям тайно, чтобы его не благодарили.

Когда будущий святитель отправился на корабле во Святую землю поклониться местам, где жил и умер на Кресте Господь Иисус Христос, то в плавании молитвой он усмирил сильную бурю и воскресил умершего матроса. Поклонившись святым местам, святой Николай хотел было уйти в пустыню, но услышал голос, повелевающий ему вернуться на родину и служить людям.

Не желая жить в Патарах, где люди знали его и хвалили, священник Николай пошел в главный город Ликийской области Миры и поселился там, как бедняк. Но чудесным образом о нем узнали и сделали епископом Мир Ликийских. В архиерейском сане святитель Николай остался тем же великим подвижником, что и раньше, одежду носил самую простую, вкушал постную пищу. Забыв о себе, он отворил свои двери всем – и верующим, и язычникам – и стал отцом для сирот, чудесным заступником для обиженных и благодетелем бедных.

Помимо этого святитель своей кротостью и незлобием возбуждал в людях раскаяние в грехах и желание исправить жизнь.

Икона из Базилики св. Николая в г. Бари (Италия), которая, как считается, была написана на основе прижизненного изображения святого

Во время гонений на Церковь при императоре Диоклетиане святитель был заключен в темницу. И там – сколько страждущих душ спас он молитвой и своим примером терпения скорбей! Господь не судил ему умереть мучеником. При новом императоре Константине святитель вернулся к нуждающейся в нем пастве.

Как ревностный защитник Православия святитель Николай присутствовал на I Вселенском Соборе в городе Никее в 325 году, где был составлен Символ веры, в котором в точных словах изложена православная вера в Господа Иисуса Христа.

Дожив до глубокой старости, святитель Николай мирно отошел ко Господу 6/19 декабря в середине IV века. Его мощи хранились нетленными в соборе Мир Ликийских и источали благоуханное

целебное миро, от которого многие получали исцеления. В 1087 году они были перевезены в Италию, в город Бари. Это событие и празднуется 22 мая.

Благоверный князь Димитрий Донской

День памяти 1 июня

Святой Димитрий Донской, сын Великого князя Ивана II Красного и внук Ивана Калиты, рано оставшись без отца, воспитывался под руководством святого митрополита Московского Алексия, духовного друга преподобного Сергия Радонежского.

С юных лет Великий князь Димитрий пребывал в кругу великих русских подвижников, от которых научился преодолевать себя, глядеть в лицо смертельной опасности, действовать в совершенно неведомой обстановке. В 12-летнем возрасте он занял великокняжеский престол и обнаружил выдающиеся таланты государственного деятеля. Боголюбивый князь ежедневно посещал храм, постом каждый воскресный день приступал ко причастию, носил власяницу под княжескими одеждами.

А.Д. Кившенко. Посещение великим князем Димитрием Сергия Радонежского перед выступлением в поход на татар

В 1380 году, собирая силы для решающего сражения с полчищами Мамая, святой Димитрий просил благословения у преподобного Сергия Радонежского. Старец воодушевил князя, предсказал ему победу и дал в помощь как свое благословение

монахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю, которых сам постриг в схиму. Перед выступлением войска произошло чудесное событие – во Владимире были открыты нетленные мощи прадеда князя Димитрия князя Александра Невского. Ночью он восстал из гроба и обещал своими святыми молитвами помогать правнуку, идущему на бой с иноплеменниками.

Великий князь Димитрия наравне с простыми воинами бился в жестокой сече. Некоторые видели, что христианам на Куликовом поле (между реками Доном и Непрядвой) помогало ангельское воинство с архистратигом Михаилом во главе. Русские разгромили татар, но большая часть 150-тысячного войска погибла в «сече лютой и великой». Никто не смел с этой поры спорить о старшинстве с московским князем, ибо Русь знала, какое добро он ей сделал, и наименовала его Донским. В память убиенных воинов Димитрий Донской установил Димитриевскую родительскую субботу.

Через два года после Куликовской битвы новый татарский хан Тохтамыш с несметным войском двинулся на Москву, разоряя русские земли, и фактически уничтожил столицу. По преданию, Димитрий Иоаннович плакал на развалинах города и велел похоронить убитых на свои деньги. Почувствовав приближение кончины, князь Димитрий послал за преподобным Сергием и при нем составил свое духовное завещание. Святой князь скончался 19 мая 1389 года, едва достигнув 40 лет, и был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Святитель и врач Лука

День памяти 11 июня

В миру он носил имя Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Закончив в 1903 году медицинский факультет Киевского университета, он мечтал быть земским врачом. Он стал необыкновенно талантливым хирургом, блестяще делавшим самые различные операции. Одним из первых в России он освоил сложнейшие операции на желчных путях, кишечнике, желудке, почках, оперировал сердце и мозг. Он в буквальном смысле слова возвращал зрение слепым людям. В 1920-х годах он тайно принял монашество и был рукоположен сразу во епископа. В 1934 году ученый и святитель Лука издал свой медицинский труд-монографию «Очерки гнойной хирургии», которая приобрела мировую известность и помогала лечить раненых во время Великой Отечественной войны. Тысячи жизней спас святитель своими уникальными операциями. В 1946 году, будучи уже архиепископом, он получил Сталинскую премию, больше половины из которой перечислил детям, пострадавшим от войны.

Несмотря на перенесенные от советской власти нечеловеческие страдания – 10 лет лагерей и ссылок, архиепископ Лука до своей кончины оставался патриотом. Как истинный христианин он считал, что советская власть послана Богом русскому народу как наказание за отступления от Божественных заповедей, и народ должен пройти эти испытания и вернуться к истинной вере православной.

Последние полтора десятка лет святитель Лука, отягощенный различными болезнями и слепотой, возглавлял Симферопольскую кафедру. Много сил приложил он, чтобы навести порядок в разоренной послевоенной епархии: препятствовал закрытию старых храмов, открывал новые. При этом святитель не оставлял медицинскую практику, консультируя и оперируя в Симферопольском военном госпитале. Владыка с поразительной точностью ставил диагнозы, а также мог предвидеть будущее. В своем доме архиепископ бесплатно принимал больных, в кафедральном соборе читал смелые проповеди, чем навлекал неудовольствие советских властей. Утром 11 июня 1961 года, в день празднования Всех святых, в земле Российской просиявших, 84-летний архиепископ Лука скончался. Это было настоящее народное горе. Весь Симферополь вышел провожать врача-епископа в последний путь, несмотря на запреты властей. Спустя всего 35 лет со дня кончины святитель Лука был канонизирован. Его нетленные мощи ныне почивают в кафедральном Свято-

Троицком соборе Симферополя и подают исцеления тысячам верующих.

Преподобный Максим Грек

Дни памяти 3 февраля и 4 июля

Преподобный Максим родился в богатой греческой семье (в Албании), получил блестящее образование. В юности он много путешествовал и изучал языки и науки в европейских странах; побывал в Париже, Флоренции, Венеции. Возвратившись на родину, он предпринял поездку на Афон и здесь принял постриг в монашество в Ватопедском монастыре, где кропотливо изучал древние рукописи. В это время великий князь Московский Василий Иоаннович (1505–1533) пожелал разобраться в греческих рукописях и книгах своей матери, племянницы последнего византийского императора Софии Палеолог. Он обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой прислать ему ученого-грека. Тогда-то афонский монах Максим был отправлен в Москву. По прибытии ему было поручено перевести на славянский язык толкование на Псалтирь, затем толкование на книгу Деяний Апостолов и несколько Богослужебных книг.

Преподобный Максим усердно и тщательно старался исполнять все поручения. Но из-за того что славянский язык не был родным для переводчика, естественно, возникали некоторые неточности в переводах. Митрополит Московский Варлаам высоко ценил труды преподобного Максима. Когда же Московский престол занял митрополит Даниил, то между ними начались разного рода неурядицы. Несмотря на это, преподобный Максим продолжал усердно трудиться на ниве духовного просвещения Руси.

Преподобный Максим Грек

Он перевел толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна, а также написал несколько собственных сочинений.

Когда великий князь намеревался расторгнуть свой брак с супругой Соломонией, потому что у нее не было детей, отважный исповедник Максим воспротивился решению князя. За это святого заключили в темницу. С этого времени начался новый, многострадальный период жизни преподобного. Неточности, обнаруженные в переводах, были вменены преподобному Максиму в вину, как умышленная порча книг. Тяжело было томиться в темнице, но среди страданий было преподобному чудное откровение. Явившийся ему ангел сказал: «Терпи, старец! Этими муками избавишься вечных мук». В темнице преподобный старец написал углем на стене канон Святому Духу, который и ныне читается в Церкви.

Через шесть лет преподобного Максима освободили от тюремного заключения и послали с запрещением священнослужения в тверской Отрочь монастырь.

Там он жил под надзором добродушного епископа Акакия, который милостиво обходился с невинно пострадавшим. Преподобный написал автобиографическое произведение «Мысли, какими инок скорбный, заключенный в темницу, утешал и укреплял себя в терпении». Лишь через двадцать лет пребывания в Твери святому греку разрешили проживать свободно и сняли с него церковное запрещение. Последние годы своей жизни преподобный Максим Грек провел в Троице-Сергиевой Лавре. Ему было уже около 70 лет. Гонения и труды отразились на здоровье преподобного, но не сломили его духа; он продолжал трудиться. Вместе со своим келейником и учеником Нилом преподобный усердно переводил Псалтирь с греческого на славянский язык.

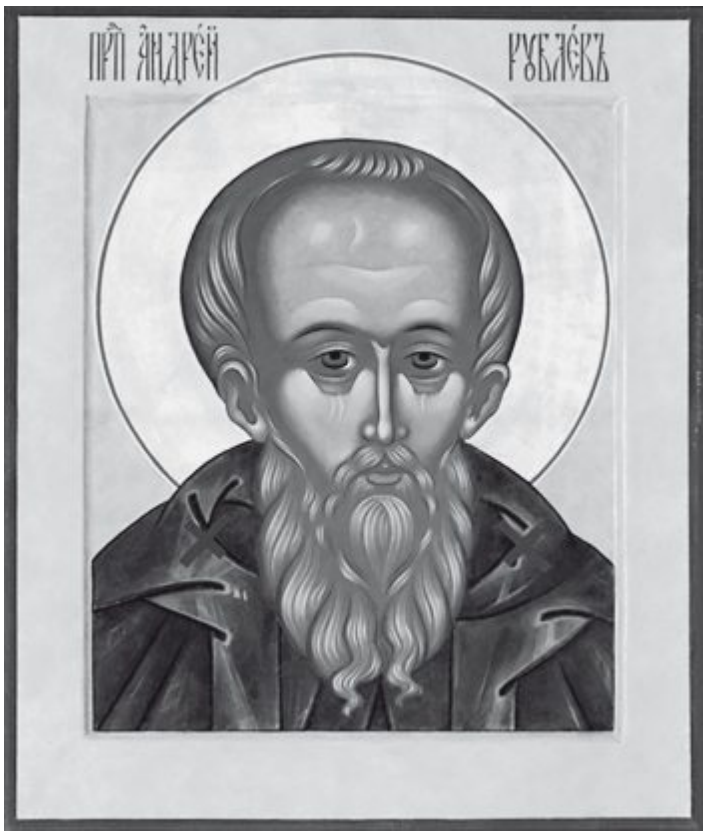
Преподобный скончался 21 января/3 февраля 1556 года и был погребен у стены Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры. Мощи его ныне открыто почивают в лаврском Успенском соборе.

Преподобный Андрей Рублев

День памяти 17 июля

О ведения о святом иконописце Андрее Рублеве очень немногочисленны. Родился он предположительно в 1360 году, в какой семье – неизвестно. Его прозвище «Рублев», которое сохранилось и в монашестве, можно считать фамилией. В XIV–XV веках и значительно позже фамилии носили только представители высших слоев общества, поэтому предполагают, что его родителями были образованные и именитые. Обучение Андрей Рублев начал с детских лет и вскоре достиг немалого умения. Возможно, что в молодости он учился и работал в Византии и Болгарии.

Преподобный Андрей жил в эпоху тяжелых для Руси исторических событий: уже полтора столетия Русь томилась под гнетом завоевателей татаро-монгол. Жизнь каждого русича ежедневно висела на волоске, беспощадно разорялись дома и нивы.



Преподобный Андрей Рублев

Вероятно, это и определило уход святого Андрея из мира в монастырь. Наиболее вероятно, что он принял постриг в московском Спасо-Андрониковом монастыре, с которыми была связана его жизнь. Второй его родной обителью стал Троице-Сергиев монастырь. Андрей Рублев застал то время, когда был жив «игумен земли Русской» Сергий, и проникся высоким духом Радонежского чудотворца. После его смерти святой иконописец продолжал тесно общаться с его учениками во время поездок, связанных с выполнением заказов. Кроме преподобного Никона, второго игумена Сергиевой Троицкой обители, Андрей Рублев знал святого Савву Сторожевского и племянника преподобного Сергия – Ростовского архиепископа святителя Феодора, который некоторое время был игуменом в соседнем с Андрониковым Симонове монастыре. Сам преподобный Андроник, основатель и первый игумен Спасо-Андроникова монастыря, был непосредственным учеником преподобного Сергия.

Хорошо знал Андрей Рублев известного монаха-писателя Епифания Премудрого, написавшего житие Сергия Радонежского.

Икона «Троица» преподобного Андрея Рублева

Епифаний около тридцати лет подвизался в Сергиевом монастыре и совершил паломничество по Востоку, был в Константинополе на Афоне, в Иерусалиме. Святитель Киприан, митрополит Московский, который прошел школу афонского монашества, был очень близок по духу Рублеву. Пребывая в атмосфере святости среди этих гигантов духа, преподобный Андрей учился монашескому деланию у живых святых подвижников.

Большинство произведений Рублева утрачены. По историческим источникам известно, что он расписывал стены и писал иконы для иконостасов в самых известных храмах Руси: в

Благовещенском соборе Московского Кремля, в Успенском соборе во Владимире, в Успенском соборе в Звенигороде и в Рождественском соборе Саввино-Сторожевского монастыря, в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря и в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Сохранилась знаменитая икона «Святая Троица», которая была написана по заказу игумена Никона, ближайшего ученика Сергия Радонежского, как говорили в те времена, «в похвалу – преподобному Сергию» – то есть как восхваление его духовного подвига.

Местом вечного упокоения преподобного Андрея Рублева стал Спасо-Андроников монастырь, но в начале XIX века при перестройках монастыря его могила была утеряна.

На протяжении XVI–XVII веков память об Андрее Рублеве глубоко почиталась. Определением Стоглавого собора (1551) его образ «Святой Троицы» был сделан каноническим, то есть было благословлено писать подобные иконы, как Андрей Рублев.

Святая равноапостольная великая Российская княгиня Ольга

День памяти 24 июля

Святая княгиня Ольга была из древнего рода князей Изборских. Родилась она в селении Выбуты под Псковом. Однажды при переезде через реку Великую она познакомилась с молодым Киевским князем Игорем и поразила его своей красотой и мудростью. Князь взял ее в жены и стал жить с ней в Киеве. Когда князь Игорь был убит древлянами, Ольга, еще язычница, жестоко отомстила им. Сын ее Святослав был мал, и она стала управлять своим народом вместо него – с мудростию и милосердием. Княгиня укрепила власть Киевского великого князя, чтобы вокруг него в одну державу стали собираться мелкие местные князья.

О Господе Иисусе Христе Ольга узнала в Клеве, где были уже христиане, но креститься она отправилась в Константинополь. В столице Византийской империи с почетом приняли правительницу руссов. Таинство Крещения совершил над ней сам Константинопольский патриарх Феофилакт, а восприемником был император Константин Багрянородный.

Вернувшись в Клев, святая Ольга проповедовала не только своим примером крещения, которому последовали многие. Летописи полны свидетельств о ее неустанных «хождениях» по Русской земле с проповедью Христа. Многих обратила она к Нему, созидая храмы в разных концах Древней Руси.

Святая равноапостольная великая Российская княгиня Ольга

На своей родине – на месте слияния рек Великой и Псковы ей было явление трех светоносных лучей, сходивших с неба на землю: здесь святая княгиня основала город Псков и построила собор во имя Пресвятой Троицы, существующий до сих пор. Скончалась святая Ольга 11 июля 969 года и по своему завещанию была погребена по-христиански, без языческих обрядов. Ее нетленное тело можно было наблюдать через окошко в каменном гробу. Истинно верующие видели его светящимся как солнце, и многие получали тогда исцеление. Любопытные же видели только лишь гроб. Спустя почти шестьсот лет княгиня

Ольга была причислена к лику святых в чине равноапостольной – равной апостолам в проповедании Евангелия. Такой чести удостоились еще только пять святых женщин в христианской истории.

Святой пророк Божий Илия

День памяти 2 августа

Величайший из пророков Ветхого Завета Илия жил за 900 лет до Рождества Христова. Родиной его была страна Галаадская в восточной части Палестины. В то самое время когда мать Илии рождала его, отцу его Саваху было видение, что благообразные мужи беседуют с младенцем, пеленают его огнем и питают пламенем. Иерусалимские священники растолковали это так: «Младенец будет сосудом благодати Божией; слово его будет, как огонь, сильно и действенно».

С ранних лет Илия часто удалялся в пустынные места, где в пламенной молитве подолгу беседовал с Богом. Илия был любим Богом и получал все, что просил у Него.

В то время израильский народ отпал от веры в Единого Бога и стал поклоняться идолу Ваалу, это привело израильтян к упадку в нравственной жизни. Господь послал Илию к царю Ахаву с предсказанием, что если он и народ не обратятся к истинному Богу, то три года не будет ни дождя, ни росы на земле. Ахав не послушался пророка, тогда по его молитве наступила засуха, зной и страшный голод. В это тяжкое время Илия прожил год в пустыне, куда ему вороны носили пищу, и более двух лет у одной бедной вдовы, у которой воскресил умершего сына.

Святой пророк Божий Илия

И вот Милосердый Господь послал пророка к царю Ахаву для прекращения бедствия. Пророк Илия велел собрать на гору Кармил весь Израиль и жрецов Ваала и предложил соорудить два жертвенника: один – от жрецов Ваала, другой – для служения Богу. «На который из них спадет огонь с неба, тот будет указанием, чей Бог истинен», – сказал пророк Илия. Жрецы Ваала взывали к своему идолу с утра до вечера, но небо молчало. На

жертвенник же пророка Илии по его молитве с неба сошел огонь. И народ прославил истинного Бога и снова уверовал в Него. И тогда выпал обильный дождь.

За свою пламенную ревность о Славе Божией пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице. По Преданию Церкви пророк Илия должен прийти на землю перед концом мира. Он обличит антихриста, пострадает от него как мученик и примет телесную смерть, как и все люди на земле.

Пророка Илию сразу после принятия христианства начали особо чтить на Руси. Первая церковь, построенная в Киеве, была во имя пророка Илии. После крещения святая равноапостольная княгиня Ольга построила храм пророка Илии у себя на родине, на Псковщине, в селе Выбуты. Пророку Илие молятся в засуху о даровании дождя.

Бог – Илие

Не сокрушайся, Мой Пророк!
На все есть час, на все есть срок;
Пускай, кичась, растет порок:
Будь зло добру в святой урок!
Но не грусти! Твой Господин
Здесь не совсем еще один,
Не все пошли к Ваалу в сети!
Есть тайные у Бога дети,
Есть тайный фимиан сердец,
Который обонять мне сладко!
Они бегут ко Мне украдкой,
И я являюсь втайне к ним;
И их лелею, просветляю
Высоким, истинным, святым!

Федор Глинка

Великомученик и целитель Пантелеймон

День памяти 9 августа

Святой Пантелеймон родился в городе Никомидии в семье знатного язычника Евсторгия и назван Пантолеоном. Его мать Еввула была христианкой, но из-за своей ранней смерти не смогла дать сыну христианское воспитание. Пантолеон окончил начальную языческую школу, после которой учился врачебному искусству у знаменитого в Никомидии врача Евфросина. Он так преуспел, что стал известен императору Максимиану, который захотел видеть его при своем дворе.

В то же время в Никомидии тайно проживали священномученики пресвитеры Ермолай, Ермипп и Ермократ, уцелевшие после сожжения 20 ООО христиан в Никомидийской церкви в 303 году. Святой Ермолай однажды позвал юношу в свое жилище и рассказал о христианской вере. После этого Пантолеон ежедневно посещал священномученика Ермолая. Как-то раз юноша-врач увидел на улице мертвого ребенка, укушенного змеей, которая еще была рядом. Пантолеон начал молиться Господу Иисусу Христу о воскрешении умершего и умерщвлении ядовитого гада. Он твердо решил, что в случае исполнения его молитвы станет последователем Христа и примет Крещение. Ребенок ожил, а змея разлетелась на куски на глазах у Пантолеона.

После этого чуда Пантолеон был крещен святым Ермолаем с именем Пантелеймон (всемилостивый). С тех пор Пантелеймон стал беседовать со своим отцом о христианстве. Когда же Евсторгий увидел, как сын исцелил слепца призыванием имени Иисуса Христа, то уверовал во Христа и крестился вместе с прозревшим слепцом.

После смерти отца святой Пантелеймон посвятил свою жизнь страждущим, больным, убогим и нищим. Он посещал в темницах узников, особенно христиан, которыми были переполнены все тюрьмы, и лечил их от ран. В скором времени молва о милостивом враче распространилась по всему городу. Оставив других врачей, жители стали обращаться только к святому Пантелеймону, который даром лечил всех обращавшихся к нему, исцеляя их именем Иисуса Христа. Из зависти оставленные врачи донесли императору, что святой Пантелеймон лечит христианских узников. Максимиан уговаривал святого опровергнуть донос и принести жертву идолам, но Пантелеймон исповедал себя христианином и на глазах императора молитвой

ко Господу исцелил расслабленного. Язычник Максимиан казнил исцеленного, а святого Пантелеймона предал жесточайшим мукам. Но прежде ему явился Господь и укрепил перед страданиями. Великомученика Пантелеймона повесили на дереве и рвали железными когтями, обжигали свечами, потом растягивали на колесе, бросали в кипящее олово, ввергали в море с камнем на шее. Во всех истязаниях великомученик оставался невредимым и с дерзновением обличал императора.

Когда святого бросили на растерзание зверям в цирке, дикие животные стали лизать его ноги. Зрители поднялись с мест и стали кричать: «Велик Бог христианский!» Разъяренный Максимиан приказал воинам рубить мечами всех, кто славил имя Христово, а великомученику Пантелеймону отрубить голову.

Святого привели на место казни и привязали к масличному дереву. Когда великомученик молился, один из воинов ударил его мечом, но меч стал мягким, как воск, и не нанес никакой раны. Когда великомученик окончил молитву, послышался голос, призывавший его в Небесное Царство. Тогда воины упали перед святым мучеником на колени, просили прощения и отказались продолжать казнь. Но великомученик Пантелеймон повелел выполнить приказ императора. Воины со слезами простились со святым.

Когда мученику отсекли голову, из раны истекло молоко. Маслина, к которой был привязан святой, в момент его смерти покрылась плодами. Многие присутствующие при казни уверовали во Христа. Это случилось в 305 году. Тело святого, брошенное в костер, не повредилось огнем и было погребено христианами. Святые мотни великомученика Пантелеймона частичками разошлись по всему христианскому миру: честная глава его находится ныне в Русском Афонском монастыре во имя великомученика Пантелеймона.

Память святого Пантелеймона особенно торжественно совершается в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне. Собор во имя его построен в 1826 году по типу древних афонских храмов. В алтаре, в драгоценном ковчеге, хранится главная святыня обители – глава святого великомученика Пантелеймона.

Около сотни лет назад русский монах привез на Святую Гору Афон косточку от никомедийской маслины великомученика Пантелеймона и посадил у алтаря в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Косточка проросла, и со временем на выросшей маслине повесили жестяной ящик с неугасимой лампадой. В 1968 году в русском монастыре на Афоне вспыхнул сильный пожар, сгорела половина корпусов. Вместе с другими

горел и больничный корпус, неподалеку от которого была высажена никомидийская маслина. Огонь вырывался из окон, у которых росла маслина, загорелись и превратились в пепел поленницы дров, окружающие ее с двух сторон, но ни один листок на самой маслине не сгорел. Маслина, выросшая в Свято-Пантелеимоновом монастыре, – целебная. Многие из заболевших монахов и паломников, с верой и молитвой съедавших ее дивные плоды, исцелялись от различных болезней и душевных недугов. Еще один отросток этой маслины был промыслительно высажен на Афоне в болгарском монастыре Зограф, и, когда в недавнее время древо, росшее в русской обители, стало внезапно иссыхать при ремонтных работах, братия Зографа передала в Свято-Пантелеимонов монастырь молодой побег чудесной маслины.

Мученики Аникита и Фотий и многие с ними

День памяти 25 августа

Мученики Аникита и Фотий (его племянник) были родом из Никомидии. Военный сановник Аникита с твердостью обличал императора Диоклетиана, установившего на городской площади орудия казни, чтобы устрашать христиан. Разгневанный Диоклетиан приказал мучить святого Аникиту, а затем бросить его на съедение зверям. Но выпущенный лев сделался кроток и ласкался к нему. Внезапно началось сильное землетрясение, отчего упало капище Геркулеса, и под обвалившейся городской стеной погибло много язычников.

Мученики Аникита и Фотий

Палач занес меч, чтобы отсечь голову святому, но сам упал без чувств. Святого Аникиту стали колесовать и палить огнем, но колесо остановилось, а огонь погас. Мученика бросили в котел с кипящим оловом, но олово остыло. Так Господь хранил Своего раба для утверждения многих. Племянник мученика – святой Фотий, приветствовал страдальца и, обратившись к царю, заметил: «Идолопоклонник, твои боги – ничто!» Меч, занесенный над новым исповедником, поразил самого палача. Мучеников посадили в темницу. Через три дня Диоклетиан стал уговаривать

их: «Поклонитесь богам нашим, и я прославлю вас и обогащу». Мученики отвечали: «Погибни ты со своею честью и богатством!» Тогда их привязали за ноги к диким коням, но святые, влачимые по земле, оставались невредимыми. Не пострадали они и в накаленной бане, которая развалилась. Наконец, Диоклетиан велел разжечь огромную печь, и множество христиан, воодушевленных подвигами святых Фотия и Аникиты, сами ступили в нее со словами: «Мы христиане!» Все они скончались с молитвою на устах. Тела святых Аникиты и Фотия не пострадали от огня и даже волосы их остались целы. Видя это, многие из язычников уверовали во Христа. Это событие произошло в 305 году.

Преподобный Феодосий Печерский

Память 16 мая, 27 августа, 10 сентября и 15 сентября

Преподобный Феодосий в XI веке стал основателем первого общежительного монастыря, в котором воссияло святостью множество подвижников. В истории Русской Церкви преподобный Феодосий назван «отцом русского монашества».

Вся юность Феодосия прошла в Курске, где его отец был управителем посадника – княжеского наместника. Семилетний отрок сам упросил родителей отдать его в обучение чтению священных книг. Вскоре он уже начал читать, так что все удивлялись его разуму. Узнав о житии великих подвижников монашества, Феодосий горячо захотел подражать им. Богатый отрок стал ходить в рубище, поститься. В 14 лет, после смерти отца он решил приступить к исполнению своей заветной мечты – отречься от мира. Любившая сына мать, которая хотела видеть его продолжателем отцовских занятий, всеми средствами старалась отклонить его от аскетических упражнений. Однажды юноша, увлеченный рассказами странников о святых местах Палестины, ушел с ними из дома. Но вскоре мать нагнала его, вернула домой и заковала ноги сына в оковы, чтоб не убежал. В другой раз, увидев, что Феодосий носит вериги, сильно избила его. В Курске того времени, когда жил Феодосий, о монахах еще и не слышали…

Тогда юноша решил бежать из дома во что бы то ни стало. Он слышал, что в Киеве есть какие-то монастыри. Не зная дороги, добрался туда, следуя за купеческим обозом. Киевские монастыри в те времена были далеки от совершенства и юношу в нищей одежде нигде не приняли. Услышав о высокой духовной жизни преподобного Антония, жившего с некоторыми отшельниками в пещерах, он пришел к нему. Здесь его постригли в монашество. Феодосий превосходил всех своими подвигами, так как он был очень крепкого телосложения. Он всем служил, носил воду, таскал дрова, молол вручную муку. Видя такое усердие, преподобный Антоний назначил еще очень молодого Феодосия игуменом пещерной обители. Когда мать, наконец, отыскала его и со слезами просила возвратиться домой, Феодосий убедил ее остаться в Киеве и так же, как и он, принять монашество.

Преподобный Феодосий Печерский

Слава о подвигах молодого игумена и его учителя преподобного Антония привлекла множество иноков в обитель, их число возросло до ста. Великий киевский князь Изяслав подарил инокам гору на берегу Днепра, в которой были изрыты пещеры. На этой горе Феодосий построил новый храм и кельи, а вокруг поставил частокол, перевел монахов из пещер наверх. Так образовалась славная обитель, которая была названа Печерской, как основанная над пещерами. Она существует и сейчас и называется Киево-Печерская лавра. Преподобный Феодосий впервые на Руси ввел и монастырский устав, доставленный из Константинополя, где монашеская жизнь была в полном расцвете. По уставу все имущество и трапеза братии сделались общими, а воля игумена – законом для каждого монаха. Феодосий к себе был строже, чем к другим: обычно вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла, ночи проходили у него без сна в молитве, отдыхал только сидя.

Надеясь на помощь Божию, преподобный не хранил больших запасов для обители, поэтому братия иногда терпела нужду в

насущном хлебе. По его молитвам, однако, всегда являлись неизвестные благотворители и доставляли в обитель необходимое. Особенно заботился преподобный о бедных: построил для них в монастыре особый двор, где любой нуждающийся мог получить пищу и кров.

Князья, особенно Великий князь Киевский Изяслав, любили наслаждаться духовной беседой преподобного Феодосия. Святой не страшился обличать сильных мира сего. Незаконно осужденные всегда находили в нем заступника, а судьи пересматривали дела по просьбе уважаемого всеми игумена. Нововведения преподобного Феодосия, строгая жизнь его монахов стали причиной того, что вскоре Киево-Печерский монастырь приобрел большое влияние на общественную жизнь. Многие древнерусские монастыри или приглашали к себе игуменами печерских иноков, или были ими основаны.

Незадолго до кончины преподобный Феодосий начал строить Великую Печерскую каменную церковь Успения Богородицы. Желая узнать, какое место угодно будет Богу для постройки церкви, святой старец молился, чтобы везде была роса, а на том месте, где следует быть церкви, росы не было. На следующую ночь просил обратного: чтобы на месте церкви была роса, а вокруг ее не было бы, – и все исполнилось по его желанию. На том месте, где указано быть церкви, рос кустарник; он был истреблен огнем, низведенным с неба силой молитв Феодосия. Богатые люди жертвовали вклады, целые волости и села на создание Успенской церкви.

Преподобный Феодосий мирно скончался в 1074 году и был погребен в выкопанной им пещере, в которой уединялся во время поста. Мощи подвижника были обретены нетленными учеником великого старца Нестором Летописцем, он же написал его житие, которое всегда было одним из любимейших чтений русского народа. Преподобный Феодосий был третьим канонизированным русским святым – после святых князей Бориса и Глеба. Он стал тем идеалом святого, которому на Руси оставались верны многие века.

Брат пришел к авве Пимену и при некоторых тут бывших хвалил одного брата за то, что он ненавидит зло. «А что значит ненавидеть зло?» – спросил у него авва Пимен. Брат смутился и не нашел что ответить. Потом встал, поклонился старцу и говорит: «Скажи мне, что есть ненависть к злу?» Старец отвечал: «Ненависть к злу – это если кто возненавидел свои грехи, а ближнего своего почитает праведным» *(«Луг духовный»)*.

Преподобный Сергий, игумен Радонежский, всея России чудотворец

Дни памяти 8 октября и 18 июля

Великий русский святой Сергий Радонежский был сыном ростовских бояр Кирилла и Марии, переселившихся ближе к Москве в селение Радонеж. Варфоломей (так назвали при крещении) был отмечен Богом еще до рождения: в церкви праведная Мария и молящиеся слышали троекратное восклицание младенца в ее утробе. С первых дней жизни младенец всех удивил постничеством: по средам и пятницам он не принимал молока матери. В другие дни, если Мария употребляла в пищу мясо, младенец также отказывался от молока матери. Заметив это, Мария вовсе отказалась от мясной пищи. В отрочестве Варфоломей никак не мог научиться читать и усердно молился, чтобы Господь дал разумение. И вот однажды кроткий, тихий и послушный отрок встретил в поле незнакомого старца-монаха, который благословил его и дал просфору. Варфоломей съел ее и стал легко усваивать книжную мудрость. После этого чуда еще более окрепло его желание служить только Богу.

После смерти родителей Варфоломей, оставив наследство брату, ушел в дремучий лес и построил себе хижину. Приняв монашеский постриг с именем Сергий, он два года подвизался один в лесу. Нельзя и представить, сколько скорбей перенес в это время юный монах, но терпение и молитва преодолели все трудности и диавольские нападения. Он приручил даже дикого медведя, которому отдавал порой последний свой хлеб.

Слава о подвигах святого распространилась быстро. И отовсюду приходили к нему иноки, желавшие жить под его руководством. Срубили первую церковь и освятили ее в честь Святой Троицы. Преподобный Сергий всех принимал с любовью, и вскоре в маленькой обители составилось братство из двенадцати иноков. Их опытный духовный наставник отличался редким трудолюбием. Своими руками он построил несколько келий, носил воду, рубил дрова, выпекал хлеб, шил одежду, готовил пищу для братии и смиренно выполнял другие работы. Тяжелый труд преподобный Сергий соединил с молитвой, бдением и постом. Братия удивлялась, что при таком суровом подвиге здоровье их наставника не только не ухудшалось, но еще более укреплялось. Не без труда иноки умолили его принять

игуменство над обителью. Так был основан Троицкий монастырь преподобного Сергия – впоследствии знаменитая Троице-Сергиева лавра, летопись которой приближается к семисотлетнему юбилею.

Преподобный Сергий в XIV веке положил на Руси начало жизни пустынников. Об этом узнал даже Константинопольский патриарх Филофей, который прислал русскому святому свое благословение, крест и грамоту. Многие его ученики основали потом подобные монастыри по всей Святой Руси, так что святого Сергия называли «игуменом земли Русской».

Святитель Алексий, митрополит Московский, любил преподобного Сергия, как друга, поручал ему мирить враждовавших князей и возлагал на него важные полномочия. Радонежский игумен был доверенным лицом Московского князя Димитрия Донского и крестным отцом его сыновей.

Русская земля тяжко страдала от татарского ига. Великий князь Димитрий Иоаннович Донской, собрав войско, пришел в обитель преподобного Сергия испросить благословения на предстоявшее сражение. В помощь великому князю Радонежский игумен благословил двух иноков своей обители: схимонаха Андрея (Ослябю) и схимонаха Александра (Пересвета) и предсказал победу князю Димитрию. Пророчество преподобного Сергия исполнилось: 8 сентября 1380 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, русские воины одержали полную победу над татарскими полчищами на Куликовом поле, положив начало освобождения Русской земли от татарского ига. Во время сражения Преподобный Сергий вместе с братией стоял на молитве и просил Бога о даровании победы русскому воинству.

При жизни преподобный Сергий удостоился дара чудотворений. Известно, что он воскресил умершего отрока. Слава о совершенных им чудесах привлекала в Троицкий монастырь множество больных, как из окрестных селений, так и из отдаленных мест. Все почитали преподобного Сергия наравне с древними святыми отцами. Но людская слава не прельщала великого подвижника, и он по-прежнему оставался образцом иноческого смирения.

За ангельскую жизнь преподобный Сергий удостоился посещения Божией Матери, Которая явилась в сопровождении святых апостолов Петра и Иоанна Богослова. Пресвятая Богородица прикоснулась к нему руками и, благословляя, обещала всегда покровительствовать его святой обители.

Проведя жизнь в великом воздержании и трудах, чудотворец Сергий дожил до семидесяти восьми лет и скончался 8 октября

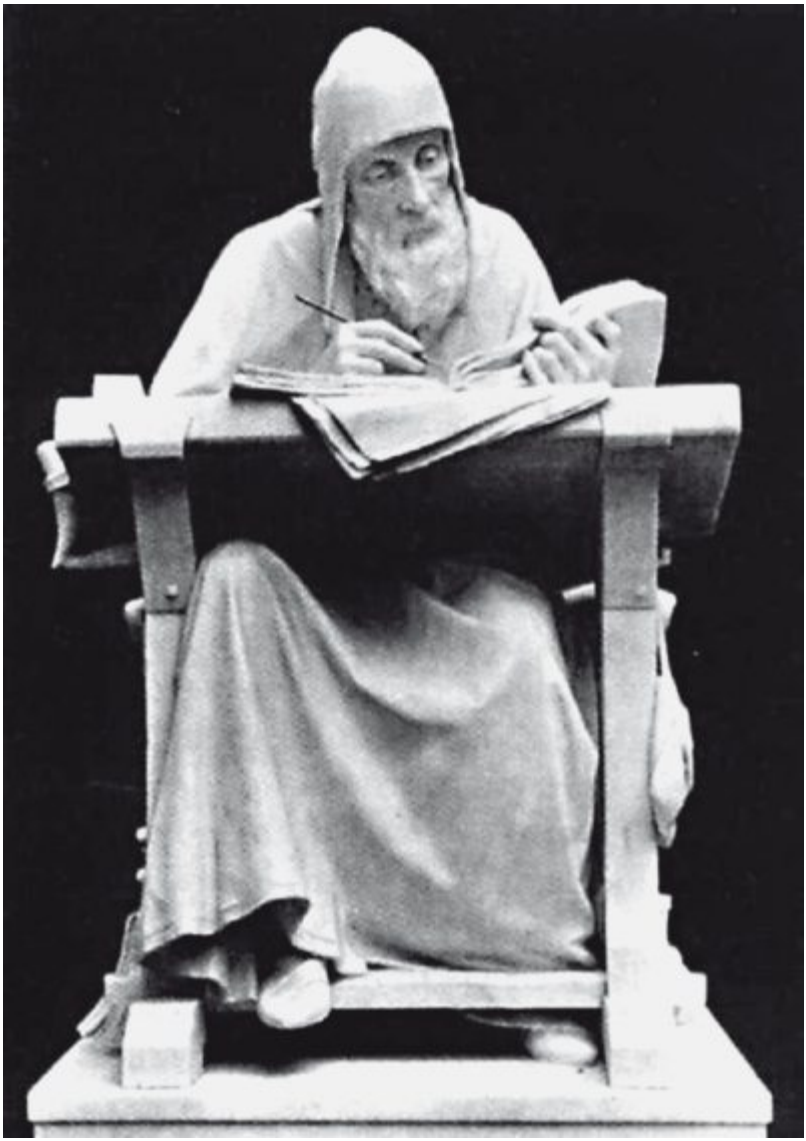
1392 года. Святые мощи его и доныне пребывают в Троицкой лавре.

Преподобный Нестор Летописец

Память 9 ноября и 11 октября

Любое событие, которое не закреплено писанием, забывается. Вскоре после основания древнейшего русского Киево-Печерского монастыря Господь явил в нем и первого летописца нашего отечества преподобного Нестора.

В семнадцать лет поступил он в Клево-Печерскую обитель послушником. Принял его сам основатель монастыря преподобный Феодосий Печерский. В Печерском монастыре было тогда много монахов, у которых можно было обучиться духовному совершенству. Однако чистотою своей жизни, молитвою и усердием юный подвижник превзошел вскоре даже самых известных печерских старцев. О его высокой духовной жизни говорит то, что он в числе других преподобных отцов участвовал в изгнании беса из Никиты – затворника, святителя Новгородского. В 1091 году печерский игумен Иоанн поручил святому Нестору ископать из земли для перенесения в храм святые мощи преподобного Феодосия. Никто не знал, где именно они покоятся. Поиски эти по молитве преподобного Нестора сопровождались знамениями и чудесами и увенчались успехом.



Нестор-летописец. Скульптор М. Антокольский

Основным послушанием Нестора в монастыре стало книжное дело, а главным подвигом его жизни было составление «Повести временных лет» – записей первоначальной истории Руси до 1111 года. Преподобный Нестор родился в середине XI века в Киеве. Это было нелегкое время для Руси: ее терзали княжеские междоусобицы, степные кочевники-половцы хищными набегами разоряли города и села, угоняли в рабство русских людей, сжигали храмы и обители. Мало кто понимал, уцелеет ли вообще Русь? Начало – не есть ли и конец ее истории? Но преподобный Нестор предвидел великое будущее своего народа, который находился только в младенческом возрасте. Наблюдая

происходящее и используя множество различных источников, первый летописец сумел написать историю Руси как составную часть истории всемирной. В своей летописи преподобный Нестор говорит о первом упоминании русского народа в церковных источниках – в 866 году; повествует о создании славянской грамоты святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, о призвании на княжение Рюрика, о Крещении святой равноапостольной Ольги в Константинополе, о первых русских князьях и о возникновении первых русских городов, об «испытании вер» святым равноапостольным Владимиром и о Крещении Руси.

Помимо «Повести временных лет» преподобный Нестор написал житие первых русских святых – Бориса и Глеба, житие преподобного Феодосия Печерского – основоположника монастырской жизни на Руси, сказания о первых печерских подвижниках и многое другое.

«Великая бывает польза от учения книжного… – пишет преподобный Нестор, – ибо от книжных слов обретаем мудрость и воздержание…»

Преподобный Нестор подвизался в монастыре более сорока лет, пережил и жестокое разорение родной обители от врагов. Но его завещание печерским инокам-летописцам было – продолжать великий труд русского летописания. И действительно, последующие летописцы «Повесть временных лет» принимали за образец изложения, она почти целиком вносилась в последующие летописные своды.

Преподобный Никон, игумен Радонежский

Дни памяти 20 июля и 30 ноября

Преподобный Никон родился в древнем русском городе Юрьеве-Польском. Услышав о монашеских подвигах Радонежского игумена Сергия, отрок пришел к нему издалека и стал просить постричь его в иноческий образ. Преподобный Сергий прозорливо видел чистую и благоразумную душу Никона и назначил ему испытание – послал в Серпухов, к своему ученику преподобному Афанасию Высоцкому. Но и преподобный Афанасий не сразу принял его. Лишь убедившись в неотступности желания отрока, постриг его в иноческий чин. Преподобный Никон, живя в его монастыре, упражнялся в молитве, изучал Священное Писание и преуспевал в добродетели и чистоте. Когда он достиг совершеннолетия, то был рукоположен в сан священника. Через некоторое время преподобный Афанасий благословил его увидеться с преподобным Сергием, который при встрече весело взглянув на него, сказал: «Хорошо, что ты пришел, чадо Никон», и любезно принял его. Он повелел преподобному Никону служить братии. Целые дни проводил ученик в монастырских делах, а ночи – в молитвенных беседах с Богом. Преподобный Сергий много радовался успехам ученика и, вот, по откровению свыше, повелел Никону пребывать с собой в одной кельи, чтобы день и ночь поучать его и разъяснять сущность и законы духовной жизни. Так преподобный Никон сделался ближайшим учеником преподобного Сергия Радонежского. Преподобный Сергий поставил преподобного Никона сначала на должность помощника настоятеля, а за шесть месяцев до своей кончины, когда предался безмолвию, назначил ученика своим преемником. После преставления преподобного Сергия в 1392 году святой Никон с любовью поддерживал все, что было установлено основателем обители. Он имел обыкновение обходить все монастырские службы, но никогда не оставлял и общих дел, трудясь наравне с братией. Но бремя настоятельства тяготило преподобного Никона. Вспоминая свою безмолвную жизнь сначала в Серпуховском Высоцком монастыре, а затем с преподобным Сергием, он оставил настоятельство и уединился в особую келью. Шесть лет обителью руководил преподобный Савва Сторожевский. Но когда он основал свой монастырь под Звенигородом, братия умолила преподобного Никона снова принять настоятельство. Он согласился, но назначил себе на

каждый день известное время для безмолвия. Когда разнесся слух о нашествии на Русскую землю хана Едигея (1408), преподобный Никон усердно молился Богу о сохранении обители. В тонком сне ему явились святители Московские Петр и Алексий с преподобным Сергием и сказали, чтобы он не скорбел о разорении обители, которая не запустеет, а еще более распространится. Иноки ушли из обители, захватив святыни и келейные вещи, а когда вернулись, то увидели на месте своих монашеских подвигов пепелище. Но преподобный Никон не впал в уныние, а подвиг братию на новые труды. Прежде всего был построен деревянный храм во имя Живоначальной Троицы. Спустя десять лет преподобный Никон решил строить каменную церковь над гробом преподобного Сергия. Во время копания рвов для фундамента 5/18 июля 1422 года были обретены нетленные мощи преподобного Сергия, которые положили в новую раку и поставили в перенесенную на новое место деревянную церковь (ныне на этом месте храм в честь Сошествия Святого Духа). Новую каменную церковь преподобный Никон воздвиг во имя Пресвятой Троицы и перенес туда святые мощи в новосозданный храм (здесь святые мощи почивают доныне). Для украшения каменного Троицкого храма преподобный Никон пригласил лучших иконописцев, преподобных иноков Андрея (Рублева) и Даниила (Черного). Тогда преподобный Андрей и написал знаменитую икону Пресвятой Троицы.

Преподобный Никон, игумен Радонежский

Перед своей кончиной преподобный Никон собрал братию и дал последние наставления. Причастившись Святых Тайн, второй от основания Радонежский игумен дал братии последнее благословение и сказал: «Пойди, душа моя, туда, где тебе уготовано пребывать, пойди с радостию: Христос зовет тебя». Осенив себя крестным знамением, преподобный Никон скончался 17 ноября 1426 года. Он был погребен близ раки своего учителя, как то было указано свыше. В 1548 году над гробом преподобного Никона была построена церковь его имени, а в 1623 году на ее месте устроена новая, примыкающая к Троицкому собору, в которой и почивают под спудом святые мощи преподобного Никона.

Православные праздники

Каждый день календарного года посвящается Церковью воспоминанию того или иного священного события, празднованию памяти святых или прославлению чудотворных икон.

Самый главный день церковного года – праздник Светлого Воскресения Христова, Пасхи Господней. Следующие по значимости – 12 великих двунадесятых праздников. Затем по значению мы выделяем 5 великих праздников.

Двунадесятые праздники разделяются на непереходящие и переходящие. Даты непереходящих праздников каждый год не изменяются, например, Рождество Христово всегда празднуется 7 января. Даты же переходящих праздников каждый год зависят от времени празднования Пасхи, которое определяется в зависимости от фаз Луны (при этом Пасха обязательно должна приходиться на воскресный день). Переходящих двунадесятых праздников три: Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне и День Святой Троицы.

Рождество Христово

Празднуется 7 января

За много дней до рождения Младенца Христа в далекой восточной стране на небе появилась необычная звезда. Первыми ее увидели мудрецы-звездочеты, которых называли волхвами. Они знали многие тайны природы и звездного неба, но подобной звезды они не видели никогда. Мудрецы взяли древние книги и нашли в них предсказание: звезда возвещала о рождении в Палестине Царя. Царь тот есть Господь и Владыка всего мира, Бог, принявший человеческий облик. Прочтя предсказание, волхвы снарядили караван и с богатыми дарами немедленно отправились в путь. Сорок дней и ночей длилось это путешествие.

Звезда плыла над караваном и указывала путь. Шли волхвы – двигалась звезда на небе. Останавливались на отдых – замирала и звезда. Та звезда была ангелом Господним.

Икона Рождества Христова

Палестина в то время находилась под властью римлян, которые поделили ее на части. Одна из них называлась Иудея, и царем над ней римляне поставили человека жестокого и вероломного. Имя ему было Ирод. Когда римский император Август решил сделать перепись населения, каждый иудей под страхом смерти за ослушание должен был явиться для переписи на родину своих предков. Дева Мария и Ее названный муж праведный Иосиф Обручник были дальними потомками царя

Давида, родиной которого был Вифлеем. Им надлежало туда и отправиться.

Дорога из Назарета в Вифлеем проходила через горные области и занимала несколько дней. А Дева Мария должна было скоро родить…

В Вифлеем явилось столько людей, что Иосиф никак не мог найти места для ночлега. Он отыскал лишь пустую пещеру недалеко от городка, в которой пастухи укрывали в непогоду свои стада. И вот, когда все кругом затихло, а ночь дошла до середины, родился Младенец Иисус, Сын Божий. Не было в темной пещере колыбели, и Матерь Божия уложила Сына на солому в каменный желоб, из которого поят животных – в ясли, и первая поклонилась Сыну Своему и Богу. Пещера вдруг озарилась дивным светом: это ангелы небесные ликовали и славили Бога. Праведный Иосиф, увидев Младенца и ангелов с любовью поклонился Сыну Божиему и Матери Его Марии.

В эту удивительную ночь бедные пастухи стерегли стада на поле близ пещеры. Внезапно они увидели ослепительный свет и испугались. Но в небесном сиянии предстал пред ними ангел и сказал им, чтобы не боялись: родился Иисус Христос, Спаситель мира. Имя Иисус означает Спаситель. Небо померкло, а пастухи, опомнившись, поспешили также поклониться Спасителю. В дар ему они принесли любовь своих простых сердец и крепкую веру в сказанное ангелами.

Тем временем звезда привела волхвов в Иерусалим и исчезла из вида. Мудрецы стали расспрашивать жителей, где родился Царь Иудейский? Но никто не знал… Ирод, узнав про расспросы, испугался, что лишится своего трона, потому что занял его незаконно. Он созвал священников, и те ответили, что Христос (что означает Помазанник Божий) должен родиться в Вифлееме. Тогда Ирод призвал к себе волхвов, просил разузнать о Младенце и донести ему. Как только волхвы покинули Иерусалим, чудесная звезда снова засияла над ними, повела дальше и остановилась над бедным домом в Вифлееме. Туда перебралось Святое Семейство после рождественской ночи. И мудрецы увидели Божественного Младенца и поклонились Ему, и принесли свои дары: золото – как Царю царей, благовонный ладан – как Богу и драгоценную смолу смирну, которой помазуют умерших, ибо Сын Божий воплотился в человека, и Ему, как и всем людям, предстояло умереть. Однако впереди были 33 года Его бесценной жизни на земле…

Тропарь [4] Рождеству Христову

Рождество Твое, Христе Боже наш,
возсия мирови свет разума:

в нем бо звездам служащии звездою учáхуся
Тебе кланятися Солнцу правды,
и Тебе ведети с высоты Востока.
Господи, слава Тебе.

Перевод: *Рождество Твое, Христос Бог наш, осветило мир истиной, потому что тогда волхвы, кланявшиеся звездам, со звездой пришли к Тебе, как к настоящему солнцу, и узнали Тебя, как настоящий восход. Господи, Слава Тебе.*

Крещение Господне

Празднуется 19 января

Сын первосвященника Захарии и Елисаветы был на пол-года старше Иисуса Христа. Звали его Иоанн. Семья Захарии жила недалеко от Вифлеема. Когда узнала Елисавета о злодеянии Ирода, повелевшего избить младенцев, то схватив своего, бежала с ним в горы. Увидев приближающихся воинов, она взмолилась, и гора расступилась, скрыв беглецов в пещере. Тогда Ирод приказал убить Захарию. Вскоре умерла и Елисавета. С того времени ангелы являлись в пещере Иоанна и кормили его. Юношей ушел Иоанн в пустыню и жил там один. Он носил грубую накидку и питался диким медом, акридами и кореньями.

Крещение Господне

Когда Иоанну исполнилось тридцать лет, он оставил пустыню и стал учить народ, как это делали древние пророки. Зная о его богоугодной жизни с самого младенчества, люди стекались послушать его речи со всех концов Палестины. Слова нового пророка проникали в самую душу, и люди, желая исправиться, плакали. Таких Иоанн крестил в водах Иордана. Люди спрашивали у него, тот ли Он Спаситель, Который должен явиться в мир. Но он отвечал, что он только приготовляет людей к принятию Спасителя и что Он уже живет среди еврейского

народа. И вот однажды Иоанн увидел среди слушателей молодого человека. Его неописуемо прекрасное, чистое, доброе лицо поразило сурового пророка, он почувствовал необъяснимое волнение и вслед за тем узнал пришедшего. Это был Иисус Христос, Спаситель. Кротко просил Он Иоанна, чтобы тот крестил Его. Но Иоанн сказал, что Иисус безгрешен, это Он должен крестить Иоанна. Но Иисус ответил, что надо исполнить правду Божию и сделать так, как Иоанн учил народ. Иисус вошел в воду, Креститель Иоанн коснулся Его главы, как обычно делал. И в это время раскрылись небеса. Дух в виде голубя сошел на Иисуса Христа, а с неба раздался глас Отца Небесного: «Он Сын Мой возлюбленный, к Которому Мое благоволение». Пророк Иоанн с тех пор называется Крестителем Господним. Праздник Крещения по-другому именуется Богоявлением. При крещении Господа Иисуса Христа явилась миру Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Крещение – первое таинство в жизни каждого христианина. Своим крещением Господь Иисус Христос научил верующих в Него обязательно креститься, чтобы стать членом Его Церкви. И в знак этого всегда носить нательный крестик.

Тропарь Крещения Господня (Богоявления)

Во Иордане креща́ющуся Тебе, Господи,
тро́ическое явися поклонение:
Родителев бо глас свидетельствоваше Тебе,
возлюбленнаго Тя Сына именуя,
и Дух, в виде голубине,
извествоваше словесе утверждение.
Явле́йся, Христе Боже,
и мир просвеще́й, слава Тебе.

Перевод: *Когда Ты, Господи, крестился во Иордане, люди узнали Святую Троицу, потому что голос Бога Отца называл Тебя любимым Сыном, а Дух Святой, в виде голубя, эти слова подтверждал. Ты, Господи, пришел на землю и дал людям свет, слава Тебе.*

Сретение Господне

Празднуется на 40-й день после Рождества Христова

Младенцу Христу исполнилось сорок дней. По древнему обычаю в этом возрасте каждого еврейского мальчика приносили в Иерусалимский храм, и родители в благодарность Господу за сына жертвовали, кто что мог. Богатые могли купить ягненка, бедные – голубей. Голуби продавались тут же, при храме. Дева Мария и старец Иосиф купили двух голубей и принесли их в жертву Богу за Сына-Первенца. Так они исполнили закон, ничем не выделяясь среди своих соотечественников.

В это время в Иерусалиме жил благочестивый человек по имени Симеон. Он был очень стар, по преданию ему было 350 лет. Давным-давно Бог обещал Симеону, что не умрет до тех пор, пока своими глазами не увидит Спасителя. Симеон устал жить и молил Бога лишь об одном – поскорее увидеть Его и спокойно умереть. И вот Святой Дух открыл Симеону: Тот, Кого он так долго ждал, родился, и Его надо искать в Иерусалимском храме. И Симеон поспешил туда. Среди множества младенцев, находившихся в тот день в храме, старец безошибочно узнал Христа: искренняя вера помогла ему в этом так же, как вифлеемским пастухам и мудрым волхвам. Благоговейно принял Симеон Божественного Младенца от Девы Марии на свои старческие руки (поэтому Симеона называют Богоприимцем). И сказал старец: «Теперь, Владыка, Ты, по Своему обещанию, дашь мне умереть с миром, потому что своими глазами увидел я Спасителя, Которого Ты послал всем людям!»

Жила в Иерусалиме старая женщина по имени Анна, кроткая и благочестивая. Анна была вдовой и после смерти мужа почти не покидала стен храма. За ее богоугодную жизнь Бог дал ей дар пророчества, и Анна могла предсказывать будущее.

Когда подошла пророчица к Симеону, державшему на руках Иисуса, то в Прекрасном Младенце также узнала Сына Божия. Анна-пророчица подтвердила слова Симеона Богоприимца и радостно стала всем говорить, что долгожданный Спаситель пришел на землю.

Но древний старец Симеон вдруг стал печальным. Ему была открыта дальнейшая судьба Младенца. Он стал говорить, что Иисус Христос принес на землю свет Своего учения, но не все люди с радостью примут Его слова. Матери Божией предстоит пережить ни с чем несравнимое горе: у Ее Сына появятся могущественные враги. И они погубят Его.

Слово «Сретение» означает встречу. Встречу с Господом Симеона

Богоприимца и Анны, которые из всех людей одни только и узнали родившегося Сына Божия и объявили о том людям, напомнив все древние пророчества о Его жизни и смерти на Кресте. У каждого в жизни бывает первая встреча с Господом, Который привлекает к Себе любовью. Только бы не пропустить эту встречу! И мир станет иным – радостным и надежным! Вот о чем напоминает нам праздник Сретения Господня.

Тропарь празднику Сретения

Радуйся, благодатная Богородице Дево,
из Тебе бо возсия́ Солнце правды Христос Бог наш,
просвеща́яй сущия во тьме;
веселися и ты, старче праведный,
прие́мый во объятия Свободителя душ наших,
да́рующаго нам воскресение.

Перевод: *Радуйся, получившая милость Божию, Богородица Дева, потому что от Тебя родился Христос Бог наш, наше солнце правды, осветившее нас, темных людей. И ты, праведный старец, радуйся, потому что ты носил на руках Спасителя наших душ.*

Торжество Православия

Празднуется в первое воскресенье Великого поста

Обычай отмечать в первый воскресный день Великого поста Торжество Православия восходит к первой половине IX века – в память о победе над иконоборчеством на VII Вселенском Соборе и одновременно в память о победе Церкви над многими другими ересями, которые представляли огромную опасность для внутренней жизни Церкви и для ее миссии в первом тысячелетии…

Если посмотреть на историю возникновения ересей, то все они возникали под благовидными предлогами, и ересиархи, основоположники ересей, движимы были добрыми побуждениями. Им казалось, что веру нужно сделать более понятной, логичной, убедительной, более соответствующей Слову Божиему, и, углубляясь в свое собственное понимание веры, игнорируя общецерковное соборное восприятие веры, они и приходили к умозаключениям, крайне опасным для самого бытия Церкви.

Икона Торжество Православия

Почему Церковь так тщательно охраняет подлинную веру? Да потому, что хранение истинной веры жизненно необходимо не только для Церкви, но и для всего человеческого рода – даже для тех, кто Церкви не принадлежит, и даже для тех, кто принадлежит к другим религиям.

Одно из понятий, которые содержатся в греческом слове, соответствующем русскому слову «грех», это промах. Грех как промах: человек согрешающий сходит с правильного курса, промахивается мимо самой важной цели – цели своего бытия. Сохранение этого курса и обеспечивается верой апостольской, которая пришла к нам от воплотившегося Сына Божия. Господь

спасает нас Своею благодатью и Своею истиной. Господь спасает нас, давая ясное понимание добра и зла, и пока вера Церкви хранит эту норму человеческой жизни, пока вера Церкви свидетельствует о том, что есть правда, а что ложь, что грех, а что святость, вместе с Церковью весь род человеческий сохраняет способность и возможность в условиях разномыслий, в условиях множественности взглядов и убеждений сохранять некую общую основу человеческого бытия.

Если когда-нибудь эта общая нравственная основа бытия будет разрушена (а сегодня очень многие силы стараются ее разрушить, чтобы у каждого человека была своя основа бытия, чтобы, опираясь на свой разум и на свою свободу, он мог поступать так, как хотел бы), тогда погибнет род человеческий. Тогда мир не сможет существовать, тогда не будет никаких общих законов и правил, потому что все законы и правила черпают свое содержание из нравственной природы человека – той самой природы, которая через истинную веру дана людям для того, чтобы они могли воспринимать не только сердцем и чувством, но и разумом, что есть Божия правда, что есть добро и что есть зло.

Вот почему Церковь так настойчиво, порой даже жестко, охраняла и охраняет правоверие, охраняла и охраняет истинную веру. Празднуя Торжество Православия, мы должны переживать особое чувство ответственности за судьбу Церкви, за судьбу свою собственную, за судьбу рода человеческого.

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл

Благовещение Пресвятой Богородицы

Празднуется 7 апреля

Одиннадцать лет жила Пресвятая Дева Мария при Иерусалимском храме, куда привели Ее родители трехлетней девочкой. Она удивляла всех необыкновенной скромностью, добротой, прилежанием к труду и молитве. Сам Бог чудесным образом учил и наставлял Деву Марию через Ангела, который являлся Ей во Святое Святых. Это недоступное для людей священное место Иерусалимского храма первосвященник Захария, отец Иоанна Крестителя, назначил Святой Отроковице для молитвы… Когда выросла, Она пожелала не выходить замуж, всю Себя посвятить Богу. И тогда восьмидесятилетний старец праведный Иосиф согласился обручиться с Пресвятой Девой не для брака, но для святого покровительства. Мария, воспитанная при храме, приученная к тонким изящным рукоделиям, с детства окруженная великолепием и богатством священного храма, не раздумывая, последовала за Иосифом, который привел Ее в свое бедное жилище плотника в городе Назарете. Тихо и мирно протекала жизнь Девы Марии под кровом праведного Иосифа, который вниманием и заботливостью заменил Ей отца и мать. Мария проводила время в трудах: молитва, чтение Священного Писания, рукоделие, домашние хлопоты наполняли каждую минуту Ей были известны пророчества о появлении на земле Спасителя. Мария чувствовала, что благословенное время приблизилось и живет уже на земле та Дева, от Которой родится Христос. Со слезами молила Она Бога увидеть Ту Прекрасную Деву. В одно из таких мгновений перед Марией предстал архангел Гавриил и произнес божественное приветствие: «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою! Благословенна Ты в женах!» Сердце Марии смутилось, но архангел успокоил Ее и открыл ту самую Благую (добрую и спасительную) весть, которая вот уже две тысячи лет продолжает радовать каждого христианина: Мария родит Сына, Иисуса Христа, Властителя Неба и земли, Царя всех верующих в Него. И радостному Царству Его не будет конца. Удивилась Дева Мария, как же это произойдет, если у Нее нет мужа? «Дух святой осенит Тебя, – ответил архангел Гавриил, – Оттого и Сын Твой сыном Божиим назовется». Так свершилось Благовещение.

Тропарь праздника Благовещения Пресвятой Богородицы

Днесь спасения нашего главúзна,

и еже от века таинства явление:
Сын Божий Сын Девы бывает,
и Гавриил благодать благовеству́ет.
Тем же и мы с ним Богородице возопии́м:
радуйся, благодатная,
Господь с Тобою.

Перевод: *Сегодня начало нашего спасения, сегодня открытие вечной тайны: Сын Божий стал Сыном Девы Марии, и об этой радости говорит Гавриил. И мы с ним Богородице будем петь; радуйся, милостивая, Господь с Тобою.*

Вход Господень в Иерусалим

Празднуется за неделю до Пасхи

После Своего Крещения в реке Иордан Господь Иисус Христос три с половиной года ходил по земле Палестины, проповедовал и учил людей, наставлял их, как спастись и попасть в Царство Небесное. Он совершил удивительные чудеса: исцелял больных, воскрешал мертвых. Толпы народа следовали за Ним. Многие считали Его великим пророком, и лишь некоторые верили, что Он – Сын Божий. Господь часто бывал голодным, ночевал под открытым небом, терпел множество неудобств, как самый последний бедняк. Но добро, которое творил на земле Христос, все более и более раздражало Его врагов – лжеучителей народных, властителей и богатых соотечественников Иисуса, которые не желали жить по правде Божией. И враги Спасителя уже задумали убить Его. Знал об этом Христос, как ведал все мысли каждого человека, и мог избежать смерти. Но Он, Сын Божий, всегда выполнял волю Отца Своего Небесного, Который послал его в мир, чтобы стать примером людям и Своей вольной смертью взять все грехи мира на Себя. Перед самой Пасхой Господь Иисус Христос сотворил удивительное чудо. Он воскресил Своего друга Лазаря, который уже четыре дня лежал во гробе мертвый. Множество видевших это воскресение из мертвых поверили в Господа. А слышавшие о чуде спешили в Иерусалим, чтобы увидеть Христа. Он и Сам направлялся в столицу. Недалеко от города Он попросил апостолов привести молодого осла из селения. Спаситель сел на него, так должно было исполниться древнее пророчество. Царь царей Иисус Христос въехал в столицу не на разукрашенной колеснице, а смиренно сидящим на маленьком ослике, показывая тем, что Царство Его не от мира сего, Царство Его – духовное, Небесное. Узнав о приближении Господа, многие вышли навстречу и кричали: «Осанна (слава), благословен грядущий во имя Господне!» и устилали Его путь пальмовыми ветвями. Его встречали как царя земного. Вход Господень в Иерусалим завершился у стен храма. И все это время народ не переставал прославлять Спасителя. Но глубокая скорбь была в Его душе. Господь знал, что через несколько дней та же самая толпа будет упорно требовать Его смерти, а прекрасный Иерусалим вскоре будет разрушен.

Тропарь праздника Вход Господень в Иерусалим

Общее воскресение
прежде Твоея́ страсти уверяя,
из ме́ртвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже.

Тем же и мы, яко о́троцы, победы зна́мение носяще,
Тебе, Победителю смерти, вопие́м:
осанна в вышних,
благословен гряды́й во имя Господне.

Перевод: *Ты, Христе Боже, перед своими страданиями воскресил из мертвых Лазаря, чтобы всякий веровал в свое воскресение. Поэтому и мы, зная, что воскреснем, Тебе поем, как прежде пели дети: Осанна в вышних, слава Тебе, пришедшему для славы Божией.*

Воскресение Христово

За неделю до еврейского праздника, также носящего название Пасха, Иерусалим был полон народа. Именно в эту неделю в жизни тридцатитрехлетнего Спасителя произошли великие и страшные события. Один из ближайших Его учеников, Иуда Искариотский, выдал своего Учителя, получив за предательство от врагов Христа тридцать монет – сребреников. Ночью, после пасхального ужина, где Он установил таинства Причастия Своего Тела и Крови, Спасителя схватили и привели к первосвященнику. Совет нечестивых старейшин по ложным свидетельствам приговорил Иисуса Христа к смерти. Для утверждения приговора Спасителя привели во дворец римского наместника Пилата. За осужденным следовала толпа, которая требовала смерти Сына Божия. Пилат спросил, в чем обвиняют Его? Толпа стала кричать, что Иисус называет Себя Царем иудейским и смущает народ. Пилат, наедине поговорив со Христом, не нашел никакой вины и объявил об этом народу. Он предложил отпустить Иисуса, по обычаю прощать одного из преступников ради великого праздника. Но толпа, наученная старейшинами, продолжала кричать: «Распни Его! Отпусти другого!» Пилат сказал, что отпустит Его, и повелел воинам бить Христа. Когда, окровавленного, Его вывели к толпе, крик продолжался: «Распни Его!» Тогда Пилат приказал принести воды, умыл перед иудеями руки, не считая себя виновным в смерти Иисуса Христа, и предал Его на распятие. Два разбойника должны были быть казнены вместе с Ним. Их вели вместе с Ним по улицам Иерусалима, полного празднично одетых людей. Одни плакали и рыдали об Иисусе, большинство же издевались над Ним, говоря: «Других спасал, пусть теперь спасет Самого Себя!» Наконец, осужденных вывели за городские стены и распяли на крестах – на горе, называемой Голгофа. Смерть Господа оплакивала вся природа: солнце померкло, и тьма кромешная была больше трех часов. Земля затряслась, разломились скалы, обнажив каменные гробы. Тела умерших праведников восстали и явились своим родным в Иерусалиме. Вечером того дня наступала еврейская Пасха. К Пилату пришел один богатый человек, Иосиф из Аримафеи, который был тайным учеником Христа, и просил римского начальника отдать ему тело Распятого Иисуса. Пилат согласился, тогда Иосиф и еще один ученик Господа, Никодим, сняли Спасителя с креста, помазали Его душистым маслом, обернули в чистое полотно – плащаницу, и положили в новой гробнице недалеко от Голгофы. Вход в пещеру закрыли огромным камнем.

Иудеи поставили стражу и наложили печать, чтобы ученики не взяли тело Учителя. Следующим днем была суббота, день отдыха, когда ничего нельзя было делать. На рассвете следующего за субботой дня женщины, верные ученицы Христовы, с невыразимой скорбью пошли ко гробу, чтобы помазать Его ароматами, но увидели, что стражи нет, а камень отвален от входа. На камне сидел ангел в белоснежных одеждах, который сказал испуганным женщинам, что Христос воскрес и Его во гробе нет. В великом смятении жены побежали рассказать об этом апостолам, но те не поверили. Лишь Петр и Иоанн решили посмотреть, что случилось. Дойдя до гроба, увидели, что Христа там нет, а лежит лишь Его плащаница. Тогда они поняли, что произошло то, о чем Спаситель говорил им прежде, но они не понимали: Христос воскрес. Когда Петр и Иоанн ушли, ко гробу вернулась Мария Магдалина. Она стояла и плакала. Вдруг увидела она двух ангелов в том месте, где лежал Христос, которые спросили, почему она плачет. Она ответила, что оттого, что унесли тело Господа. Обернувшись, она увидела Христа, но не узнала Его, приняв за садовника. Иисус назвал ее по имени, и только тут она узнала незабываемый голос, и скорбь ее переменилась на великую радость. Мария Магдалина первой увидела воскресшего Господа, Который сказал ей, что Он возвращается на небо к Отцу своему Небесному и что придет еще к ученикам, чтобы проститься.

Христос умер на кресте, но победил смерть – воскрес, поэтому на Пасху мы радостно приветствуем друг друга: «Христос воскресе!» и отвечаем: «Воистину воскрес!» Праздник Воскресения называется по-древнему Пасхой, но после пришествия на землю Христа он обрел новый смысл. Как древних евреев Бог освободил на Пасху от египетского рабства, так теперь Господь освободил верующих в Него от царства смерти.

Тропарь Воскресения

Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Христос Воскрес!

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес…
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленее ближний лес…
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Вот просыпается земля,

И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
А. Майков **Пасхальный благовест**
Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.
Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.
Скрылась за рекою,
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.
Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.
С. *Есенин* …
Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.
В зеленеющем уборе
Млеют темные леса,
Небо блещет, точно море,
Море – точно небеса.
Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.
И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком.
Звонко капают капели
Возле нашего окна.
Птицы весело запели.
Пасха в гости к нам пришла
К. Феофанов **Песнь ликованья**
Поля, холмы, сады и лес —
Все огласилося окрест

Прекрасной песнью ликованья.
Осуществилось оправданье
Всех грешников, нет больше слез:
Из гроба утром встал Христос!
Он победил все силы тленья
Своим чудесным воскресеньем.
Пусть род людской воспрянет весь:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Христос Воистину Воскрес!
Н. Луговская …
Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!
В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!
Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы —
Христос воскрес!
Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!
Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!
Л. Чарская

Вознесение Господне

Празднуется на 40-й день после Пасхи

После Своего славного воскресения Господь еще сорок дней ходил по земле, но Он больше не пребывал вместе с учениками постоянно, как раньше. Вечером в день воскресения по дороге в Еммаус Лука и Клеопа встретили Господа, но не узнавали Его до тех пор, пока Он не преломил с ними хлеба, как это сделал на Тайной вечере. Они поспешили в Иерусалим поделиться с остальными этой радостью с апостолами, сидевшими в одном доме за закрытыми дверями. И вдруг пред ними предстал Учитель, пройдя сквозь стены. Чтобы ученики не подумали, что это привидение, Господь съел рыбу и сотовый мед и показал свои израненные руки и ноги. Чудесным образом вдруг просветился разум апостолов, которые теперь поняли всё, о чем раньше говорил им Христос, а они не уразумевали. И повелел Господь ходить по свету и проповедовать Его учение – Евангелие, благую весть о явившемся на землю Боге, его крестной смерти и воскресении.

Затем последовали явления Господа на Его родной земле – в Галилее, где жил Он до 30 лет и где были призваны почти все апостолы. Галилея была любимым местом проповеди Христа и вся исхожена Его священными стопами. Там Он явился пяти сотням людей, среди которых были и одиннадцать апостолов.

Вознесение Господне

На сороковой день по Пасхе все апостолы собрались в Иерусалиме в том доме, где обычно собирались для молитвы вместе с Матерью Божией. Здесь произошла последняя беседа Спасителя с учениками, когда Он повелел им оставаться в Иерусалиме и ждать Духа-Утешителя, Которого пошлет Отец Небесный и Который будет во всем наставлять апостолов. После этого Он вывел всех из стен Иерусалима и пошли к горе Елеонской, и, достигнув ее вершины, остановились. Господь поднял руки, благословил всех и стал медленно подниматься на глазах учеников все выше и выше в небо, пока совсем не скрылся из вида. С изумлением смотрели апостолы и Матерь Божия на это чудо, пока явившийся ангел не возвестил им, что Господь вознесся к Отцу Своему и придет день, когда Он вернется так же, как видели Его возносящимся на небо. Поклонившись вознесшемуся Господу, ученики Его возвратились в Иерусалим с великой радостью, радовались ученики славе Своего Учителя, которую видели. Радовались, что истинно призваны на дело Божие, великое и святое…

Тропарь празднику Вознесения

Вознесся еси во славе, Христе Боже наш,
радость сотворивый учеником,
обетованием Святаго Духа,
извеще́нным им бывшим благословением:
яко Ты еси Сын Божий, Изба́витель мира.

Перевод: *Ты, Христе Боже, обрадовал своих учеников, когда вознесся на небо и обещал послать им Святого Духа, Ты их благословил, и они верно узнали, что Ты Сын Божий, Спаситель мира.*

Праздник Святой Троицы

Празднуется на 50-й день после Пасхи

Перед Своим Вознесением Господь Иисус Христос обещал послать к ученикам вместо Себя Другого Наставника, Духа-Утешителя, и для встречи с Ним повелел никуда не отлучаться из Иерусалима. Апостолы с Матерью Божией безвыходно находились в доме Тайной вечери и единодушно в молитвах ожидали обещанного Духа-Утешителя. Через десять дней после Вознесения наступил древний еврейский праздник Пятидесятницы, когда вспоминали важнейшее событие: как Бог дал народу через пророка Моисея Десять заповедей. В праздничный день ликующий народ стекался отовсюду в Иерусалимский храм. Вдруг в воздухе возник необычайный шум, словно от сильного порыва ветра. Народ устремился к тому дому, где были апостолы. А там свершилось чудо: точно огненные языки опустились на головы апостолов и Божией Матери. Языки чудесного пламени светились, но не жгли. То был видимый знак Сошествия Святого Духа, который веет, как ветер, где хочет, и неизвестно, откуда приходит и куда исчезает. И после Сошествия Святого Духа апостолы вдруг заговорили на разных языках, каких не знали до сих пор. Для простых, неученых людей, какими были апостолы, арабский, индийский, персидский и другие языки стали понятными, как родные. И заговорили они о столь высоких и божественных истинах, что люди слушали, переходя от удивления к ужасу, потому что видели необыкновенное и слышали чудесное, и никто не мог объяснить, что же это значит. Некоторые смеялись над апостолами, говорили даже, что они пьяные. И тогда возвысил голос апостол Петр и растолковал собравшимся древнее пророчество о том дне, когда Дух Святой, как обильный дождь, прольется на всех людей, жаждущих спасения. И Дух этот пошлет каждому свой дар для пользы других: кому-то дар проповеди, кому-то – дар исцеления, иным – дар писать поучительные книги… И этот день Сошествия Святого Духа можно назвать днем рождения христианской Церкви. Апостолы получили и дары священства – крестить, исповедовать, причащать людей и посвящать достойных во священников. Простым верующим даются дары Святого Духа через таинство Миропомазания. И уже от человека зависит, как он употребит эти дары.

Тропарь праздника Святой Троицы

Благословен еси, Христе Боже наш,
иже премудры ловцы явле́й,
ниспослав им Духа Святаго,
и теми уловле́й вселенную,
Человеколюбче, слава Тебе.

Перевод: *Ты, Христе Боже, сделал премудрыми простых рыбаков, когда послал им Святого Духа. Апостолы научили весь мир. Слава Тебе за такую любовь к людям.*

Рождество Иоанна Предтечи, Крестителя Господня

Празднуется 7 июля

Событие Рождества Иоанна Крестителя отражено в первой главе Евангелия от Луки, в которой рассказывается о том, как священник Захария и его супруга Елисавета, жившие в одном из городков иудеи, состарились, но Елисавета так и оставалась бездетной. Однажды во время богослужения в Иерусалимском храме Захарии явился Архангел Гавриил, который предсказал священнику, что скоро у него родится сын, который станет предтечей – предшественником, который своей деятельностью подготовит путь ожидаемого Мессии.

Захария, слыша слова Архангела Гавриила, усомнился в них и попросил **знамения [5] .** На это Архангел Гавриил ответил: *ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время.*

Святая Елисавета зачала, но скрывала свою беременность пять месяцев, пока ее не посетила ее родственница Дева Мария, чтобы разделить Свою и ее радость, ибо после Благовещения тоже ожидала рождения Своего Сына. Елисавета, по внушению Духа Святого, узнала в гостье Матерь Божию. И святой Иоанн, находившийся в утробе своей матери, воскликнул радостно, приветствуя Богородицу.

Спустя три месяца после встречи праведная Елисавета родила сына. На восьмой день по закону Моисееву совершилось его обрезание. Когда мать назвала его Иоанном, все родственники были удивлены, так как никто в их роду не носил этого имени. Об имени для новорожденного сына спросили святого Захарию. Он попросил дощечку и написал на ней: «Иоанн имя ему». Как только Захария это сделал, речь вернулась к нему, по предсказанию архангела, его речь. Исполнившись Духа Святого, он прославил Бога и произнес пророческие слова о том, что в мир вскоре придет Спаситель, а сын его Иоанн будет Предтечей Господа.

После Рождества Господа Иисуса Христа и поклонения пастырей и волхвов нечестивый царь Ирод повелел убить всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях. Услышав об этом, святая Елисавета убежала со своим сыном в пустыню и скрывалась там в пещере. Святой Захария, продолжая свое священническое служение, находился в Иерусалимском храме, когда Ирод послал к нему воинов с приказанием открыть местопребывание младенца

Иоанна и его матери. Захария ответил, что оно ему неизвестно, и был убит прямо в храме. Праведная Елисавета осталась с сыном в пещере внутри горы. Вблизи пещеры вдруг выросла финиковая пальма со множеством плодов и кормила беглецов в пустыне. Вскоре после смерти Захарии умерла и праведная Елисавета. И с того времени ангелы Божии являлись в пещере и кормили младенца Иоанна. Юношей ушел Иоанн в пустыню и жил там подобно древним пророкам. Возмужав в лишениях, он вышел из пустыни и стал проповедовать народу покаяние до тех пор, пока не увидел собственными глазами Господа Иисуса Христа, пришедшего к нему на Иордан принять крещение.

Почему же Предтеча Мессии должен был родиться от престарелых родителей? Прекрасный ответ на это – в одном церковном стихе, в котором говорится, что «Иоанн Креститель родился от престарелых родителей для того, чтобы быть истинным Предтечей того Бога Слова, Который имел родиться от Девы, дабы сии великие события были преславны». «За одним чудом, – говорит святой Амвросий, – долженствовало следовать другое. Необходимо было Иоанну Крестителю родиться от неплодной матери, чтобы люди приготовились видеть рождение Спасителя от безмужней Девы».

Священник Григорий Дьяченко

Собор Архангела Гавриила

Празднуется 26 июля

Архангел Гавриил был избран Богом, чтобы благовестить Пресвятой Деве Марии, а с Нею и всем людям великую радость о Воплощении Спасителя Иисуса Христа, Сына Божия. Архангел Гавриил необычайно приближен к Господу и посылается Им возвещать величайшие тайны, касающиеся спасения рода человеческого.

По церковному преданию, именно архангел Гавриил возвестил святым Иоакиму и Анне о рождении от них Девы Марии, и он же сообщил Пресвятой Деве Марии об ее славном Успении и Вознесении на Небо.

Когда Господь Иисус Христос перед Своими крестными страданиями молился в Гефсиманском саду до кровавого пота, на укрепление Его, по церковному преданию, был послан с Небес архангел Гавриил, имя которого означает «крепость Божия».

Жены-мироносицы услышали радостную весть о Воскресении Господа Иисуса Христа от двух Ангелов, один из которых был Архангел Гавриил.

На иконах он обычно изображается с райской ветвью, принесенной им Пресвятой Деве, или со светящимся фонарем в

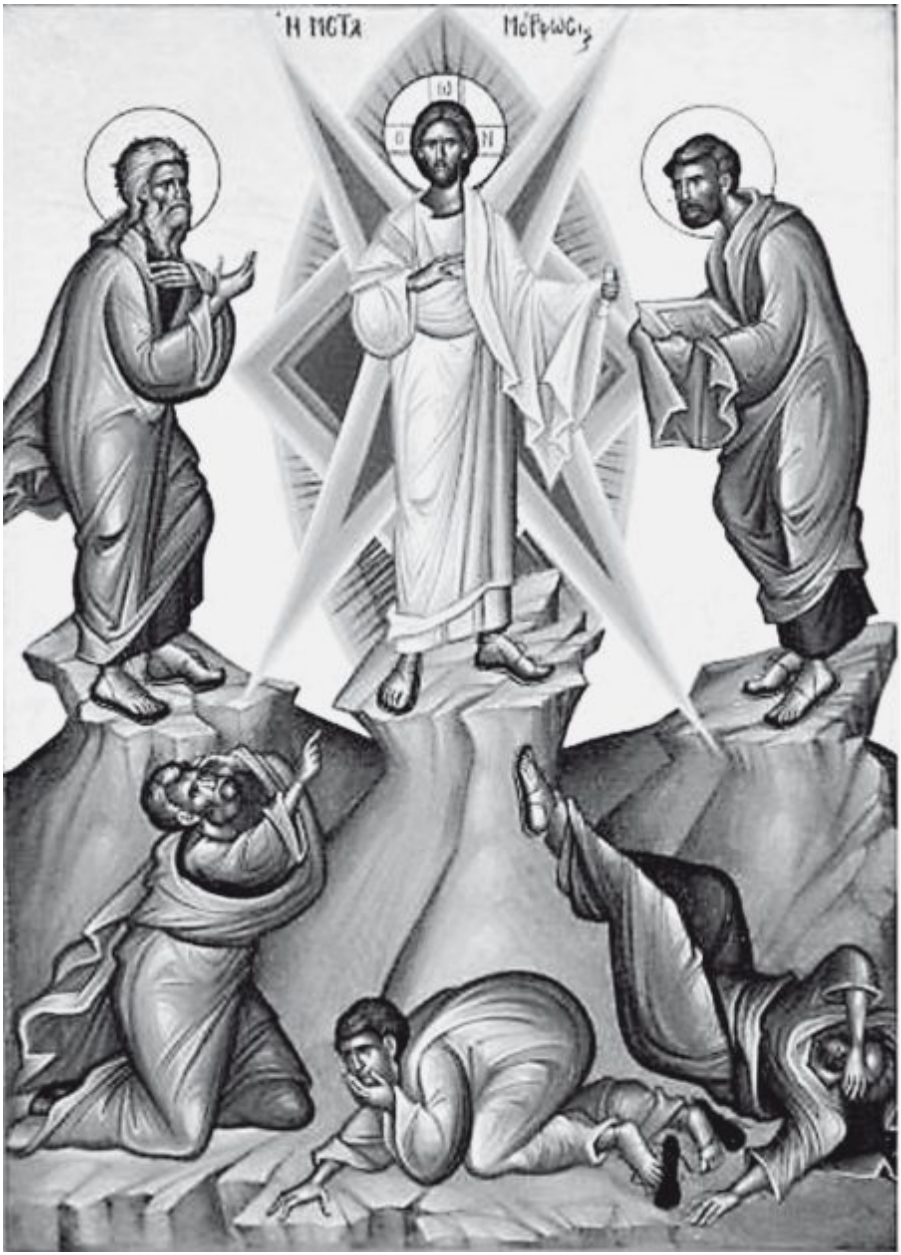
правой руке и зеркалом из ясписа – в левой.

Преображение Господне

Празднуется 19 августа

Уже более двух лет ходил по земле Палестины Спаситель с проповедью Своего Божественного учения. Все чаще стал Он говорить своим ученикам-апостолам, что скоро придется ему пострадать от врагов и быть убитым ими. Апостолы сильно скорбели от таких слов Учителя.

И вот однажды, чтобы утешить и показать Свою Божественную славу, силу и власть, Господь взял с собой на гору Фавор трех Своих любимых учеников – Петра, Иакова и Иоанна. Иисус Христос имел обычай каждую ночь молиться в уединении Отцу Небесному. Так было и в тот раз. Он отошел от поднявшихся с Ним на вершину Фавора апостолов, а они, утомившись, заснули. На рассвете их разбудил ослепительный свет. Апостолы увидели Своего Учителя в блистающих белых одеждах, а лицо Его сияло таким светом, которого не может выдержать глаз человека. Рядом с Христом апостолы увидели древних пророков Моисея и Илию, говоривших с Ним о Его будущих страданиях и смерти.



«Господи, – воскликнул Петр. – Как нам хорошо здесь! Позволь, мы построим три шатра: Тебе, Моисею и Илии…» В это время явилось облако, которое закрыло всех. И из облака послышался голос, сказавший, как при крещении Спасителя: «Это Сын Мой возлюбленный, Его слушайте!» От этого апостолы пришли в еще больший страх и пали на землю. И тогда скрылись пророки, а Иисус снова явился в образе человека. «Встаньте, не бойтесь!» – сказал он апостолам. Когда они сходили с горы, Христос сказал им, чтобы никому не рассказывали о виденном,

пока Он не воскреснет из мертвых. Тогда апостолы не поняли этих слов и говорили между собой с недоумением: «Что это значит, воскреснуть из мертвых?» Событие Преображения Господа ясно указывает нам на будущую жизнь, на жизнь преображенную, вечную, которая последует за общим воскресением всех людей…

Тропарь праздника Преображения

Преобразился еси на горе, Христе Боже,
показа́вый учеником Твоим славу Твою,
якоже можа́ху; да возсияет и нам грешным
свет Твой присносу́щный,
молитвами Богородицы,
Светодавче, слава Тебе.

Перевод: *Ты, Христе Боже, преобразился на горе и показал апостолам Твою Божию славу. По молитвам Богородицы и нам, грешным, покажи Свой свет вечный. Слава Тебе.*

В народе Преображение Господне называли Вторым Спасом, который именовали «яблочным», так как к этому дню поспевали яблоки, другие плоды и огородные овощи. Их приносили для освящения в церковь. В конце праздничной литургии, после заамвонной молитвы священник благословляет плоды нового урожая, читая над ними молитву. После освящения и благословения разрешается есть плоды нового урожая (до Второго Спаса раньше не ели никаких плодов, кроме огурцов). Совершив праздничное освящение яблок, в день Преображения после обедни совершались благодарственные молебны в садах, при этом выносились иконы, чаще других икона Преображения Господня. Затем начинался сбор яблок в садах и их продажа.

Успение Пресвятой Богородицы

Празднуется 28 августа

После вознесения Господа Иисуса Христа Богородица жила в доме апостола Иоанна, который любил и почитал Ее как самый нежный и преданный сын. В доме его часто собирались апостолы, и Матерь Божия много рассказывала ученикам Сына Своего о событиях Его земной жизни. Каждый день Она ходила молиться ко гробу воскресшего Христа. Его враги донесли об этом первосвященникам и старейшинам. Из-за ненависти к Распятому и страха пред Ним они решили поставить стражу около Гроба Господня, а Матерь Его – убить. Но – чудное дело! Охранники никогда не замечали, как приходила и уходила Дева Мария вместе с преданными учениками. Апостолы находили огромное утешение в том, чтобы быть рядом с Матерью Божией, ничего не делали без ее совета и благословения. Многие из уверовавших во Христа приходили из дальних стран, чтобы увидеть Ее и послушать Ее мудрые и святые беседы. Глядя на Ее спокойный прекрасный лик, слушая благодатные слова Богородицы, люди наполнялись необыкновенной духовной радостью, забывая свои беды. Счастливые, возвращались они на родину и рассказывали другим про это чудо.

Когда начались лютые гонения иудеев на христиан, апостолы покинули Иерусалим, Удалились из него и Матерь Божия со святым Иоанном. Они отправились в город Ефес и другие города, где проповедовали Евангелие. Когда гонения стали менее яростными, Матерь Божия снова поселилась в Иерусалиме в доме апостола Иоанна. Но злоба неверующих против Нее никогда не утихала. И они нашли бы способ погубить Богородицу, если бы не хранила Ее благодать Божия. Помогая людям, Матерь Божия для Себя просила лишь об одном: чтобы Господь быстрее послал ей кончину и забрал бы в Царство Небесное. И вот однажды перед Богородицей предстал архангел Гавриил, служивший Ей с первых дней Ее детства, и сообщил радостное известие: через три дня Она отойдет ко Господу, и в знак этого подал Ей райскую ветвь, чтобы несли ее перед гробом. Апостол Иоанн оповестил

иерусалимских христиан о скорой кончине Божией Матери, и множество народа собралось около их дома. Все плакали, умоляя Ее не оставлять их сиротами. Но Она просила радоваться Ее Успению, потому что идет Она к Сыну Своему и Богу и будет всегда рядом с Ним, молиться и заступаться за весь род человеческий. Но будет Она также и посещать землю, охраняя мир. И утешились плакавшие люди. Вдруг послышался шум, похожий на раскаты грома, и облака окружили дом Иоанна. Это ангелы чудесно перенесли в Иерусалим апостолов, которые проповедовали Евангелие в дальних странах. Богородица желала всех их видеть пред своим Успением, и Господь выполнил Ее просьбу. И вот наступил час Успения. Пресвятая Богородица в ожидании кончины лежала на украшенном цветами ложе, апостолы молились. Внезапно комнату озарил неземной свет, пред которым померкло все. Крыша дома раскрылась, и Сам Господь в ослепительной славе, окруженный бесчисленным множеством ангелов, праведников и пророков, предстал пред своей Матерью, призывая отправиться с Ним в Царство Небесное, взял на руки Ее душу и вознес на Небо. Тело Богородицы положили в пещере Гефсиманского сада. Господь воскресил Ее и забрал на небо тело Своей Матери, ибо, открыв в третий день гроб, апостолы обнаружили пещеру пустой. Праздник Успения Пресвятой Богородицы научает нас не бояться смерти, ибо тот, кто жил с верой в господа Иисуса Христа, будет вечно жить на небесах вместе с Ним и Матерью Божией.

Тропарь праздника Успения

В рождестве девство сохранила еси,
во успении мира не оставила еси, Богородице,
престáвилася еси к животу, Мати сýщи Живота,
и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Перевод: *Ты, Богородица, девой родила Христа и после смерти не забыла людей. Ты опять стала жить, потому что Ты Мать самой Жизни; Ты молишься за нас и спасаешь нас от смерти.*

Рождество Пресвятой Богородицы

Празднуется 21 сентября

Две тысячи лет назад в маленьком городке Назарете, в Палестине, жили супруги Иоаким и Анна. Они были давними потомками царя Давида. Супруги были известны своим милосердием и состраданием к людям, каждый год из своих доходов праведные Иоаким и Анна оставляли себе только треть, остальные деньги жертвовали на храм и раздавали бедным. Об одном печалились эти добрые люди: детей у них не было. А ведь в еврейском народе почетно было иметь много детей в надежде на то, что кто-нибудь из родившихся мог бы оказаться Спасителем мира. Если же детей в семье не было, считалось, что муж и жена чем-то прогневили Бога. Не раз уже слышал Иоаким насмешки от людей, ему предлагали развестить с бездетной женой. Но он так любил свою Анну, что решил до последних дней разделить с ней одинокую старость. Супруги смиренно продолжали сносить свое горе, не переставая молить Бога, хотя лет им обоим уже было много. В великие праздники муж и жена ходили в Иерусалим, чтобы принести положенную жертву в храме. И вот однажды у Иоакима не приняли даров, обвинив его в бездетности. Иоаким так огорчился, что не захотел возвращаться домой, а отправился далеко в горы, где паслись его стада. Сорок дней и ночей провел он там в молитве, чтобы Господь даровал ему ребенка. Узнала и Анна об оскорблении Иоакима. Считая себя виновницей его позора, она тоже плакала и молилась, чтобы Господь, Которому возможно все, даровал ей чадо. И однажды перед ней явился архангел Гавриил и сказал, что услышал Бог ее молитвы и родится у нее девочка, через которую придет спасение всему миру. Назвать ее надо Марией. То же самое архангел возвестил и Иоакиму, как и ей повелел идти в Иерусалим. И у Золотых ворот обрадованные супруги встретились и принесли свою благодарственную жертву Богу в Иерусалимском храме. Спустя положенное время у Иоакима и Анны родилась Та Самая Мария, Которой предстояло впоследствии стать Матерью Божией. Для христиан день Рождества Богородицы остается днем незабываемой радости, праздником, когда исполнилось обещание Бога, данное Адаму и Еве и всему их потомству, что придет в мир Сын Божий, Спаситель, родившийся от земной женщины.

Тропарь Рождеству Пресвятой Богородицы

Рождество Твое, Богородице Дево,
радость возвести всей вселенней:
из Тебе бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш,

и, разруши́в клятву, дадé благословение,
и упразднив смерть, даровá нам живот вечный.

Перевод: *Пресвятая Богородица! Ты родилась, и все люди обрадовались, потому что от Тебя родился Христос, наш Бог, наш свет. Он снял с людей проклятье и дал благословение; Он уничтожил смертное мучение в аду и дал нам вечную жизнь на небесах.*

Воздвижение Креста Господня

Празднуется 27 сентября

После разрушения Иерусалима в 72 году Римские императоры-язычники пытались полностью уничтожить в человечестве воспоминания о священных местах, где пострадал за людей и воскрес Господь наш Иисус Христос. Император Адриан приказал засыпать землей Голгофу и Гроб Господень и на искусственном холме поставить капище языческой богини Венеры. Но через триста лет Промыслом Божиим великие христианские святыни – Гроб Господень и Животворящий Крест были вновь обретены христианами и открыты для поклонения. Произошло это при равноапостольном царе Константине, который отправил в Иерусалим свою мать, святую царицу Елену, не считая себя достойным совершить великое дело, потому что в войнах пролил много крови. Место, где был скрыт Гроб Господень, никому не было известно, и лишь с большим трудом, употребив свое царское влияние, Елене удалось найти холм, на вершине которой язычники устраивали служение своим богам.

По благословению Иерусалимского патриарха Макария люди принялись копать, и вдруг вокруг разлилось дивное благоухание. В том месте были найдены три креста. Поначалу не могли определить, который из трех – Крест Господень, превратившийся из орудия позорной смерти в знамя христианских побед. Мимо несли для погребения мертвеца. И тогда его стали прикладывать к каждому кресту. И когда приложили ко Кресту Господню – мертвец силою Животворящего Древа восстал живым – воскрес. Все, кто был рядом с царицей и патриархом, поклонились Кресту. Из-за тесноты многие не могли видеть Крест Господень и просили

хотя бы издали показать его. Тогда патриарх Макарий, став на возвышенном месте, воздвиг (поднял) святой Крест, показывая людям. Множество людей в тот миг уверовало во Христа. Для хранения святыни был сделан искусной работы серебряный ковчег. С того времени было установлено празднование Воздвижения Креста Господня. Равноапостольный император Константин повелел воздвигнуть в Иерусалиме величественный и обширный храм в честь Воскресения Христова, включавший в себя и Гроб Господень, и Голгофу. Храм строился около 10 лет. Тяжелый Крест нес Спаситель, шествуя на Распятие, падал под его тяжестью. Но если не было бы Распятия, не было бы и Воскресения Христова – радости всей Вселенной.

Тропарь праздника Воздвижения Креста

Спаси, Господи, люди Твоя,
И благослови достояние Твое,
Победы на сопроти́вныя да́руя,
И Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

О Кресте Христовом

...

Ученик Христов тогда несет правильно крест свой, когда признает, что именно ниспосланные ему скорби, а не другие, необходимы для его образования во Христе и спасения.

Сет. Игнатий Брянчанинов

...

Когда ты запечатлеваешь себя крестным знамением, представляй в мыслях все значение креста, и тогда ты угасишь свой гнев и все остальные страсти.

Сет. Иоанн Златоуст

...

Есть крест внешний – на плечах лежит. Это скорби, беды, лишения, болезни, нападки, напраслины. Есть крест внутренний – самоотвержение с самоумерщвлением, то есть борьбой с собою, безжалостной к себе. Есть крест духовный, Божий или Божественный, – распятие по воле Божией.

Сет. Феофан Затворник

Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, Архангелов: Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила

День памяти 21 ноября

Священное Писание учит, что кроме видимого, физического мира, существует необозримый духовный мир, населенный разумными существами, которые называются ангелами.

Слово «ангел» на греческом языке значит вестник. Это потому, что Бог нередко через ангелов сообщает людям Свою волю. Ангелы – это служебные духи, которых Бог создал раньше людей и которые так же, как и люди, бессмертны.

Ангелы, вследствие своей быстроты, тотчас появляются везде и всюду, где бы ни повелел Бог. Ангелы могущественны и превосходят людей крепостью и силой. Но и совершенство ангельской природы ограничено: они не знают будущего, если Сам Бог им этого не откроет, не могут творить чудес своей собственной силой, но только по благодати, которую имеют от Бога. Со времени своего сотворения Ангелы крепко утвердились в способности только любить и помогать людям, а не вредить им. Они безотказно и деятельно участвуют в судьбах всего мира и отдельных людей. Они управляют народами и странами, природными стихиями и законами Вселенной.

Каждому человеку со времени его крещения дается Ангел-

Хранитель, который духовно наставляет христианина в вере и благочестии, охраняет его душу и тело, заступается за него в течение земной нашей жизни, молит о нем Бога. Именно поэтому необходимо призывать в молитвах наших Ангелов-Хранителей, как ближайших наставников и покровителей.

Священное Писание, повествуя о явлении ангелов различным людям, собственным именем называет только некоторых из них, – тех, которые несут особую миссию в утверждении Царства Божия на земле. Среди них – архангелы Михаил и Гавриил, а также архангелы Рафаил, Уриил, Салафиил, Иегудиил и Варахиил.

Над всеми чинами Ангелов поставлен Господом святой Архистратиг Михаил. «Архистратиг» – значит старший воин, вождь в войне против диавола и всякого беззакония среди людей.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Празднуется 4 декабря

Праведные Иоаким и Анна воспитывали свою дочь Марию с особенной любовью и вниманием, потому что решили посвятить Ее Богу в благодарность за то, что Господь утешил их старость и даровал им ребенка. И вот когда Марии исполнилось три года, в Назарет собрались родственники, чтобы проводить Марию в Иерусалим. Торжественная процессия стала медленно спускаться в долину – впереди были три дня пути. Наконец, путники вступили во Святой Град Иерусалим. По обычаю, пришедшие постились и молились семь дней – во очищение своих грехов. Потом на Девочку надели украшения и повели в Храм. Впереди шли ровесницы Марии с зажженными свечами. Так процессия подошла к величественной лестнице, которая вела ко входу в Храм. Лестница состояла из высоких ступеней. Родители поставили маленькую Марию на первую ступень. В это время наверху лестницы появился первосвященник Захария со всеми священниками. Все в изумлении замерли: трехлетняя Мария без посторонней помощи уверенно взошла по высоким ступенькам и остановилась на самой верхней. Первосвященник Захария увидел в этом знамение: несомненно, маленькая Девочка – избранница Божия. Он взял Ее за руку и сам ввел в Храм. Иерусалимский Храм был огромен, но было в нем место, куда не разрешалось входить никому. Даже первосвященник лишь один раз в году совершал там принятое богослужение. Там хранилась самая великая ценность Иерусалимского Храма – скрижали, на которых были начертаны Десять заповедей, данных Богом пророку Моисею. Это место называлось Святое святых. И когда все пришедшие из Назарета вошли внутрь Храма, Захария изумил всех невиданным поступком: он ввел Девочку во Святое святых и именно там назначил ей место для молитвы.

Введение во храм Пресвятой Богородицы. Худ. Тициан, ок. 1534

Родители Марии, Иоаким и Анна, исполнив свой обет, возвратились домой. Мария жила при Храме вместе с другими девочками. Старшие обучали ее чтению, письму и женским рукоделиям. Маленькая Мария выучилась прясть блестящие льняные нити и тонкую шерсть и вышивать цветными шелками одежды для священников. Скоро в этом искусстве она превзошла всех Своих подруг, но совсем не гордилась перед ними: всегда была кроткой и приветливой, никогда не обидела никого ни словом, ни делом. Речь Марии была умной и искренней. Жизнь Девы проходила в постоянных трудах и размышлениях о Боге. Она полюбила уединение, и уже первые лучи солнца заставали Ее за молитвой. Однажды первосвященник Захария увидел, как ангел подает Марии небесную пищу. Ангел Господень являлся к ней снова и снова. И первосвященник с волнением и трепетом думал, чем заслужила Мария такую честь? Не та ли это Дева, о Которой говорили еврейские пророки, что от Нее родится Спаситель мира? И все вокруг понимали, что Мария стала самым драгоценным украшением Иерусалимского Храма. Но никто не знал, что Ей предстоит стать Матерью Божией… Все мы, дети и взрослые, по примеру Девы Марии должны как можно чаще посещать храм Божий, в котором Бог становится нам ближе, где наши молитвы быстрее доходят до Него. И если мы не пожалеем своего времени на молитву Богу во храме, станем очищать нашу душу от дурных мыслей и не будем совершать дурных дел, Бог сделает нашу жизнь мирной и по-настоящему счастливой.

Тропарь праздника Введения

Днесь благоволения Божия предображе́ние
и человеков спасения пропове́дание;
в храме Божии ясно Дева является,
и Христа всем предвозвещает.
Той и мы велегласно возопиим:
радуйся, смотрения Зижди́телева исполнение.

Перевод: *Сегодня в Божий храм пришла Дева Мария, и люди узнали, что скоро явится молость Божия, скоро Бог спасет людей. Мы будем так хвалить Богородицу, радуйся, Ты даешь нам милость Божию.*

Основы православной веры

Десять заповедей Закона Божия

1. «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии, разве Мене».

2. «Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею; да не поклонишися им, ни послужиши им».

3. «Не приемли имене Господа Бога твоего всуе».

4. «Помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши вся дела твоя, в день же седмый суббота, Господу Богу твоему».

5. «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли».

6. «Не убий».

7. «Не прелюбы сотвори».

8. «Не укради».

9. «Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна».

10. «Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего».

Мир Божий

Мир потому и называется Божиим, что свидетельствует каждому разумному и чистому сердцем человеку о Боге, своем Создателе и Попечителе. Как по прекрасному произведению мы судим об искусности и премудрости мастера, так и через внимательное, неспешное рассматривание творений мы восходим к познанию Всемогущего и Всеблагого Бога. И что замечательно, подобное исследование доступно не только многоученому профессору, но и вихрастому мальчишке с доброй душой и пытливым острым умом. Подумать только, решительно все, созданное Богом, учит нас правой и правильной вере в Него, преподает нам уроки добра и любви в отношении друг друга. Посмотрите-ка, если можете, на солнышко! Как дивно оно рассказывает о тайне Троицы! Вашим очам открывается солнечный диск. Он порождает лучи яркого света. Эти лучи пронизаны живительным теплом, что исходит от диска и доносится до земли. А вместе – единое Солнце, без которого и помыслить нельзя нашего бытия. Таков единый Бог, дарующий о Себе познание как об Отце, Сыне и Святом Духе.

Священник Артемий Владимиров. Из книги «Учебник жизни»

Ветхий и Новый завет

Библия» (biblia) – слово греческое, на русский язык переводится словом «книги». Она была названа так в четвертом веке св. Иоанном Златоустом и св. Епифанием Кипрским, потому что содержит в себе много священных книг. Святая Библия – это собрание книг, написанных по вдохновению и откровению Святого Духа через избранных Богом людей, называемых пророками и апостолами. Так как книги Св. Библии написаны людьми по вдохновению Божию, то эти книги называются богодухновенными и священными, ибо все, что исходит от Бога, духовно и свято. Поэтому Библию часто называют Священным Писанием. Библия разделяется на два отдела – Ветхий Завет и Новый Завет. В приложении к Священному Писанию «завет» означает союз Бога с людьми. Ветхий Завет или союз Бога с людьми был заключен еще при Адаме и продолжался до пришествия в мир Христа Спасителя – Сына Божия. С пришествием Спасителя между Богом и людьми был установлен Новый Завет, который продолжается до настоящего времени.

Всего священных книг в Библии насчитывается 77; из них 50 книг Ветхого Завета и 27 – Нового Завета. При всем разнообразии содержания Святой Библии в ней замечается чудесное единство. Через все книги красной нитью проходит святая и великая идея – воспитание и спасение падшего человека.

Три христианские добродетели

Христианство учит тому, что земная жизнь человека есть время приготовления к будущей вечной жизни. Недолог человеческий век, он полон невзгод и скорбей, но именно здесь, на земле, человек делами определяет свою посмертную участь. Христианство дает верующему надежду, что он может обрести блаженство – настоящее счастье еще в этой жизни, несмотря на все земные скорби. Это происходит в том случае, если он будет следовать трем важнейшим христианским добродетелям – вере, надежде, любви.

О вере

При равном достоинстве первым звеном в цепи трех христианских добродетелей является вера. С нее начинается трудный и одновременно радостный путь духовного совершенствования. Вера есть уверенность в невидимом, и поэтому она есть подвиг. Легко принять очевидное. Но дерзнуть уверовать в то, что скрыто до времени от людей, полюбить невидимого Бога способен не каждый. Требуется немалое духовное мужество, чтобы, поверив в Бога, перестроить свою жизнь в соответствии с Его заповедями.

...

Вера состоит не в том только, чтобы креститься во Христа, но чтобы и заповеди Его исполнять.

Прп. Марк Подвижник

...

Если мы желаем иметь твердую веру, то должны вести жизнь чистую, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры.

Сет. Иоанн Златоуст

...

Вера получает и то, чего не смеет надеяться, как показал пример благоразумного разбойника на кресте.

Прп. Иоанн Лествичник

...

Верующий не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Бога все, чего просит.

Прп. Иоанн Лествичник

Как относиться к людям

...

Слышал я о некоем брате, что когда он приходил к кому-либо из братий и видел келью его невыметенною и неприбранною, то говорил в себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем, или даже обо всем земном, и так весь свой ум устремил ввысь, что не находит времени и келью свою привести в порядок. Также если приходил к другому и видел келью его убранною, выметенною и чистою, то опять говорил себе: как чиста душа сего брата, так и келья его чиста.

Авва Дорофей

...

Ничто так не вредит человеку, особенно юному, как злая компания. Ибо, как обхождение с добрыми – это такая школа, в которой без книг обучается человек философии христианской, то есть честной жизни, так обращение со злыми бывает причиной крайнего развращения.

Святитель Тихон Задонский

...

Всякого приходящего или всякого встречаемого надо принимать как

посланца Божия. Первый вопрос будет у тебя внутри: что хочет Господь, чтобы я сделал с сим или для сего лица. Всех принимать, как образ Божий, с почтением, и желать сделать добро ему.

Святитель Феофан Затворник

Волшебное слово

О детства все мы с вами помним наставления взрослых о так называемых волшебных словах: здравствуйте, пожалуйста, спасибо. Но не все, быть может, вникали в их внутренний смысл. Произнося приветствие, раньше сердечно желали собеседнику долгих лет жизни во здравии и благополучии; употребляя слово «пожалуйста», выражали почтительное отношение к человеку, старшему возрастом и умудренному жизненным опытом. Именно с этими словами «пожалуй, старче» в старину приглашали в свой дом путника, утомленного дорогой, или просили сесть приглашенного на более почетное место, поближе ко главе семьи. «Спаси тебя Христос, спаси тебя Господь, спаси тебя Бог» – вот что наполняет нынешнее «спасибо» – не простую словесную благодарность, не формулу вежливости, но молитву о спасении, обретении милости у Господа в день Суда. Не ясно ли становится, что, употребляя «со смыслом» эти слова, мы согреваем нашу речь дыханием Божией благодати, делаем наше общение с людьми воистину теплым и сердечным, привлекаем и на собственную душу милость Божию.

Насколько велик дар слова, настолько печальны последствия злоупотребления этим даром. Язык, дарованный нам Создателем для прославления Его имени и умножения добра в общении друг с другом, может быть причиной осуждения на вечную гибель нераскаявшегося грешника! Подумать только, правда Божия, как обещано в Евангелии, взыщет с нас за каждое праздное слово! А ведь любое слово, пустое, бессодержательное, сказанное без смысла и без пользы, может быть занесено в разряд праздных. Что говорить о прочих – острых, колких, скабрезных, пошлых, лукавых?! Вот почему сложилась поговорка: «Язык мой – враг мой». По счастью, наши читатели знают, что в Таинстве исповеди Милосердный Господь все прощает, если каешься с твердым намерением исправиться.

Предложу вам три малых золотых правила языка. Кто исполнит их, перестанет грешить языком, что, согласитесь, вещь немаловажная.

Правило первое. «Думай, что говоришь». Иными словами, взвесь в уме то слово, которое находится на кончике твоего языка. Подумай как следует, а потом лишь говори. И никогда об этом не пожалеешь.

Правило второе. «Не говори того, чего не думаешь». Не лукавь, не криви душой. Лучше промолчать, нежели сказать неправду.

Правило третье. «Не все, что думаешь, говори». Это правило не призывает нас, как, может быть, некоторым показалось, к лицемерию и приспособленчеству. Но оно советует правильно оценивать собеседника и его душевное расположение. А готов ли он сегодня услышать от тебя те слова, которые мирно лягут на его сердце три дня спустя? А принесет ли ему пользу то, что ты намереваешься сказать? А нужно ли ему слышать твое мнение по этому вопросу? А не подведешь ли ты кого, не выдашь ли чужую тайну своим неосторожным словом?

Некоторые сводили три упомянутых правила в одну золотую формулу мудрой речи: «Думай, что говоришь, кому говоришь, зачем говоришь, где говоришь и какие из этого будут последствия».

Друзья, больше читайте добрых, умных, хороших, и в первую очередь, «святых» книг! «С кем поведешься – от того и наберешься», – говорит не напрасно русская пословица. Пусть вашим девизом отныне будет древнее: «Ни дня без строчки». Хотя бы прочитанной строчки, которая отойдет в золотой запас вашей памяти.

Священник Артемий Владимиров

Главные молитвы

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

М.Ю. Лермонтов

Завет Спасителя – всегда молиться. Молитва – это дыхание духовной жизни. И как физическая жизнь прекращается с остановкой дыхания, так и духовная жизнь замирает с остановкой молитвы. Молитва – это разговор с Богом, с Пресвятой Богородицей, святыми. Бог – наш Небесный Отец, к Которому всегда можно обратиться со своими радостями или печалями. Поэтому в любое время, не только на богослужении и молебнах, а в любом другом месте – в дороге, за уроками, даже разговаривая с друзьями, мы можем обратиться к Пресвятой Богородице и святым угодникам и просить их помочь нам, ходатайствовать за нас пред Господом.

Первые слова, которые следует произносить утром – это «Слава Тебе, Господи, Слава Тебе!». Постепенно краткие молитвы

собираются в правила – молитвы, обязательные для прочтения. Существуют различные, – утренние, дневные, вечерние правила и другие. Эти молитвы составлены святыми людьми и проникнуты духом их подвижнической жизни, посвященной Христу. Самой совершенной является молитва «Отче наш…», оставленная Своим ученикам Самим Господом Иисусом Христом.

Молитвенное правило у всех разное. У одних утреннее или вечернее правило занимает несколько часов, у других – несколько минут. Все зависит от духовного устроения человека и от того, каким временем он располагает. Очень важно, чтобы человек исполнял молитвенное правило, пусть даже самое краткое, чтобы в молитве были регулярность, постоянство. Но правило не должно превращаться в формальность. Опыт многих верующих показывает, что при постоянном вычитывании одних и тех же молитв их слова утрачивают свежесть, и человек, привыкая к ним, перестает на них сосредотачиваться. Эту опасность нужно стараться всеми силами избегать.

Необходимо приучаться и к поклонам – поясным и земным. Поклоны восполняют нашу рассеянность в молитве. Следует обращать внимание также и на внешнюю манеру держаться при молитве. Надо стоять прямо, смотреть прямо на иконы, и помнить, что при молитве вы предстаете перед Лицом Отца Небесного.

Молитесь вместе с Церковью

...

О церковной молитве знайте, что она выше домашней молитвы, ибо оная возносится от целого собора людей, в числе коих, может, много есть чистейших молитв, от смиренных сердец, к Богу приносимых, кои Он приемлет, яко кадило благовонное, с коими и наши, хотя немощные и ничтожные, приемлются.

Преподобный Макарий Оптинский

...

Некоторые говорят: молимся, но молитвы-то наши не исполняются… Но вы, невзирая ни на что, продолжайте молиться, вопить, как святые апостолы молились: «Господи, спаси нас, погибаем». Молится надменный фараон, и услышан… Кольми паче услышан будет молящийся христианин. Не унывайте, а продолжайте молиться.

Преподобный Иосиф Оптинский

Почему во время молитвы мы возжигаем свечи?

О веча, возжигаемая перед иконой, является символом молитвы, знаком духовного устремления к Богу. Молящийся человек зачастую не может найти слов, чтобы точно передать свое состояние, выразить все, что он хочет сказать Господу. Символом этого, невыразимого до конца в словах, молитвенного чувства и является пламя свечи.

Церковная свеча – еще и наша жертва Богу и Церкви. Поскольку уровень благосостояния у верующих различен, то и пожертвовать в пользу Церкви они могут разные средства. Только этим и объясняются различия в цене и размере свечей.

Обычно в первую очередь мы ставим свечи к празднику и чтимой храмовой иконе. О здравии наших родных и близких мы молимся, поставляя свечи к иконам Спасителя, Божией Матери или святых, которым Господь даровал особую благодать исцелять болезни и помогать нам в различных нуждах. Если же необходимо помолиться об упокоении усопших, следует поставить (или передать) свечу на канун: прямоугольный столик, на нем находятся Распятие Господне и множество свечей.

Молитва начальная

Эту молитву произносят прежде всех молитв.

...

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Молитва Господня

Молитва эта названа Господней потому, что ее дал сам Господь Иисус Христос своим ученикам, когда они просили научить их, как надо молиться.

...

Отче наш, Иже еси на Небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Перевод:

Отче наш, Который на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царство Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам сегодня; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Молитва к Ангелу-Хранителю

...

Ангеле Божий, Хранителю мой святый! На соблюдение мне от Бога с небесе данный, прилежно молю Тя: Ты мя днесь просвети и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави и на путь спасения направи.

Ангелу, Хранителю мой добрый! Помоги мне не лукавить, не льстить и никого из ближних не судить, правду Божию и истину творить, дабы спасение получить. Аминь.

Молитва в День рождения

...

Господи, Боже, Владыка всего мира видимого и невидимого.

От Твоей святой воли зависят все дни и лета моей жизни.

Благодарю Тебя, премилосердный Отче, что Ты дозволил мне прожить еще один год; знаю, что по грехам моим я недостоин этой милости, но Ты оказываешь мне ее по неизреченному человеколюбию Твоему.

Продли и еще милости Твои мне, грешному; продолжи жизнь мою в добродетели, спокойствии, в здравии, в мире со всеми сродниками и согласии со всеми ближними.

Подай мне изобилие плодов земных и все, что к удовлетворению нуждам моим потребно.

Наипаче же очисти совесть мою, укрепи меня на пути спасения, чтобы я, следуя по нему, после многолетней в мире сем жизни, прейдя в жизнь вечную, удостоился быть наследником Царства Твоего небесного.

Сам, Господи, благослови начинаемый мною год и все дни жизни моей.

Аминь.

Молитва об отце и матери

...

Господи и Боже мой Иисусе Христе! Услыши молитву мою о родителех моих (имена). Даруй им единомыслие и любовь во вся дни жизни их. Укрепи тела их во здравии, да послужат Тебе делами милости и Евангельского добра. Научи мя всегда быти послушным родительскому слову, избави мя от лицемерия и лукавства в обращении с ними и не лиши нас всех оправдания на Страшном Суде Твоем. Аминь.

Евангельские притчи

Притча о Сеятеле

Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его. Иное упало на места каменистые, где немного было влаги, и скоро взошло, потому что земля была не глубока. Когда же взошло солнце, оно увяло, и, так как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Имеющий уши, да слышит!

О Плевелах [6]

Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы, и ушел. Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: «Господин! Не доброе ли семя ты сеял на поле твоем? Откуда же плевелы?» Он же сказал им: «Враг человеческий сделал это». А рабы сказали ему: «Хочешь ли, мы пойдем, выберем их?» Но он сказал им: «Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы. И во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

Твой крест

Одному человеку казалось, что он живет очень тяжело. И пошел он однажды к Богу, рассказал о своих несчастьях и попросил у него:

– Можно, я выберу себе иной крест?

Посмотрел Бог на человека с улыбкой, завел его в хранилище, где были кресты, и говорит:

– Выбирай.

Зашел человек в хранилище, посмотрел и удивился: «Каких только здесь нет крестов – и маленькие, и большие, и средние, и тяжелые, и легкие». Долго ходил человек по хранилищу, выискивая самый малый и легкий крест, и, наконец, нашел маленький-маленький, легонький-легонький крестик, подошел к Богу и говорит:

– Боже, можно мне взять этот?

– Можно, – ответил Бог. – Это твой собственный и есть.

Пропасть

Однажды по дороге шла толпа людей. Каждый нес на плече свой крест. Одному человеку казалось, что его крест очень тяжелый. Он был очень хитрым. Приотстав от всех, он зашел в лес и отпилил часть креста. Довольный, что обхитрил всех, он их догнал и пошел дальше.

Вдруг на пути появилась пропасть. Все положили свои кресты и перешли. Хитрый человек остался на этой стороне, так как его крест оказался коротким.

Трое друзей

Один человек имел трех друзей. Первые двое из них пользовались особенною его любовью и уважением, третий же временами был и забываем.

Случилось так, что этот человек попал в беду. К кому обратиться за помощью? К друзьям. И вот приходит он к первому другу, самому любимому, и излагает причину своего посещения.

– Какой ты мне друг? – отвечает тот. – Я тебя даже не знаю. Вот, если тебе угодно, возьми немного одежды и больше от меня ничего не жди.

Опечаленный таким отказом, человек обращается ко второму другу и просит проводить его и сопутствовать ему в пути, который надлежит ему сделать для исправления своего стесненного положения. Но и этот друг отказал в помощи из-за неимения свободного времени, хотя согласился проводить его недалеко. Оставленный своими близкими и друзьями, он вспомнил о третьем друге и обратился к нему.

Этот, сверх всякого ожидания, принял горячее участие в несчастье, и при его помощи беда миновала.

Мельник

Жил когда-то на свете один жадный мельник. Его маленькая водяная мельница стояла на берегу небольшой речушки. На опушке леса мельник перегородил речку большой плотиной. За плотиной собиралось много-много воды, так что получалось целое озеро. По специальной трубе вода стекала с большой высоты на мельничное колесо и тем приводила его в движение. Ежедневно он перемалывал на своей мельнице много мешков зерна.

Однажды мельник заметил небольшую трещину в стене плотины. Ему посоветовали сразу же отремонтировать ее, чтобы не случилось какого несчастья. Но жадный мельник сказал, что о такой мелочи даже говорить не стоит и что несколько капель, которые просачиваются сквозь трещину, не смогут повредить плотине. На самом же деле ему просто не хотелось тратить время и деньги на ремонт. Вечером трещина стала шире. Рабочие на мельнице обратили на это внимание мельника и попросили его заделать трещину. Но жадность мельника затмила его здравый рассудок.

– Сегодня уже поздно, – сказал он, – подождем до завтра.

В полночь мельник проснулся от сильного шума. Он вскочил с кровати, сбежал по лестнице вниз и увидел, что плотину прорвало, и вода из запруды растекается. Мельник увидел, что почти все его поля залиты водой. Маленькая причина, а какие большие последствия!

Две сохи

В кузнице отремонтировали две сохи. Они выглядели одинаково. Одна из них осталась стоять в углу сарая. Ее жизнь была легче, чем жизнь другой сохи, которую крестьянин наследующее утро погрузил на телегу и привез на поле. Там она со временем стала красивой и блестящей. Когда обе сохи вновь встретились в сарае, они с удивлением посмотрели друг на друга. Соха, которую не употребляли в дело, была покрыта ржавчиной. С завистью она смотрела на блестящую подругу:

– Скажи, как ты стала такой красивой? Ведь мне так хорошо было в тишине сарая стоять в своем углу.

– Это безделье тебя изувечило, а я стала красивой от труда.

Молитвы по привычке

В доме одних богатых людей перестали молиться перед едой. Однажды к ним в гости пришел проповедник. Стол накрыли очень изысканно, достали самые лучшие фруктовые соки и подали очень вкусное блюдо. Семья села за стол. Все смотрели на проповедника и думали, что теперь он помолится перед едой. Но проповедник сказал:

– Отец семейства должен молиться за столом, ведь он первый молитвенник в семье.

Наступило неприятное молчание, потому что в этой семье никто не молился. Отец откашлялся и сказал:

– Знаете, дорогой проповедник, мы не молимся, потому что в молитве перед едой всегда повторяется одно и то же. Молитвы по привычке – это пустая болтовня. Эти вечные повторения каждый день, каждый год нисколько не помогают, поэтому мы больше не молимся.

Проповедник удивленно посмотрел на всех, но тут семилетняя девочка сказала:

– Папа, неужели мне не нужно больше каждое утро приходить к тебе и говорить «доброе утро»?

Урожай

Один зажиточный крестьянин имел много полей с хорошей землей. Он работал усердно, но зерно все же не росло так хорошо, как на поле бедного крестьянина, находившегося рядом с его полем. Богатый крестьянин дивился этому и спросил у своего бедного соседа, что тот делает, чтобы на его песчаной земле все так хорошо росло, каким способом он обрабатывает землю? Бедный крестьянин ответил:

– Любезный сосед, разница только в том, что вы иначе сеете, чем я.

– А как вы делаете?

– С молитвой, – ответил набожный крестьянин, – в моем амбаре я склоняюсь на колени и молю, чтобы Бог, Творец всей Вселенной, многократно умножил мой посев. Поэтому земля, удобренная молитвой, самая лучшая.

Счастливый человек

Было у одного богача все, что желают люди: и много денег, и разубранный дворец, и красавица жена, и сотни слуг, и роскошные обеды, и полная конюшня дорогих коней. И все это так прискучило ему, что он целый день сидел в своих богатых палатах, вздыхал и жаловался на скуку.

Осталось одна у него радость – еда. Просыпался он – ждал завтрака, от завтрака ждал обеда, от обеда – ужина. Но и этой утехи он скоро лишился. Ел он так много и так сладко, что испортился у него желудок и позыва на еду не стало. Призывал он докторов. Доктора дали ему лекарства и велели ходить каждый день по два часа на природе.

И вот ходит он однажды свои положенные два часа и все думает о своем горе, что нет охоты к еде. А тут подошел к нему нищий.

– Подай, – говорит, – Христа ради, бедному человеку.

А богач все о своем горе думает и не слушает нищего.

– Пожалей, барин! Целый день не ел.

Услышал богач про еду, остановился.

– Что же, есть хочется?

– Как не хотеть, барин, страсть как хочется!

«То-то счастливый человек», – подумал богач и позавидовал бедняку.

Нужда

Как-то отец послал своего сына в лес по делам. А сын и говорит:

– Батюшка, как же я там буду один? Я ничего не знаю.

– Ничего, ступай, – говорит ему отец, – нужда всему научит.

Он поехал. Но вот в лесу сломались у него сани. Вспомнил он слова отца «нужда всему научит» и давай кричать:

– Нужда-а!

А она отвечает ему:

– А-а!

Ждал он, ждал, кричал, кричал, но никто не пришел к нему на помощь. Тогда он слез, сам кое-как поправил сани, приехал к отцу и говорит:

– Обманул ты меня, батюшка, ведь нужда-то не пришла ко мне на помощь.

– Да как же ты справился?

– Да так уж, кое-как.

– Вот это-то самое, что ты кое-как справился, и показывает, что тебе нужда помогла.

Поспорили

Два старца, живя вместе в одной келье, никогда ни о чем не спорили. И вот однажды один говорит другому:

– Давай хотя бы раз поспорим, как другие. Собеседник ответил:

– Я не знаю, как начать.

Первый сказал:

– Я положу этот кирпич между нами, а потом скажу: «Он мой». Тогда ты скажешь: «Нет, он принадлежит мне». Вот так и начинаются споры и ссоры.

Итак, они положили кирпич между собой. Один сказал:

– Это мое.

Другой:

– Нет, я уверен, что это мое.

Первый ответил:

– Это не твой кирпич, а мой.

Тогда другой воскликнул:

– Если он твой, возьми его!

Раскаяние волка

Жил когда-то волк; он растерзал множество овец и поверг в смятение и слезы многих людей.

Однажды он вдруг почувствовал угрызения совести и стал раскаиваться в своей жизни. Он решил измениться и более не убивать овец. Чтобы все было по правилам, он отправился к священнику и попросил его отслужить благодарственный молебен. Священник начал службу, а волк стоял и плакал в церкви. Служба была длинная. Волку случилось зарезать много овец и у священника, поэтому священник со всей серьезностью молился о том, чтобы волк изменился. Но вдруг волк выглянул в окошко и увидел, что овец гонят домой. Он начал переминаться с ноги на ногу; а священник всё молится, и молитве не видно конца.

Наконец волк не выдержал и зарычал:

– Кончай, священник! А то всех овец домой загонят, и я останусь без ужина!

Черенок от заступа [7]

Тысячу лет назад в одной русской деревне жил человек. Этот человек с детства не мог двигаться, и потому единственное, что было ему под силу, – лежать на печке. И пролежал он так около тридцати лет. Вероятно, на этой же печи и закончилась бы его жизнь, если бы через деревню не проходил однажды старец. Путник зашел как раз в ту избу, в которой лежал и молил о смерти молодой человек, и попросил воды.

Больной заплакал и сказал, что не в силах помочь, потому что за всю свою жизнь не сделал еще ни одного шага без помощи. Старец спросил: «А давно ли ты пробовал сделать этот шаг?» Оказалось, что очень давно – больной и не помнил даже, сколько лет назад. Тогда старец сказал: «Вот тебе волшебный посох, обопрись на него и сходи за водой».

Больной был словно во сне. Он сполз с печи, обхватил руками посох и… встал! Он заплакал снова, но на этот раз уже от счастья. «Как мне отблагодарить тебя и что за чудесный посох дал ты мне?!» – воскликнул молодой человек. «Этот посох – обычный черенок от заступа, который я подобрал у тебя на крыльце, – отвечал старец. – В нем нет ничего волшебного, как не было на самом деле твоей болезни. Ты смог встать, потому что забыл о своей слабости. А благодарить меня не надо, вместо этого ты найди человека, который так же несчастен, как был совсем недавно несчастен ты сам, и помоги ему!»

Притчи

Прохожий и Брошенный камень

Один успешный молодой человек ехал в машине последней модели и радовался жизни, когда ощутил удар о дверцу своей любимой игрушки. Он тут же затормозил, выскочил из салона и увидел, что брошенный кем-то камень сильно оцарапал его новенькое авто. Не тратя времени, он вскочил в машину и развернул ее на сто восемьдесят градусов, решив вернуться и найти место, откуда был брошен камень. Мужчина был в бешенстве. Снова выскочив из машины, он бросился к мальчику, который оказался виновником происшествия, схватил его за худенькие плечи, толкнул к капоту и заорал:

– Ты что наделал, негодяй? Ты соображаешь, что натворил? Это новая машина, и камень, который ты бросил, очень дорого тебе обойдется! Зачем ты это сделал?

– Пожалуйста, простите, господин! Пожалуйста! Я не знал, что делать! Я бросил камень потому, что никто не останавливался! – Слезы текли по щекам мальчика, он указывал рукой куда-то в сторону.

– Там мой брат! Он выпал из своей инвалидной коляски, а я не могу его поднять… он много весит, я слишком маленький. Я хотел попросить помощи!

Всхлипнув, он спросил у владельца машины:

– Вы не могли бы помочь мне посадить его в коляску? Пожалуйста. Он сильно ударился… Тронутый до глубины души, молодой человек поднял подростка-инвалида с земли, усадил в коляску, вытащил свой шелковый платок и постарался промокнуть ранки и ссадины, отряхнул пыль и, когда убедился, что все более или менее в порядке, посмотрел на мальчишку, поцарапавшего ему машину. Тот благодарно улыбался, в его улыбке было столько нежности и любви, что теплело на сердце.

– Господин! Большое спасибо!

Мужчина видел, как мальчуган, с трудом толкая перед собой коляску, постепенно удалялся по направлению к очень скромному дому.

Владелец новенького авто так и не починил дверцу своей машины, оставив царапину специально, чтобы всегда помнить – нельзя так беспечно нестись по жизни, чтобы другим не пришлось бросать камни, привлекая к себе внимание.

Иногда нам достаточно шепота, чтобы наши сердце и душа отозвались на нужду близких. Но иногда для этого в нас должны попасть камнем. Так стоит ли обижаться, если в тебя попал камень? Может, это значит, что ты просто кому-то нужен?

Перекресток

Прохожий попал на перекресток, где справа было написано: «Хорошая жизнь», слева была надпись: «Плохая жизнь», а прямо перед ним был указатель с надписью: «Путь к Богу». «Ну, к Богу-то я еще всегда успею – сказал прохожий, – а вот пожить хорошо – это как раз для меня!»

Пошел вправо, начал жить честно, по совести, но стало ему скучновато. «Дай, – думает, – попробую, что такое “плохая жизнь”?» Повернул налево, а там разгул: днем и ночью пьянки да танцы – дым столбом! Скоро и эта жизнь стала ему невмоготу. До того измучился, что выскочил оттуда как ошпаренный! Снова попробовал жить хорошо, но опять соскучился. Перешел влево повеселиться, но потерял здоровье и умер.

Монах Симеон Афонский

Жители города

Жил на свете один старый человек. Каждый день он поднимался на вершину холма и задумчиво глядел на расстилающийся внизу городок. Однажды около него остановился путник с узлами за плечами и спросил:

– Что за люди живут в этом городе? Я спрашиваю, потому что ищу, где поселиться.

Старик ответил вопросом:

– А какие люди жили в том городе, откуда вы родом?

– Жалкие негодяи, – сказал путник, – грубияны, жадные, которым ни до кого, кроме самих себя, и дела нет. Зимой снега не выпросишь. Вот поэтому я и решил уйти от них! Но что за люди живут в городке, на который вы смотрите?

Старик ответил:

– Лучше уж вам идти мимо. Люди здесь точно такие же, как и там, откуда вы пришли.

И путник ушел. А старик опять остался один. Случилось, что и на следующий день к нему подошел другой путник с узлами за плечами и спросил то же самое:

– Что за люди живут в этом городе? Я ищу, где поселиться.

И опять старик повторил свой вопрос о том, какие люди живут в том городе, откуда путник родом.

– Горько мне вспоминать об этом – они все были такими честными, храбрыми и заботливыми, благородными и добросердечными, дружными и любящими, готовыми чужому отдать последнюю рубашку.

Услышав такое, старик улыбнулся и сказал:

– Добро пожаловать, в наш город. Уверен, найдете вы здесь точно таких же людей, как в том городе, откуда вы пришли…

Искусство не спорить

Е одном горном селении жил человек, известный тем, что он никогда ни с кем не спорил. И вот приехал к нему корреспондент, чтобы написать о нем в Книге рекордов Гиннесса. И между ними состоялся такой разговор:

– Скажите, а это правда, что вы прожили девяносто с лишним лет и ни разу ни с кем не спорили?

– Да, это правда.

– Ну что, вообще ни с кем, ни с кем?

– Вообще ни с кем, ни с кем!

– И что, даже с собственной женой?

– Даже с женой.

– Даже со своими детьми?

– Даже с детьми.

– И что, за девяносто лет ни единого разочка?

– Ни разу.

– Никогда-никогда ни с кем, ни с кем? – уже накаляясь, продолжал корреспондент.

– Ну да, – спокойно отвечал старик.

Корреспондент (краснея и раздражаясь):

– Да не может этого быть, чтобы вы за всю жизнь ни разу ни с кем не спорили!

– Спорил, спорил, спорил… – примирительно ответил старик.

Притча о работнике

Один работник зашел к барину и говорит:

– Барин! Почему ты мне платишь всего пять копеек, а Ивану всегда пять рублей?

Барин смотрит в окно и говорит:

– Вижу я, кто-то едет. Вроде бы сено мимо нас везут. Выйдика посмотри.

Вышел работник. Зашел снова и говорит:

– Правда, барин. Вроде сено.

– А не знаешь откуда? Может, с Семеновских лугов?

– Не знаю.

– Сходи и узнай.

Пошел работник. Снова входит:

– Барин! Точно, с Семеновских.

– А не знаешь, сено первого или второго укоса?

– Не знаю.

Так сходи узнай!

Вышел работник. Возвращается снова:

– Барин! Первого укоса!

– А не знаешь, почем?

– Не знаю.

– Так сходи узнай.

Сходил. Вернулся и говорит:

– Барин! По пять рублей.

– А дешевле не отдают?

– Не знаю.

В этот момент входит Иван и говорит:

– Барин! Мимо везли сено с Семеновских лугов первого укоса. Просили по пять рублей. Сторговались по три рубля за воз. Я их загнал во двор, и уже разгружают.

Барин обратился к первому работнику и спросил:

– Теперь ты понял, почему тебе платят пять копеек, а Ивану пять рублей?

Притча о неверующем парикмахере

Один парикмахер, подстригая клиента, разговорился с ним о Боге:

– Если Бог существует, откуда столько больных людей? Откуда беспризорные дети и несправедливые войны? Если бы Он действительно существовал, не было бы ни страданий, ни боли. Трудно представить себе любящего Бога, который допускает все это. Поэтому лично я не верю в его существование.

Тогда клиент сказал парикмахеру:

– Знаете, что я скажу? Парикмахеров не существует.

– Как это так? – удивился парикмахер. – Один из них сейчас перед вами.

– Нет! – воскликнул клиент. – Их не существует, иначе не было бы столько заросших и небритых людей, как вон тот человек, который идет по улице.

– Ну, мил человек, дело ж не в парикмахерах! Просто люди сами ко мне не приходят.

– В том-то и дело! – подтвердил клиент. – И я о том же: Бог есть. Просто люди не ищут Его и не приходят к Нему. Вот почему в мире так много боли и страданий.

Старец и юноша

Юноша и Старец беседовали о жизни. В ответ на вопрос посетителя о его здоровье Старец рассказал о своей старости: о болезнях, о старческих немощах и об упадке телесных сил. «Да, отче, мне кажется, что очень печально быть старым!» – пожалел его юноша. И начал рассказывать о своих трудностях: о том, что ему нелегко удерживать себя от дурных поступков, и как часто он теряет голову в различных ситуациях, о разочарованиях и крушениях своих надежд.

– Да, сынок, не менее печально быть молодым…

– Не все так плохо, отче, – тут же возразил молодой человек. – Юность – это постоянное движение, кипение всех сил, жажда многое сделать и возможность многого достичь!

– Если ты, сынок, сумеешь положить доброе начало в юности и станешь обуздывать себя и свои страсти, а все свои силы обратишь к Богу, то в старости придешь в великий и дивный мир души.

– А что такое великий и дивный мир старче?

– Когда все вокруг видишь необыкновенно прекрасным, а людей видишь необыкновенно добрыми, и всех их любишь одной нескончаемой любовью во Христе! – тихо ответил Старец.

– Трудно жить в старости, – согласился юноша, – но я бы хотел иметь такую старость, отче! Я буду стараться!

И юноша с благоговением поцеловал Старцу руку.

Если нет у нас Любви, у нас нет ничего, но если у нас есть Любовь, мы обладаем всем.

Монах Симеон Афонский

Притча о слезах художника

Однажды ученики застали великого художника в слезах. Учитель, почему ты плачешь? – спросили они.

– Я закончил работу, но не вижу в ней никаких изъянов, – ответил тот.

– Это же хорошо! – удивились ученики.

– Если я не вижу недостатков в своей работе, значит, мой талант идет на убыль, – ответил великий художник.

Также и в духовной жизни: если не видишь в себе никаких изъянов – не радоваться надо, а плакать.

Притчи-сказки

Шат и Дон

У старика Ивана было два сына: Шат Иваныч и Дон Иваныч. Шат Иваныч был старший брат; он был сильнее и больше, а Дон Иваныч был меньший и был меньше и слабее. Отец показал каждому дорогу и велел им слушаться. Шат Иваныч не послушался отца и не пошёл по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иваныч слушал отца и шел туда, куда отец приказывал. Зато он прошел всю Россию и стал славен.

В Тульской губернии, в Епифанском уезде, есть деревня Иван-озеро, и в самой деревне есть озеро. Из озера вытекают в разные стороны два ручья. Один ручей так узок, что через него перешагнуть можно. Этот ручей называют Дон. Другой ручеек широкий, и его называют Шат.

Дон идет все прямо, и чем дальше он идет, тем шире становится.

Шат вертится с одной стороны на другую. Дон прошел через всю Россию и впал в Азовское море. В нем много рыбы, и по нем ходят барки и пароходы.

Шат зашатался, не вышел из Тульской губернии и впал в реку Упу.

Л.Н. Толстой

Два брата

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидали – подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли: «Кто найдет этот камень, тот пускай идет прямо в лес на восход солнца. В лесу придет река: пускай плывет через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом, и в доме том найдешь счастие».

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказал:

– Давай пойдем вместе. Может быть, мы переплывем эту реку, донесем медвежат до дому и вместе найдем счастие.

Тогда старший сказал:

– Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает – правда ли написана на этом камне; может быть, все это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана, – пойдем мы в лес, придет ночь, мы не попадем на реку и заблудимся.

Да если и найдем реку, как мы переплывем ее? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывем реку, – разве легкое дело отнять у медведицы медвежат? Она нас задерет, и мы вместо счастия пропадем ни за что.

Четвертое дело: если нам и удастся унести медвежат, – мы не добежим без отдыха в гору.

Главное же дело, не сказано: какое счастие мы найдем в этом доме? Может быть, нас там ждет такое счастие, какого нам вовсе не нужно.

А младший сказал:

– По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И все написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдем, кто-нибудь другой прочтет надпись на камне и найдет счастие, а мы останемся ни при чем. Третье дело: не потрудиться да не поработать, ничто в свете не радует. Четвертое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

Тогда старший сказал:

– И пословица говорит: «Искать большого счастия – малое потерять»; да еще: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки».

А меньшой сказал:

– А я слыхал: «Волков бояться, в лес не ходить»; да еще: «Под лежачий камень вода не потечет». По мне, надо идти.

Меньшой брат пошел, а старший остался.

Как только меньшой брат вошел в лес, он напал на реку, переплыл ее и тут же на берегу увидал медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал до верху, – выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царем.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришел на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошел опять странствовать и пришел к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит:

– Вот и вышла моя правда: я все время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царем, зато много горя видел.

А меньшой сказал:

– Я не тужу, что пошел тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

Л.Н. Толстой

Стихи

Отче наш

Я слышал – в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
«Отец людей, Отец Небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами;
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет воля с нами,
Как в небесах, так на земли.
Насущный хлеб нам ниспошли
Своею щедрою рукою;
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Своих детей;
Не ввергни нас во искушенье,
И от лукавого прельщенья Избави нас!..»
А. С. Пушкин

* * *

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них нам тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без Божества.
А. С. Пушкин

* * *

Встаньте и пойдите
В город Вифлеем;
Души усладите
И скажите всем:
«Спас пришел к народу,
Спас явился в мир!
Слава в вышних Богу,
И на земли мир!
Там, где отдыхает
Бессловесна тварь,
В яслях почивает
Всего мира Царь!»
А.А. Фет

* * *

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних, —
Вот пропели петухи —
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник, —
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ладан.
А.А. Фет

* * *

К Тебе, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести свой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час.
Прими мои теплейшие моленья,

Мой дух от бед и зол избавь,
Пролей мне в сердце умиленье,
На путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть,
Будь мне покров во горькой доле,
Не дай в печали умереть.
Ты всех прибежище несчастных,
За всех молитвенница нас;
О, защити, когда ужасный
Услышим судный Божий глас.
Когда закроет вечность время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.
Покров Ты верным и ограда;
К Тебе молюся всей душой:
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!
Н.В. Гоголь

* * *

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.
Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.
Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.
Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,

Поклониться любви и кресту.
Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.
С.А. Есенин

Молитва странника

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.
Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.
М.Ю. Лермонтов

Пророк

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья, —
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.
Завет Предвечнаго храня,
Мне тварь покорна там земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда ж чрез шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите, вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами;
Глупец – хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»
М. Ю. Лермонтов

* * *

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печали изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог…
А. Н. Майков

В дни поста

Во дни поста, дни покаянья,
Рой грешных помыслов оставь;
Страшися, грешник, воздаянья;
Свой ум ко Господу направь.
Приди во храм не с гордым оком,
Как фарисей не лицемерь;
В уничижении глубоком
Стучись в помилованья дверь.
Как древний мытарь со смиреньем —
Поникнув головой склонись;
С чистосердечным сокрушеньем
«Помилуй, Господи!» – молись…
Проливши слезы умиленья,
Да будет от греха чиста
Твоя душа, – чужда сомненья,
Принять достойная Христа.
Ф.И. Тютчев

Подражание псалму (Псалом 1)

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен Божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.
Ему не нужен пир разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.
Блажен!.. Как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит, – и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,
И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем!
Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый…
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет,
Он на суде не устоит,
Зане Господь не лестно судит
И беззаконного казнит.
Н.М. Языков

Любил я в детстве

Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернею порой
Его, сияющим огнями,
Перед молящейся толпой.
Любил я всенощное бденье,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смиренье
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой,
Я приносил туда с собой
В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел
О «Свете Тихом», – в умиленьи
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел…
Прошли года, прошли надежды,
Переменилися мечты.
В душе уж нет теперь, как прежде,
Такой сердечной теплоты.
Но те святые впечатленья
Над сердцем властны и теперь,
И я без слез, без раздраженья
Переживаю дни сомненья,
Дни оскорблений и потерь.
И. А. Бунин

Божий дар

Крошку-ангела в сочельник
Бог на землю посылал:
«Как пойдешь ты через ельник, —
Он с улыбкою сказал, —
Елку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».
И смутился ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», – Бог ответил.
И небесный гость пошел.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вел.
Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждет…
Вскинув елочку на плечи,
Ангел с радостью идет…
Загляните в окна сами, —
Там большое торжество!
Елки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.
И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Елку Божью подарить.
И прекрасных и послушных
Много видел он детей. —
Все при виде божьей елки,
Всё забыв, тянулись к ней.
Кто кричит: «Я елки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»
«Нет, я елочки достойна
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.

Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел… «Боже мой!
Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»
И на улице встречает
Ангел крошку, – он стоит,
Елку Божью озирает, —
И восторгом взор горит.
Елка! Елочка! – захлопал
Он в ладоши. —
Жаль, что я Этой елки не достоин
И она не для меня…
Но снеси ее сестренке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, —
Стоит елочки она!
Пусть не плачется напрасно!»
Мальчик ангелу шепнул.
И с улыбкой ангел ясный
Елку крошке протянул.
И тогда каким-то чудом
С неба звезды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветви елочки впились.
Елка искрится и блещет, —
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет
Изумленный мальчуган…
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слез,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принес.
Ф.М. Достоевский

Добрые сказки, рассказы

Спешите делать добро

Многие многого ищут в этой земной и скоротечной жизни. Одних манит слава и человеческое признание, других – деньги и власть над людьми, третьи упоены собственной телесной красотой и питают ею ненасытимую гордость своего сердца. Но хотим мы этого или нет, дни земной жизни очень скоро иссякнут, словно вода, пробежавшая меж пальцев. Как исчезает воспоминание о стаявшем снеге и как не задерживается в ушах шум опавших листьев, унесенных осенним ветром, так душа, приближающаяся к исходу, не найдет ни опоры, ни утешенья в том, что было и что прошло. Страшно, други мои, предстать пред лицем Вечности с пустотой в сердце, когда все земные приманки и удовольствия окажутся зияющей темной ямой, влекущей в свои бездонные недра душу, подавившую в себе при жизни на земле жажду правды и голос святого состраданья! За что зацепиться тогда, где найти точку опоры? «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

Дела любви, свершаемые во имя Господа Иисуса Христа, и составляют подлинную пищу души, уже здесь, прежде кончины, даруя ей благодать Божию. Когда мы будем умирать, единственно о чем пожалеем, так это о том, что мало любили, не были столь щедры на милость, как подсказывала нам совесть. Посему, дорогие, у нас просто нет времени искушаться гордыней или унынием! Сейчас осталось время только на молитву и дела Христова милосердия.

Не будем мечтать о том, чего нет, но возблагодарим Господа за то, что есть у нас. А имеется немало: нам даровано Богом умножать в этом мире любовь, черпая силы у Источника любви – Христа Спасителя. И не о великих делах подобает думать, а о самых маленьких и, с первого взгляда, незначительных. Единая улыбка, добрый приветливый взор, малое слово ободрения и утешения – уже дело пред Господом! Удержись от раздражения, побори леность, послужи близкому человеку, не ответь холодным отказом на его просьбу, но исполни ее, сказав в ответ на благодарность: «Слава Богу». Здание спасения души строится из маленьких кирпичиков делания добра во имя Христа. Что для цветка солнечный свет, а для рыбы – вода, то для нас сострадание и дела милости. У англичан есть такая пословица: «Charity begins at home». По-русски: «Милосердие начинается дома». Иногда мы ищем добрых дел на стороне, проявляем сердечность и участливость к тем, кого видим в первый раз. И это неплохо. Но

лакмусовой бумажкой, по которой можно тотчас определить качественность свершаемого добра, служит наше отношение к домашним. Как трудно, оказывается, постоянно творить добро тем, кто живет с нами бок о бок!

Научись жить дома так, чтобы ни у кого из домашних не возникало ни огорчения, ни обиды на тебя. Вот это добро! Будь для них как мягкий воск, на котором отпечатлеваются все их разумные веления, просьбы и желания. Вот это добро! Будь как солнышко, чтобы каждого согреть, умягчить, ободрить, окрылить. Вот это добро! Почувствовав вкус к свершению маленького добра, мы мало-помалу начнем забывать о своем плохом настроении, о личных нестроениях, станем проще и чище, спокойнее и радостнее. И быть может, тогда Господь укажет нам поприще, подвизаясь на котором, мы сподобимся полноты вселения в нас истинного Солнца правды и любви, Христа.

«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам…Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим». Пока час еще не пробил, время отпущено, произволение не связано, поле деятельности перед нами, помощь свыше готова – поспешим к поприщу покаяния и деланию добра. Нынешний день дарован нам. Будет ли завтрашний? Об этом знает только Бог.

Священник Артемий Владимиров.

Из книги «Учебник жизни»

Пословицы и поговорки о добре

Делай другим добро – будешь сам без беды.

…

Делая зло, на добро не надейся.

…

Добра не смыслишь, так худа не делай.

…

Умный от зла бежит, а глупый его догоняет.

…

Кто, сделав добро, попрекает, тот цену ему умаляет.

…

Учись доброму – худое на ум не пойдет.

Родина

Вслушайтесь в само слово «Родина». Что оно скажет вам? Родина-мать – это земля, породившая и взрастившая нас; Родина – это земля моей семьи, моих родных, моих родичей, моих предков, из поколение в поколение с любовью, самоотвержением, а главное, верой трудившихся и молившихся на ней. Родина… Когда размышляешь о России и хочешь в нескольких словах сказать о ней, как она прекрасна, то лучше всего было бы взять в руки кисть художника и вместо слов использовать краски, а вместо листа бумаги – холст. По крайней мере, каждый из нас мысленно может написать картину, подобную саврасовской «Грачи прилетели», «Вечернему звону» Левитана или «Безмолвию» Нестерова. Россия, Родина, Русь – это бескрайние поля, волнами уходящие к горизонту, и белеющие березы, которые радуют взор своей зеленой листвой; и конечно же высокая церковь с голубыми, как небо, куполами, золотые кресты которых будто расплавлены в лучах заходящего солнца. Вы не встретите в средней полосе России буйства красок и причудливости форм, свойственных флоре и фауне тропического климата. Здесь все умеренно, все наводит на мысль о смирении. «…Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем», – учит нас Христос.

Не может быть любви к Родине без знания ее истории, преданий заветной старины. А особенность нашей истории, исторической поступи Руси из глубины столетий ко второму пришествию Христа Спасителя и Его Суду – в служении Православной вере и Церкви Христовой, главное дело которой на земле – спасение человеческих душ.

Ради этой великой цели Господь внушил великому князю Владимиру принять Святое крещение, а его потомкам – собирать земли вокруг Московского княжества. Ради распространения света Евангелия Спаситель умножал число преподобных иноков, многие из которых прославили Господа апостольской проповедью в неведомых землях севера и востока будущей Российской империи. Тот, кто любит свою Родину, не может не вспоминать с благодарностью о благоверных князьях и княгинях, благочестивых царях и царицах, принявших от самого Господа Бога бремя власти и ответственности за страну и верноподданных. Среди них и великий князь Михаил Черниговский, пошедший на мученичество Христа ради в далекую и страшную Орду, и кроткий самодержец Государь Николай II, убиенный за Родину и молившийся за своих палачей.

Любовь к великой Отчизне влечет нас преклониться пред

боевой славой русского народа, который на всем протяжении своей многострадальной истории нес знамя миротворца и защитника, жертвенно полагавшего жизнь за други своя. Так было в XIV столетии у реки Непрядвы на поле Куликовом. Так было в XX веке в боях на Курской дуге, под Сталинградом и при взятии Берлина. Вечная память детям России и воинству ее от благодарной Родины и потомков!

Родина – это и наши монастыри, от самых древних, наподобие Киево-Печерской лавры, и до Серафимо-Дивеевской обители, будущность которой сопряжена с победой Православия над всемирным беззаконием и отступлением от Бога в лице антихриста. Читатель! Подумай только: на земле, где ты живешь, обретаются три (из четырех) удела Пресвятой Богородицы, Царицы Небесной! Помимо Клево-Печерской и Серафимо-Дивеевской обителей в эти уделы еще входят: Иверская гора в Сухуми и Афон – знаменитый полуостров в Греции, куда не ступает нога женщины, место, которым правит невидимо Сама Божия Матерь. И если ты не бывал в действующем монастыре, наподобие Валаама или Соловков, то образ Родины еще не полон в душе твоей. Но когда ты увидишь монастырские стены из огромных валунов, над которыми, кажется, самое время не властно, когда услышишь тихое монашеское пение, когда вкусишь сладкого монастырского хлеба и почувствуешь приятное утомление от разделенных с братией трудов и «послушаний» – вот тогда ты поймешь и уразумеешь, каким сокровищем обладает русский православный человек. Сокровищем, в сиянии которого меркнут и красоты Парижа с Эйфелевой башней, и все блага технического прогресса, мчащиеся, шумящие, фосфоресцирующие где-нибудь в районе Манхэттен города Нью-Йорка.

Итак, Родина – это земля, осоленная потами преподобных отцов и подвижников, омытая кровью мучеников и новомучеников за Христа, исповедников Российских, орошенная слезами русских жен и матерей, провожавших мужей и сыновей своих на смертельную брань с врагами Отечества. Благоговей пред этой землей, русский человек, и служи этой земле всеми силами души твоей, чтобы тебя приняло Небо, то духовное Отечество, к которому всегда стремилась Святая Русь в лице лучших сынов своих.

Священник Артемий Владимиров.

Из книги «Учебник жизни»

Стыдно перед соловушкой

Оля и Лида пошли в лес. Они устали и сели на траву отдохнуть и пообедать.

Вынули из сумки хлеб, масло, яйца. Когда девочки поели, недалеко от них запел соловей. Очарованные прекрасной песней, Оля и Лида сидели, боясь пошевельнуться. Соловей перестал петь. Лида собрала остатки своей еды и хлебные крошки и положила в сумку.

– Зачем ты берешь с собой этот мусор? – сказала Оля. – Брось в кусты. Ведь мы в лесу. Никто не увидит.

– Стыдно… перед соловушкой, – тихо ответила Лида.

В.А. Сухомлинский

* * *

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
А.С. Пушкин

* * *

Святая родина! святая!
Иначе как ее назвать!
Ту землю милую, родную,
Где мы родились, росли
И в колыбели полюбили
Родные песни старины.
Т. Г. Шевченко

Нам дороги родители, дороги дети, близкие, родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове «отчизна».

Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, – если он может принести этим ей пользу?

Цицерон

Мама

Именно это слово первым произносят младенческие уста. И немудрено. Ведь мать составляет с ребенком единый организм – не из рук, а от груди материнской мы питаемся первые месяцы нашей жизни, находясь в полной зависимости от родившей нас. Какими бы взрослыми, сильными, умными, красивыми мы ни стали, как бы далеко жизнь ни увела нас от родительского крова, мама всегда останется для нас мамой, а мы – ее детьми… Чем же мы можем отплатить, воздать маме за ее любовь, пронесенную словно горящая свеча чрез все годы ее жизни? Эта любовь оберегала и сохраняла нас, когда мы были беззащитны и беспомощны; эта любовь обнадеживала и укрепляла нас, когда жизнь заходила в тупик и, казалось, уже не было выхода из запутанных обстоятельств. Чем воздадим матери за бессонные ночи, проведенные около нашей кроватки, в борьбе с недугами и хворями, которые столь часто выпадают на долю детей? Кто из нас по достоинству может оценить ежедневный, кропотливый, продолжающийся из года в год, а вместе и столь незаметный труд матери по дому, по хозяйству? И все ради нашей пользы и нашего блага – лишь бы дети были сыты, чисты и опрятны, лишь бы их детство осталось самой счастливой порой жизни. А ведь многие матери при этом были поставлены в необходимость работать в течение почти всей недели – значит, и вставали намного раньше нас, и ложились позже, и при этом все успевали – и завтрак собрать, и постирать, и приготовить нам чистую одежку, дабы никто не назвал сына или дочку неряхой и замарашкой. Чем же, повторю, воздадим этому бесконечно родному и близкому существу, которое мог нам даровать только Бог и которое мы именуем мамой?.. Воздать маме мы не сможем достойно ничем, только благодарностью – никогда не оскудевающей, но возрастающей. Благодарностью, явленной и в словах, и делах, и молитвах. Именно об этом и говорит Господь в Своей библейской заповеди: «Чти отца и матерь твою, да благо тебе будет и да долголетен будешь на земле». К сожалению, наши дети ныне так увлечены всевозможными играми, да еще к тому же и компьютерными, что у них все меньше и меньше времени остается на маму.

Ах, как жаль, что дети в наше время почти разучились обращаться к маме с различными ласковыми наименованиями. Не обнимут, не поцелуют, не скажут с любовью: «Мамочка моя хорошая, дорогая…» А подойдут и лишь крякнут отрывисто: «Мам, есть есть?» – предоставляя ей расшифровывать это

своеобразное вопрошение. Знайте, друзья, для того Бог так украсил этот мир, чтобы мы черпали из созерцания его красоты теплые обращения к маме.

Чем немощнее с годами будет становиться мама, тем большее внимание и попечение нам должно проявлять по отношению к ней. Для того она лелеяла и растила нас, чтобы в какой-то день ее немощь восполнилась нашей силой, ее болезнь – нашим здоровьем, ее скудость – нашим изобилием. Деятельная любовь к матери никого никогда не унизила, даже самых великих людей, напротив, сделала их еще более благородными и достойными уважения. Пренебречь родителями, оставить их без попечения – то же самое, что зачеркнуть все доброе, когда бы то нами сделанное, и отречься от Бога, а хуже этого ничего нет.

Не следует думать, что любовь требует свершения непременно великих дел. Нет, «с ручейка начинается река». Основание сыновней любви – всегдашнее памятование о родителях. Нося в сердце имя матери, мы не сможем не молиться о ней. Молитва о родившей нас, постоянная, глубокая, искренняя – еще одна добродетель, которую нам надлежит положить к натруженным стопам матери. Человек, молящийся о ближнем, всегда ищет для него доброго слова. И если до конца маминой жизни мы остаемся с ней друзьями, наше сердце открыто ее заботливому и теплому взору, мы стремимся поделиться с ней всем, что наполняет душу, а родительский совет, осторожный и мудрый, бывает для нас руководством к действию – то и мама, и дети удостоятся от Бога венца любви. Этот венец составлен из драгоценных камней: рубина сострадания, изумруда радости, сапфира чистоты и нежности, жемчуга домашней тихой молитвы.

Священник Артемий Владимиров.

Из книги «Учебник жизни»

Пословицы и поговорки о родителях

Без матери и солнце не греет.

…

Родителей не только уважай, а и помогай им.

…

Коли есть отец и мать, так ребенку благодать.

…

Кто матери не послушает, в беду попадет.

…

Кто родителей почитает, тому Бог помогает.

…

Кто родителей почитает, тот век счастливым живет.

…

Нет такого дружка, как родимая матушка.

…

Отца с матерью не почитаешь, никого не уважаешь.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сказка про храброго зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост

Родился зайчик в лесу и все боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега, – у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

– Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и все тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, – слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

– Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

– И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

– Да что тут долго говорить! – кричал расхрабрившийся окончательно Заяц. – Ежели мне попадется волк, так я его сам съем…

– Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк – тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» – как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают.

Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» – подумал серый Волк

и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

– Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня! Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я… я… я…

Тут язык у хвастуна точно примерз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный…

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать кто похрабрее.

– А ловко напугал Волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми… Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

– Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

– А вы бы как думали! Эх вы, трусы…

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что действительно никого не боится.

Баю-баю-баю…

Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и мохнатого Мишу – короткий хвост

I

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

– Ой, батюшки!., ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

– Что случилось?.. Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат – ничего разобрать нельзя.

– Ой, батюшки!.. Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил…

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

– Эй вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя… Очень просто! А вы орете только напрасно…

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да еще спит так сладко!

– Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

– Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться.

Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

– Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

– Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

– Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю… Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок,

закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

II

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

– Ловко я напугал мохнатого Мишку!.. В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

– Ну, а сейчас-то медведь где?

– А не знаю, братцы… Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю… Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума.

Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

– Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше… Еще отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится – сам уйдет, но на нее все так накинулись, что, бедная, едва успела спрятаться.

– Идем, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем… да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

– Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище…

– Да он спит, братцы, – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

– Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. – Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чем не бывало…

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

– Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу… Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в черный медвежий нос, Миша так и вскочил – хвать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

– Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. –

Уходи, а то хуже будет… Я теперь не один Комар Комарович – длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Комарище – длинный носище, и младший брат, Комаришко – длинный носишко! Уходи, дядя…

– А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю…

– Ой, дядя, напрасно хвастаешь…

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьется над самым медвежьим ухом и пищит:

– Я тебя съем, дядя…

III

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров.

Так и ломит со всего плеча… Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, – все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в комаров – опять толку нет.

– Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя все-таки съем…

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Все ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, – ведь вот тут, над самым ухом вьется, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже – комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

– Постойте, вот я вам задам!.. – ревел он так, что за пять верст было слышно. – Я вам покажу штуку… я… я… я…

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

– Ну-ка, подступитесь теперь ко мне… Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут… Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвется с сука, точно мешок… Однако

поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

– Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

– Я тебя съем… я тебя съем… съем… съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

– Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

– И то не стоит, – обрадовался медведь. – Я это так… Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я… я…

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

– Ой, братцы, держите! Убежит медведь… Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит!

Пусть его уходит – ведь болото-то осталось за нами!»

Ванькины именины

I

Бей, барабан, та-та! тра-та-та! Играйте, трубы: тру-ту! ту-ру-ру!..

Давайте сюда всю музыку – сегодня Ванька именинник!.. Дорогие гости, милости просим… Эй, все собирайтесь сюда! Тра-та-та! Тру-ру-ру!

Ванька похаживает в красной рубахе и приговаривает:

– Братцы, милости просим… Угощенья – сколько угодно. Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку; пирожки из разноцветных бумажек; а какой чай! Из самой хорошей кипяченой воды. Милости просим… Музыка, играй!..

Та-та! Тра-та-та! Тру-ту! Ту-ру-ру!

Гостей набралось полная комната. Первым прилетел пузатый деревянный Волчок.

– Жж… жж… где именинник? Жж… жж… Я очень люблю повеселиться в хорошей компании…

Пришли две куклы. Одна – с голубыми глазами, Аня, у нее немного был попорчен носик; другая – с черными глазами, Катя, у нее недоставало одной руки. Они пришли чинно и заняли место на игрушечном диванчике.

– Посмотрим, какое угощенье у Ваньки, – заметила Аня. – Что-то уж очень хвастает. Музыка недурна, а относительно угощенья я сильно сомневаюсь.

– Ты, Аня, вечно чем-нибудь недовольна, – укорила ее Катя.

– А ты вечно готова спорить.

Куклы немного поспорили и даже готовы были поссориться, но в этот момент приковылял на одной ноге сильно поддержанный Клоун и сейчас же их примирил.

– Все будет отлично, барышня! Отлично повеселимся. Конечно, у меня одной ноги недостает, но ведь Волчок и на одной ноге вон как кружится. Здравствуй, Волчок…

– Жж… Здравствуй! Отчего это у тебя один глаз как будто подбит?

– Пустяки… Это я свалился с дивана. Бывает и хуже.

– Ох, как скверно бывает… Я иногда со всего разбега так стукнусь в стену, прямо головой!..

– Хорошо, что голова-то у тебя пустая…

– Все-таки больно… жж… Попробуй-ка сам, так узнаешь.

Клоун только защелкал своими медными тарелками. Он вообще был легкомысленный мужчина.

Пришел Петрушка и привел с собой целую кучу гостей: собственную жену, Матрену Ивановну, немца-доктора Карла Иваныча и большеносого Цыгана; а Цыган притащил с собой трехногую лошадь.

– Ну, Ванька, принимай гостей! – весело заговорил Петрушка, щелкая себя по носу. – Один другого лучше. Одна моя Матрена Ивановна чего стоит… Очень она любит у меня чай пить, точно утка.

– Найдем и чай, Петр Иваныч, – ответил Ванька. – А мы хорошим гостям всегда рады… Садитесь, Матрена Ивановна! Карл Иваныч, милости просим…

Пришли еще Медведь с Зайцем, серенький бабушкин Козлик с Уточкой-хохлаткой, Петушок с Волком – всем место нашлось у Ваньки.

Последними пришли Аленушкин Башмачок и Аленушкина Метелочка. Посмотрели они – все места заняты, а Метелочка сказала:

– Ничего, я и в уголке постою…

А Башмачок ничего не сказал и молча залез под диван. Это был очень почтенный Башмачок, хотя и стоптанный. Его немного смущала только дырочка, которая была на самом носике. Ну, да ничего, под диваном никто не заметит.

– Эй, музыка! – скомандовал Ванька.

Забил барабан: тра-та! та-та! Заиграли трубы: тру-ту! И всем гостям вдруг сделалось так весело, так весело…

II

Праздник начался отлично. Бил барабан сам собой, играли

сами трубы, жужжал Волчок, звенел своими тарелочками Клоун, а Петрушка неистово пищал. Ах, как было весело!..

– Братцы, гуляй! – покрикивал Ванька, разглаживая свои льняные кудри.

Аня и Катя смеялись тонкими голосками, неуклюжий Медведь танцевал с Метелочкой, серенький Козлик гулял с Уточкой-хохлаткой, Клоун кувыркался, показывая свое искусство, а доктор Карл Иваныч спрашивал Матрену Ивановну:

– Матрена Ивановна, не болит ли у вас животик?

– Что вы, Карл Иваныч? – обижалась Матрена Ивановна. – С чего вы это взяли?..

– А ну, покажите язык.

– Отстаньте, пожалуйста…

– Я здесь… – прозвенела тонким голоском серебряная Ложечка, которой Аленушка ела свою кашку.

Она лежала до сих пор спокойно на столе, а когда доктор заговорил о языке, не утерпела и соскочила. Ведь доктор всегда при ее помощи осматривает у Аленушки язычок…

– Ах, нет… не нужно! – запищала Матрена Ивановна и так смешно размахивала руками, точно ветряная мельница.

– Что же, я не навязываюсь со своими услугами, – обиделась Ложечка.

Она даже хотела рассердиться, но в это время к ней подлетел Волчок, и они принялись танцевать. Волчок жужжал, Ложечка звенела… Даже Аленушкин Башмачок не утерпел, вылез из-под дивана и шепнул Метелочке:

– Я вас очень люблю, Метелочка…

Метелочка сладко закрыла глазки и только вздохнула. Она любила, чтобы ее любили.

Ведь она всегда была такой скромной Метелочкой и никогда не важничала, как это случалось иногда с другими. Например, Матрена Ивановна или Аня и Катя, – эти милые куклы любили посмеяться над чужими недостатками: у Клоуна не хватало одной ноги, у Петрушки был длинный нос, у Карла Иваныча – лысина, Цыган походил на головешку, а всего больше доставалось имениннику Ваньке.

– Он мужиковат немного, – говорила Катя.

– И, кроме того, хвастун, – прибавила Аня.

Повеселившись, все уселись за стол, и начался уже настоящий пир. Обед прошел, как на настоящих именинах, хотя дело и не обошлось без маленьких недоразумений. Медведь по ошибке чуть не съел Зайчика вместо котлетки; Волчок чуть не подрался с Цыганом из-за Ложечки – последний хотел ее украсть и уже спрятал было к себе в карман. Петр Иваныч, известный

забияка, успел поссориться с женой, и поссорился из-за пустяков.

– Матрена Ивановна, успокойтесь, – уговаривал ее Карл Иваныч. – Ведь Петр Иваныч добрый… У вас, может быть, болит головка? У меня есть с собой отличные порошки…

– Оставьте ее, доктор, – говорил Петрушка. – Это уж такая невозможная женщина… А впрочем, я ее очень люблю. Матрена Ивановна, поцелуемтесь…

– Ура! – кричал Ванька. – Это гораздо лучше, чем ссориться. Терпеть не могу, когда люди ссорятся. Вон посмотрите…

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное и такое ужасное, что даже страшно сказать.

Бил барабан: тра-та! та-та-та! Играли трубы: тру-ру! ру-ру-ру! Звенели тарелочки Клоуна, серебряным голоском смеялась Ложечка, жужжал Волчок, а развеселившийся Зайчик кричал: бо-бо-бо!.. Фарфоровая Собачка громко лаяла, резиновая Кошечка ласково мяукала, а Медведь так притопывал ногой, что дрожал пол. Веселее всех оказался серенький бабушкин Козлик. Он, во-первых, танцевал лучше всех, а потом так смешно потряхивал своей бородой и скрипучим голосом ревел: мее-ке-ке!..

III

Позвольте, как все это случилось? Очень трудно рассказать все по порядку, потому что из участников происшествия помнил все дело только один Аленушкин Башмачок. Он был благоразумен и вовремя успел спрятаться под диван.

Да, так вот как было дело. Сначала пришли поздравить Ваньку деревянные кубики… Нет, опять не так. Началось совсем не с этого. Кубики действительно пришли, но всему виной была черноглазая Катя. Она, она, верно!.. Эта хорошенькая плутовка еще в конце обеда шепнула Ане:

– А как ты думаешь, Аня, кто здесь всех красивее.

Кажется, вопрос самый простой, а между тем Матрена Ивановна страшно обиделась и заявила Кате прямо:

– Что же вы думаете, что мой Петр Иваныч урод?

– Никто этого не думает, Матрена Ивановна, – попробовала оправдываться Катя, но было уже поздно.

– Конечно, нос у него немного велик, – продолжала Матрена Ивановна. – Но ведь это заметно, если только смотреть на Петра Иваныча сбоку… Потом, у него дурная привычка страшно пищать и со всеми драться, но он все-таки добрый человек. А что касается ума…

Куклы заспорили с таким азартом, что обратили на себя общее внимание. Вмешался прежде всего, конечно, Петрушка и пропищал:

– Верно, Матрена Ивановна… Самый красивый человек здесь,

конечно, я!

Тут уже все мужчины обиделись. Помилуйте, этакий самохвал этот Петрушка! Даже слушать противно! Клоун был не мастер говорить и обиделся молча, а зато доктор Карл Иванович сказал очень громко:

– Значит, мы все уроды? Поздравляю, господа…

Разом поднялся гвалт. Кричал что-то по-своему Цыган, рычал Медведь, выл Волк, кричал серенький Козлик, жужжал Волчок – одним словом, все обиделись окончательно.

– Господа, перестаньте! – уговаривал всех Ванька. – Не обращайте внимания на Петра Иваныча… Он просто пошутил.

Но все было напрасно. Волновался главным образом Карл Иваныч. Он даже стучал кулаком по столу и кричал:

– Господа, хорошо угощенье, нечего сказать!.. Нас и в гости пригласили только затем, чтобы назвать уродами…

– Милостивые государыни и милостивые государи! – старался перекричать всех Ванька. – Если уж на то пошло, господа, так здесь всего один урод – это я… Теперь вы довольны?

Потом… Позвольте, как это случилось? Да, да, вот как было дело. Карл Иваныч разгорячился окончательно и начал подступать к Петру Иванычу. Он погрозил ему пальцем и повторял:

– Если бы я не был образованным человеком и если бы я не умел себя держать прилично в порядочном обществе, я сказал бы вам, Петр Иваныч, что вы даже весьма дурак…

Зная драчливый характер Петрушки, Ванька хотел встать между ним и доктором, но по дороге задел кулаком по длинному носу Петрушки. Петрушке показалось, что его ударил не Ванька, а доктор… Что тут началось!.. Петрушка вцепился в доктора; сидевший в стороне Цыган ни с того ни с сего начал колотить Клоуна, Медведь с рычанием бросился на Волка, Волчок бил своей пустой головой Козлика – одним словом, вышел настоящий скандал. Куклы пищали тонкими голосами, и все три со страху упали в обморок.

– Ах, мне дурно!.. – кричала Матрена Ивановна, падая с дивана.

– Господа, что же это такое? – орал Ванька. – Господа, ведь я именинник… Господа, это, наконец, невежливо!..

Произошла настоящая свалка, так что было уже трудно разобрать, кто кого колотит. Ванька напрасно старался разнимать дравшихся и кончил тем, что сам принялся колотить всех, кто подвертывался ему под руку, и так как он был всех сильнее, то гостям пришлось плохо.

– Карраул!!. Батюшки… ой, карраул! – орал сильнее всех

Петрушка, стараясь ударить доктора побольнее… – Убили Петрушку до смерти… Карраул!..

От свалки ушел один Башмачок, вовремя успевший спрятаться под диван. Он со страху даже глаза закрыл, а в это время за него спрятался Зайчик, тоже искавший спасения в бегстве.

– Ты это куда лезешь? – заворчал Башмачок.

– Молчи, а то еще услышат, и обоим достанется, – уговаривал Зайчик, выглядывая косым глазом из дырочки в носке. – Ах, какой разбойник этот Петрушка!.. Всех колотит и сам же орет благим матом. Хорош гость, нечего сказать… А я едва убежал от Волка, ах! Даже вспомнить страшно… А вон Уточка лежит кверху ножками. Убили, бедную…

– Ах, какой ты глупый, Зайчик: все куклы лежат в обмороке, ну и Уточка вместе с другими.

Дрались, дрались, долго дрались, пока Ванька не выгнал всех гостей, исключая кукол. Матрене Ивановне давно уже надоело лежать в обмороке, она открыла один глаз и спросила:

– Господа, где я? Доктор, посмотрите, жива ли я?..

Ей никто не отвечал, и Матрена Ивановна открыла другой глаз. В комнате было пусто, а Ванька стоял посредине и с удивлением оглядывался кругом. Очнулись Аня и Катя и тоже удивились.

– Здесь было что-то ужасное, – говорила Катя. – Хорош именинник, нечего сказать!

Куклы разом накинулись на Ваньку, который решительно не знал, что ему отвечать. И его кто-то бил, и он кого-то бил, а за что про что – неизвестно.

– Решительно не знаю, как все это вышло, – говорил он, разводя руками. – Главное, что обидно: ведь я их всех люблю… решительно всех.

– А мы знаем как, – отозвались из-под дивана Башмачок и Зайчик. – Мы все видели!..

– Да это вы виноваты! – накинулась на них Матрена Ивановна. – Конечно, вы… Заварили кашу, а сами спрятались.

– Они, они!.. – закричали в один голос Аня и Катя.

– Ага, вон в чем дело! – обрадовался Ванька. – Убирайтесь вон, разбойники… Вы ходите по гостям только ссорить добрых людей.

Башмачок и Зайчик едва успели выскочить в окно.

– Вот я вас… – грозила им вслед кулаком Матрена Ивановна. – Ах, какие бывают на свете дрянные люди! Вот и Уточка скажет то же самое.

– Да, да… – подтвердила Уточка. – Я своими глазами видела,

как они спрятались под диван.

Уточка всегда и со всеми соглашалась.

– Нужно вернуть гостей… – продолжала Катя. – Мы еще повеселимся…

Гости вернулись охотно. У кого был подбит глаз, кто прихрамывал; у Петрушки всего сильнее пострадал его длинный нос.

– Ах, разбойники! – повторяли все в один голос, браня Зайчика и Башмачок. – Кто бы мог подумать?..

– Ах, как я устал! Все руки отколотил, – жаловался Ванька. – Ну, да что поминать старое… Я не злопамятен. Эй, музыка!..

Опять забил барабан: тра-та! та-та-та! Заиграли трубы: тру-ту! ру-ру-ру!.. А Петрушка неистово кричал:

– Ура, Ванька!..

Умнее всех

Сказка

I

Индюк проснулся, по обыкновению, раньше других, когда еще было темно, разбудил жену и проговорил:

– Ведь я умнее всех? Да?

Индюшка спросонья долго кашляла и потом уже ответила:

– Ах, какой умный… Кхе-кхе!.. Кто же этого не знает? Кхе…

– Нет, ты говори прямо: умнее всех? Просто умных птиц достаточно, а умнее всех – одна, это я.

– Умнее всех… кхе! Всех умнее… Кхе-кхе-кхе!..

– То-то.

Индюк даже немного рассердился и прибавил таким тоном, чтобы слышали другие птицы:

– Знаешь, мне кажется, что меня мало уважают. Да, совсем мало.

– Нет, это тебе так кажется… Кхе-кхе! – успокаивала его Индюшка, начиная поправлять сбившиеся за ночь перышки. – Да, просто кажется… Птицы умнее тебя и не придумать. Кхе-кхе-кхе!

– А Гусак? О, я все понимаю… Положим, он прямо ничего не говорит, а больше все молчит. Но я чувствую, что он молча меня не уважает…

– А ты не обращай на него внимания. Не стоит… кхе! Ведь ты заметил, что Гусак глуповат?

– Кто же этого не видит? У него на лице написано: глупый гусак, и больше ничего. Да… Но Гусак еще ничего, – разве можно сердиться на глупую птицу? А вот Петух, простой самый петух… Что он кричал про меня третьего дня? И еще как кричал – все соседи слышали. Он, кажется, назвал меня даже очень глупым… Что-то в этом роде вообще.

– Ах, какой ты странный! – удивлялась Индюшка. – Разве ты не знаешь, отчего он вообще кричит?

– Ну, отчего?

– Кхе-кхе-кхе… Очень просто, и всем известно. Ты – петух, и он – петух, только он совсем-совсем простой петух, самый обыкновенный петух, а ты – настоящий индейский, заморский петух, – вот он и кричит от зависти. Каждой птице хочется быть индейским петухом… Кхе-кхе-кхе!..

– Ну, это трудненько, матушка… Ха-ха! Ишь чего захотели! Какой-нибудь простой петушишка – и вдруг хочет сделаться индейским, – нет, брат, шалишь!.. Никогда ему не бывать индейским.

Индюшка была такая скромная и добрая птица и постоянно огорчалась, что Индюк вечно с кем-нибудь ссорился. Вот и сегодня – не успел проснуться, а уж придумывает, с кем бы затеять ссору или даже и драку. Вообще самая беспокойная птица, хотя и не злая. Индюшке делалось немного обидно, когда другие птицы начинали подсмеиваться над Индюком и называли его болтуном, пустомелей и ломакой. Положим, отчасти они были и правы, но найдите птицу без недостатков? Вот то-то и есть! Таких птиц не бывает, и даже как-то приятнее, когда отыщешь в другой птице хотя самый маленький недостаток.

Проснувшиеся птицы высыпали из курятника на двор, и сразу поднялся отчаянный гвалт. Особенно шумели куры. Они бегали по двору, лезли к кухонному окну и неистово кричали:

– Ах-куда! Ах-куда-куда-куда… Мы есть хотим! Кухарка Матрена, должно быть, умерла и хочет уморить нас с голоду…

– Господа, имейте терпение, – заметил стоявший на одной ноге Гусак. – Смотрите на меня: я ведь тоже есть хочу, а не кричу, как вы. Если бы я заорал на всю глотку… вот так… Го-го!.. Или так: и-го-го-го!!.

Гусак так отчаянно загоготал, что кухарка Матрена сразу проснулась.

– Хорошо ему говорить о терпении, – ворчала одна Утка, – вон какое горло, точно труба. А потом, если бы у меня были такая длинная шея и такой крепкий клюв, то и я тоже проповедовала бы терпение. Сама бы наелась скорее всех, а другим советовала бы терпеть… Знаем мы это гусиное терпение…

Утку поддержал Петух и крикнул:

– Да, хорошо Гусаку говорить о терпении… А кто у меня вчера два лучших пера вытащил из хвоста? Это даже неблагородно – хватать прямо за хвост. Положим, мы немного поссорились, и я хотел Гусаку проклевать голову, – не отпираюсь, было такое намеренье, – но виноват я, а не мой хвост. Так я

говорю, господа?

Голодные птицы, как, голодные люди, делались несправедливыми именно потому, что были голодны.

II

Индюк из гордости никогда не бросался вместе с другими на корм, а терпеливо ждал, когда Матрена отгонит другую жадную птицу и позовет его. Так было и сейчас. Индюк гулял в стороне, около забора, и делал вид, что ищет что-то среди разного сора.

– Кхе-кхе… ах, как мне хочется кушать! – жаловалась Индюшка, вышагивая за мужем. – Вот уж Матрена бросила овса… да… и, кажется, остатки вчерашней каши… кхе-кхе! Ах, как я люблю кашу!.. Я, кажется, всегда бы ела одну кашу, целую жизнь. Я даже иногда вижу ее ночью во сне…

Индюшка любила пожаловаться, когда была голодна, и требована, чтобы Индюк непременно ее жален. Среди других птиц она походила на старушку: вечно горбилась, кашляла, ходила какой-то разбитой походкой, точно ноги приделаны были к ней только вчера.

– Да, хорошо и каши поесть, – соглашался с ней Индюк. – Но умная птица никогда не бросается на пищу. Так я говорю? Если меня хозяин не будет кормить, я умру с голода… так? А где же он найдет другого такого индюка?

– Другого такого нигде нет…

– Вот то-то… А каша, в сущности, пустяки. Да… Дело не в каше, а в Матрене. Так я говорю? Была бы Матрена, а каша будет. Все на свете зависит от одной Матрены – и овес, и каша, и крупа, и корочки хлеба.

Несмотря на все эти рассуждения, Индюк начинал испытывать муки голода. Потом ему сделалось совсем грустно, когда все другие птицы наелись, а Матрена не выходила, чтобы позвать его. А если она позабыла о нем? Ведь это и совсем скверная штука…

Но тут случилось нечто такое, что заставило Индюка позабыть даже о собственном голоде. Началось с того, что одна молоденькая курочка, гулявшая около сарая, вдруг крикнула:

– Ах-куда!..

Все другие курицы сейчас же подхватили и заорали благим матом: «Ах-куда! куда-куда… «А всех сильнее, конечно, заорал Петух:

– Карраул!.. Кто там?

Сбежавшиеся на крик птицы увидели совсем необыкновенную штуку. У самого сарая в ямке лежало что-то серое, круглое, покрытое сплошь острыми иглами.

– Да это простой камень, – заметил кто-то.

– Он шевелился, – объяснила Курочка. – Я тоже думала, что камень, подошла, а он как пошевелится… Право! Мне показалось, что у него есть глаза, а у камней глаз не бывает.

– Мало ли что может показаться со страха глупой курице, – заметил Индюк. – Может быть, это… это…

– Да это гриб! – крикнул Гусак. – Я видал точно такие грибы, только без игол.

Все громко рассмеялись над Гусаком.

– Скорее это походит на шапку, – попробовал кто-то догадаться и тоже был осмеян.

– Разве у шапки бывают глаза, господа?

– Тут нечего разговаривать попусту, а нужно действовать, – решил за всех Петух. – Эй ты, штука в иголках, сказывайся, что за зверь? Я ведь шутить не люблю… слышишь?

Так как ответа не было, то Петух счел себя оскорбленным и бросился на неизвестного обидчика. Он попробовал клюнуть раза два и сконфуженно отошел в сторону.

– Это… это громадная репейная шишка, и больше ничего, – объяснил он. – Вкусного ничего нет… Не желает ли кто-нибудь попробовать?

Все болтали, кому что приходило в голову. Догадкам и предположениям не было конца. Молчал один Индюк. Что же, пусть болтают другие, а он послушает чужие глупости. Птицы долго галдели, кричали и спорили, пока кто-то не крикнул:

– Господа, что же это мы напрасно ломаем себе голову, когда у нас есть Индюк? Он все знает…

– Конечно, знаю, – отозвался Индюк, распуская хвост и надувая свою красную кишку на носу.

– А если знаешь, так скажи нам.

– А если я не хочу? Так, просто не хочу.

Все принялись упрашивать Индюка.

– Ведь ты у нас самая умная птица, Индюк! Ну скажи, голубчик… Чего тебе стоит сказать?

Индюк долго ломался и наконец проговорил:

– Ну хорошо, я, пожалуй, скажу… да, скажу. Только сначала вы скажите мне, за кого вы меня считаете?

– Кто же не знает, что ты самая умная птица!.. – ответили все хором. – Так и говорят: умен, как индюк.

– Значит, вы меня уважаете?

– Уважаем! Все уважаем!..

Индюк еще немного поломался, потом весь распушился, надул кишку, обошел мудреного зверя три раза кругом и проговорил:

– Это… да… Хотите знать, что это?

– Хотим!.. Пожалуйста, не томи, а скажи скорее.

– Это – кто-то куда-то ползет…

Все только хотели рассмеяться, как послышалось хихиканье, и тоненький голосок сказал:

– Вот так самая умная птица!., хи-хи…

Из-под игол показалась черненькая мордочка с двумя черными глазами, понюхала воздух и проговорила:

– Здравствуйте, господа… Да как же вы это Ежа-то не узнали, Ежа серячка-мужичка?.. Ах, какой у вас смешной Индюк, извините меня, какой он… Как это вежливее сказать?.. Ну, глупый Индюк…

III

Всем сделалось даже страшно после такого оскорбления, какое нанес Еж Индюку. Конечно, Индюк сказал глупость, это верно, но из этого еще не следует, что Еж имеет право его оскорблять. Наконец, это просто невежливо: прийти в чужой дом и оскорбить хозяина. Как хотите, а Индюк все-таки важная, представительная птица и уж не чета какому-нибудь несчастному Ежу.

Все как-то разом перешли на сторону Индюка, и поднялся страшный гвалт.

– Вероятно, Еж и нас всех тоже считает глупыми! – кричал Петух, хлопая крыльями

– Он нас всех оскорбил!..

– Если кто глуп, так это он, то есть Еж, – заявлял Гусак, вытягивая шею. – Я это сразу заметил… да!..

– Разве грибы могут быть глупыми? – отвечал Еж.

– Господа, что мы с ним напрасно разговариваем! – кричал Петух. – Все равно он ничего не поймет… Мне кажется, мы только напрасно теряем время. Да… Если, например, вы, Гусак, ухватите его за щетину вашим крепким клювом с одной стороны, а мы с Индюком уцепимся за его щетину с другой, – сейчас будет видно, кто умнее. Ведь ума не скроешь под глупой щетиной…

– Что же, я согласен… – заявил Гусак. – Еще будет лучше, если я вцеплюсь в его щетину сзади, а вы, Петух, будете его клевать прямо в морду… Так, господа? Кто умнее, сейчас и будет видно.

Индюк все время молчал. Сначала его ошеломила дерзость Ежа, и он не нашелся, что ему ответить. Потом Индюк рассердился, так рассердился, что даже самому сделалось немного страшно. Ему хотелось броситься на грубияна и растерзать его на мелкие части, чтобы все это видели и еще раз убедились, какая серьезная и строгая птица Индюк. Он даже сделал несколько шагов к Ежу, страшно надулся и только хотел броситься, как все начали кричать и бранить Ежа. Индюк

остановился и терпеливо начал ждать, чем все кончится.

Когда Петух предложил тащить Ежа за щетину в разные стороны, Индюк остановил его усердие:

– Позвольте, господа… Может быть, мы устроим все это дело миром… Да. Мне кажется, что тут есть маленькое недоразумение. Предоставьте, господа, мне все дело…

– Хорошо, мы подождем, – неохотно согласился Петух, желавший подраться с Ежом поскорее. – Только из этого все равно ничего не выйдет…

– А уж это мое дело, – спокойно ответил Индюк. – Да вот слушайте, как я буду разговаривать…

Все столпились кругом Ежа и начали ждать. Индюк обошел его кругом, откашлялся и сказал:

– Послушайте, господин Еж… Объяснимтесь серьезно. Я вообще не люблю домашних неприятностей.

«Боже, как он умен, как умен!.. «– думала Индюшка, слушая мужа в немом восторге.

– Обратите внимание прежде всего на то, что вы в порядочном и благовоспитанном обществе, – продолжал Индюк. – Это что-нибудь значит… да… Многие считают за честь попасть к нам на двор, но – увы! – это редко кому удается.

– Правда! Правда!.. – послышались голоса.

– Но это так, между нами, а главное не в этом…

Индюк остановился, помолчал для важности и потом уже продолжал:

– Да, так главное… Неужели вы думали, что мы и понятия не имеем об ежах? Я не сомневаюсь, что Гусак, принявший вас за гриб, пошутил, и Петух тоже, и другие… Не правда ли, господа?

– Совершенно справедливо, Индюк! – крикнули все разом так громко, что Еж спрятал свою черную мордочку.

«Ах, какой он умный!» – думала Индюшка, начинавшая догадываться в чем дело.

– Как видите, господин Еж, мы все любим пошутить, – продолжал Индюк. – Я уж не говорю о себе… да. Отчего и не пошутить? И, как мне кажется, вы, господин Еж, тоже обладаете веселым характером…

– О, вы угадали, – признался Еж, опять выставляя мордочку. – У меня такой веселый характер, что я даже не могу спать по ночам… Многие этого не выносят, а мне скучно спать.

– Ну, вот видите… Вы, вероятно, сойдетесь характером с нашим Петухом, который горланит по ночам как сумасшедший.

Всем вдруг сделалось весело, точно каждому для полноты жизни только и недоставало Ежа. Индюк торжествовал, что так ловко выпутался из неловкого положения, когда Еж назвал его

глупым и засмеялся прямо в лицо.

– Кстати, господин Еж, признайтесь, – заговорил Индюк, подмигнув, – ведь вы, конечно, пошутили, когда назвали давеча меня… да… ну, неумной птицей?

– Конечно, пошутил! – уверял Еж. – У меня уж такой характер веселый!..

– Да, да, я в этом был уверен. Слышали, господа? – спрашивал Индюк всех.

– Слышали… Кто же мог в этом сомневаться!

Индюк наклонился к самому уху Ежа и шепнул ему по секрету:

– Так и быть, я вам сообщу ужасную тайну… да… Только условие: никому не рассказывать. Правда, мне немного совестно говорить о самом себе, но что поделаете, если я – самая умная птица! Меня это иногда даже немного стесняет, но шила в мешке не утаишь… Пожалуйста, только никому об этом ни слова!..

Емеля-охотник

I

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, но у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозеленый хвойный лес. Из-за верхушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьевая гора, с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьевой горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студеной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна – на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет улицы, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужно, потому что и ездить по ней не на чем: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка бывает окружена непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в нее едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадет с них.

Все тычковские мужики – записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое

время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, куниц, волков, лисиц; осенью – белку; весной – диких коз; летом – всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжелая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая – ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотесанных бревен воет по ночам голодный Лыско – одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля дня три морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

– Дедко… а дедко!.. – с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. – Теперь олени с телятами ходят?

– С телятами, Гришук, – ответил Емеля, доплетая новые лапти.

– Вот бы, дедко, теленочка добыть… А?

– Погоди, добудем… Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и теленочка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под теплой оленьей шкурой. Мальчик простудился еще весной, когда таял снег, и все не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился. Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, – больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку черного хлеба, и только. Оставалась от весны соленая козлятина, но Гришук и смотреть на нее не мог.

«Ишь чего захотел: теленочка… – думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть. – Ужо надо добыть…»

Емеле было лет семьдесят: седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он еще бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на теплую печку, да замениться

некем, а тут вот еще Гришутка на руках очутился, о нем нужно позаботиться… Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой зимним вечером возвращалась из деревни в свою избушку. Ребенок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внучка, а тут еще болезнь приключилась. Беда не приходит одна…

II

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

– Видно, Емеля на охоту собрался, – говорили в деревне бабы.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нем были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и теплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

– Ну, Гришук, поправляйся без меня… – говорил Емеля внуку на прощанье. – За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за теленком схожу.

– А принесешь теленка-то, дедко?

– Принесу, сказал.

– Желтенького?

– Желтенького…

– Ну, я буду тебя ждать… Смотри не промахнись, когда стрелять будешь…

Емеля давно собирался за оленями, да все жалел бросить внука одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решился попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчонком, – все же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродил по нему с ружьем да с собакой. Все тропы, все приметы – все знал старик на сто верст кругом.

А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшие ярким светом и лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы.

Да, чудно и хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад.

Тропинка, по которой он шел, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые березки, кусты жимолости, и зеленым шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зеленой щеткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился лапистыми и мохнатыми ветвями. В одном месте, с половины горы, открывался широкий вид на далекие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины, и крестьянские избы казались отсюда черными точками. Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

– Ну, Лыско, ищи… – говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал свое дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зеленой чаще. Только на время мелькнула его спина с желтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый темный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжет желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растет, и Емеля шел по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брел охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или перелетит пестрый дятел. Емеля внимательно осматривал все кругом: нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках. Начало темнеть. Старик почувствовал усталость. Нужно было думать о ночлеге.

«Вероятно, оленей распугали другие охотники», – думал Емеля.

Но вот послышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветви. Емеля прислонился к стволу ели и ждал.

Это был олень. Настоящий десятирогий красавец олень, самое благородное из лесных животных. Вот он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зеленой чаще.

Старый Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него: не достать его пулей. Лыско лежит в чаще и не смеет дохнуть в

ожидании выстрела; он слышит оленя, чувствует его запах… Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, понесся вперед. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом. Очень скверная история…

– Ну, пусть его погуляет, – рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью. – Нам надо теленочка добывать, Лыско… Слышишь?

Собака только жалобно виляла хвостом, положив острую морду между передними лапами. На ее долю сегодня едва выпала одна сухая корочка, которую Емеля бросил ей.

III

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском, и все напрасно: оленя с теленком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отощал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля все видел желтенького теленка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал от него из-под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя с теленком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

«Матка с теленком, – думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. – Сегодня утром были здесь… Лыско, ищи, голубчик!..»

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги. Но вот знакомый треск и шорох… Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внучка: «Дедко, добудь теленка… и непременно, чтобы был желтенький». Вон и матка… Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

«Нет, ты меня не обманешь…» – думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его

движениями.

«Это матка меня от теленка отводит», – думал Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

– Не уйдешь от теленка, – шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося олененка; старый Емеля и сердился и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь все равно она не уйдет от него… Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженях от него, под кустом жимолости стоял тот самый желтенький теленок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький олененок, всего нескольких недель, с желтым пушком и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперед, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвел курок винтовки и прицелился в голову маленькому, беззащитному животному…

Еще одно мгновение, и маленький олененок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала теленка его мать, припомнил, как мать его Гришутки спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружье. Олененок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул, – маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

– Ишь какой бегун… – говорил старик, задумчиво улыбаясь. – Только его и видел: как стрела… Ведь убежал, Лыско, наш олененок-то? Ну, ему, бегуну, еще надо подрасти… Ах ты, какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и все улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

– А… дедко, принес теленка? – встретил его Гриша, ждавший

все время старика с нетерпением.

– Нет, Гришук… видел его…

– Желтенький?

– Желтенький сам, а мордочка черная. Стоит под кустиком и листочки пощипывает… Я прицелился…

– И промахнулся?

– Нет, Гришук: пожалел малого зверя… матку пожалел… Как свистну, а он, теленок-то, как стреканет в чащу, – только его и видели. Убежал, пострел этакий…

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал теленка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе со старым дедом.

– А я тебе глухаря принес, Гришук, – прибавил Емеля, кончив рассказ. – Этого все равно волки бы съели.

Глухарь был ощипан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлебки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

– Так он убежал, олененок-то?

– Убежал, Гришук…

– Желтенький?

– Весь желтенький, только мордочка черная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

Лидия Алексеевна Чарская

Живая перчатка

I

Жил на свете рыцарь, свирепый и жестокий. До того свирепый, что все боялись его, все – и свои и чужие. Когда он появлялся на коне среди улицы или на городской площади, народ разбегался в разные стороны, улицы и площади пустели. И было чего бояться рыцаря народу! Стоило кому-либо в недобрый час попасться на его дороге, перейти ему нечаянно путь, и в одно мгновение ока свирепый рыцарь затаптывал насмерть несчастного копытами своего коня или пронзал его насквозь своим тяжелым, острым мечом.

Высокий, худой, с очами, выбрасывавшими пламя, с угрюмо сдвинутыми бровями и лицом, искривленным от гнева, он наводил ужас на всех. В минуты гнева он не знал пощады, становился страшным и выдумывал самые лютые кары и для тех, кто являлся причиною его гнева, и для тех, кто случайно попадался ему в это время на глаза. Но жаловаться королю на свирепого рыцаря было бесполезно: король дорожил своим свирепым рыцарем за то, что тот был искусным полководцем, не раз во главе королевских войск одерживал победы над врагами и покорил много земель. Потому-то король высоко ценил свирепого рыцаря и спускал ему то, чего бы не спустил никому другому. А другие рыцари и воины, хотя и не любили свирепого рыцаря, но ценили в нем храбрость, ум и преданность королю и стране…

II

Бой близился к концу.

Свирепый рыцарь, закованный в золотую броню, скакал верхом между рядами войск, воодушевляя своих усталых и измученных воинов.

В этот раз бой был очень тяжелый и трудный. Третьи сутки дрались воины под начальством свирепого рыцаря, но победа не давалась им. У врагов, напавших на королевские земли, было больше войска. Еще минута-две, и враг, несомненно, одолел бы и ворвался бы прямо в королевский замок.

Напрасно свирепый рыцарь появлялся то тут, то там на поле брани и то угрозами, то мольбами старался заставить своих воинов собрать последние силы, чтобы прогнать врагов.

Вдруг конь рыцаря шарахнулся в сторону, заметив на земле железную перчатку, такую, какую носили в то время почти все рыцари. Свирепый рыцарь дал шпоры коню, желая заставить его перепрыгнуть через перчатку, но лошадь ни с места. Тогда рыцарь

велел юноше оруженосцу поднять перчатку и подать ее себе. Но едва только рыцарь дотронулся до нее, перчатка, точно живая, выскочила из его руки и опять упала на землю.

Рыцарь велел опять ее подать себе – и опять повторилось то же самое. Мало того: упав на землю, железная перчатка зашевелилась, как живая рука; пальцы ее судорожно задвигались и снова разжались. Рыцарь приказал снова поднять ее с земли и в этот раз, крепко зажав ее в руке, помчался в передние ряды своих войск, потрясая в воздухе перчаткою. И каждый раз, когда он поднимал высоко перчатку, пальцы перчатки то сжимались, то снова разжимались, и в ту же минуту, точно по сигналу, войска кидались на врага с новою силою. И где ни появлялся рыцарь со своею перчаткою – усталые и измученные его воины точно оживали и с удвоенною силою бросались на врага. Прошло всего несколько минут, и враги бежали, а вестники свирепого рыцаря стали трубить победу…

Гордый и торжествующий объезжал теперь рыцарь ряды своих усталых, измученных бойцов, спрашивая, кому принадлежит странная перчатка, но никто не видал до тех пор такой перчатки, никто не знал, откуда она взялась…

III

Во что бы то ни стало решил свирепый рыцарь узнать, кому принадлежит странная перчатка, и стал объезжать все города, все села и деревни и, потрясая в воздухе своею находкою, спрашивать, чья это перчатка. Нигде не отыскивался хозяин живой перчатки.

В одном городе попался свирепому рыцарю навстречу маленький мальчик и сказал:

– Я слышал от деда, что в лесу живет старая Мааб. Она знает все тайны мира и, наверное, сумеет открыть тебе значение живой перчатки, рыцарь.

– Едем к ней! – был суровый приказ, и, пришпорив коня, свирепый рыцарь помчался к лесу. Покорная свита помчалась за ним.

Старуха Мааб жила в самой чаще глухого, темного леса. Она едва двигалась от дряхлости. Когда она увидала перчатку, то глаза у нее загорелись, словно яркие факелы в ночной темноте, и она вся побагровела от восторга.

– Огромное счастье досталось тебе в руки, благородный рыцарь, – глухим голосом произнесла она. – Далеко не всем людям попадается подобное сокровище! Эта живая перчатка – перчатка победы… Судьба нарочно бросила ее на твоем пути. Стоит тебе только надеть ее на руку, и победа останется всегда за тобою!

Свирепый рыцарь просиял от счастья, надел на руку перчатку, щедро наградил золотом Мааб и умчался из дремучего леса в королевскую столицу.

IV

Прошла неделя.

Не слышно ничего про обычные жестокие проделки рыцаря, не слышно, чтобы он в припадке гнева кого-либо подверг казни, не слышно, чтобы он обидел кого-либо.

Еще так нелавно лилась кровь вокруг свирепого рыцаря рекою, слышались стоны, раздавался плач. А теперь?

Правда, неделю тому назад попробовал было рыцарь ударить мечом кого-то из прохожих. Но неожиданно рука его, судорожно сжатая живыми пальцами перчатки, опустилась, и тяжелый меч со звоном упал на землю.

Хотел рыцарь сбросить с руки докучную перчатку, да вспомнил вовремя, что даст она ему победу, и удержался.

Другой раз хотел рыцарь направить своего коня на окружавшую его толпу людей, и снова до боли сжали его руку живые пальцы перчатки, и он не мог двинуть ими для управления конем. С этой самой минуты понял рыцарь, что идти наперекор живой перчатке бесполезно, что она, эта перчатка, удерживает его от самых жестоких поступков. И перестал он извлекать меч из ножен для гибели неповинных людей.

И люди не боялись теперь выходить из домов на улицы в то время, когда проезжал по ним свирепый рыцарь.

Они без страха появлялись теперь на его пути и славили рыцаря за его победы над врагами.

V

Снова загорелась война…

Уже давно дальний сосед короля, властелин богатой страны, прельщал взоры рыцаря. И он говорил своему королю:

– Гляди! Твой дальний сосед богаче тебя, и хотя ты поклялся ему в вечной дружбе и мире, но если ты победишь его и присвоишь себе его владения, то станешь самым могучим и богатым в мире королем.

Король послушался слов своего любимца. «Прав рыцарь, – думал король, – завоюю страну моего соседа и разбогатею от его богатства!» И приказал трубить новый поход.

VI

Сошлись два войска на поле брани.

Дружины рыцаря встретились с дружинами дальнего короля.

Рыцарь был вполне спокоен и заранее уверен в исходе боя.

Он знал: перчатка победы была на его руке.

Солнце всходило и заходило снова. Месяц сиял и мерк и

снова сиял. Птицы пели, стихали и снова пели, а люди все бились и бились без конца.

Долгая то была битва.

Долгая и упорная как никогда.

Свирепый рыцарь стоял в стороне, распоряжаясь боем, заранее уверенный в победе своих дружин.

Вдруг невиданное зрелище поразило его взоры: враги побеждали, а его воины ударились в бегство.

Взбешенный, он сам кинулся в бой. И… принужден был отступить. Враги окружили его со всех сторон.

Не помня себя, он дал шпоры коню и погнал его с поля битвы.

Прискакал в столицу рыцарь, весь обрызганный кровью, и упал к ногам короля.

– Не вини меня, король! – вскричал он. – Не я, а старуха Мааб виновница гибели твоего войска. Она обманула меня, заставив надеть на руку перчатку гибели и поражения. Вели казнить ее, король, казнить жестокою, страшною смертью, какую только можно придумать!

VII

С первыми лучами солнца весь город высыпал на площадь. В этот ранний утренний час решена была казнь старухи Мааб, привезенной еще накануне из леса. Решено было сжечь Мааб на костре, чтобы впредь не морочила людей, не выдавала перчатку гибели за перчатку победы.

Привезли на площадь Мааб, сняли с колесницы, ввели на возвышение, где лежали сложенные для костра дрова.

Поставили на них Мааб и привязали веревками к столбу. Перед самым столбом стоял свирепый рыцарь и кричал со злым смехом в самое лицо Мааб:

– Ты обманула меня, Мааб! За это умрешь лютою смертью! И знак к казни я дам тою самою перчаткою, которая мне, по твоим словам, должна была доставить победу.

С этими словами он поднял руку, чтобы дать знак палачам зажигать костер, и вскрикнул в испуге. Рука не двигалась. Точно налитая свинцом, она безжизненно повисла вдоль тела. Тогда он открыл рот, желая отдать приказание начинать казнь, но в тот же миг живая перчатка поднялась вместе с рукою и, тесно прижавшись к его рту, чуть не задушила его.

Обезумев от ужаса, рыцарь вскричал:

– Спаси меня, Мааб! Спаси!

Мааб медленно сошла с костра, без всякого усилия перервав веревки, и, приблизившись к рыцарю, произнесла:

– Я не солгала тебе. Живая перчатка воистину перчатка победы. В каждом правом деле она даст тебе победу всюду и

везде. И в последней неудачной битве дала бы она тебе победу, если бы ты не шел на соседнего короля с корыстолюбивыми целями овладеть его богатством, а защищал своего короля, свою родину, свою честь.

И тогда бы ты не потерпел поражения, сознавая себя правым и в честном деле. Знай же, что живая перчатка будет служить тебе только во всех добрых и честных делах! Ведь удержала она тебя в те минуты, когда ты хотел пролить кровь невинных людей! Дала тебе победу над самим собою! Дала победу и тогда, когда на твою страну напали злые враги Так будет с нею и впредь!

И сказав это, исчезла, как тень, растаяв в воздухе, Мааб.

* * *

Предсказание Мааб сбылось.

Живая перчатка помогала рыцарю во всех его правых делах, давая ему победу, и удерживала его всякий раз, когда он начинал какую-либо скверную, несправедливую затею.

И весь народ прославил его имя, и вместо свирепого рыцаря люди прозвали его рыцарем правым и благородным.

Король с раскрашенной картинки

Он был очень хорош. Так хорош, что настоящие, живые короли, бесспорно, позавидовали бы его блестящему виду. У него была роскошная белая, как сахар, седая борода, такие же седые кудри и большие черные глаза. На голове его красовалась золотая корона. Одет он был так, как вообще одеваются короли. Художник не пожалел красок, чтобы вырисовать его пурпурную мантию и огромный воротник из дорогого собольего меха. Да, он был чудно хорош.

И все-таки это был не живой король, а только король с раскрашенной картинки. Правда, очень нарядный, очень пышный, очень красивый король.

Раскрашенная картинка лежала в окне магазина, и прохожие целый день толпились у витрины, любуясь раскрашенным бумажным королем, сидевшим на троне и важно курившим трубку.

Это составляло большое развлечение для самого короля. Он любил смотреть на людей и внимательно приглядывался ко всему тому, что происходило за окном. И ему было очень досадно, когда на ночь ставнями закрывали окно и он не мог видеть, что делается на улице.

Но как-то раз, в один очень холодный зимний день витрину почему-то на ночь не закрыли ставнями, и хотя стекло в окне

замерзло и заиндевело, все-таки в нем осталось отверстие, через которое бумажный король мог видеть, что делалось кругом.

И вот король увидал, как к обтянутому ярким сукном подъезду большого дома один за другим подъезжали экипажи и как из них выходили важные господа и нарядные дамы и поднимались по лестнице наверх, в какую-то богато обставленную квартиру. Господа и дамы уходили в хорошо натопленные залы, а кучера остались на улице ждать на морозе.

В числе других подъехала карета, из которой выскочила молоденькая красавица и, крикнув старику кучеру: «Подождешь меня!», быстро скрылась в подъезде. Съежившись от холода, старик кучер отъехал в сторону.

Вскоре бумажный король заметил ее в окнах дома; она носилась в веселом танце, окруженная целой толпой кавалеров, раскрасневшаяся от оживления и жары.

А на улице в это время мороз становился все сильнее и сильнее, и старик кучер, поджидавший свою барышню, медленно замерзал на козлах. Его лицо посинело, руки опустились, вожжи выпали из них. Бумажный король видел, как постепенно умирал несчастный, и он, король, готов был зарыдать от ужаса, если бы только бумажные короли могли рыдать и плакать.

Красавица протанцевала долго. Когда наконец гости стали расходиться и она узнала, что ее кучер замерз, то она даже не заплакала, а сделала гримасу и сказала только:

– Ах, какая досада! Как же я теперь домой поеду?

Бумажный король был возмущен до глубины своей бумажной души. «О! – думал он. – Если я когда-либо стану настоящим королем, я не допущу ничего подобного…» И с этой думой король заснул.

Но спать пришлось ему на этот раз недолго, не потому, что было очень холодно в витрине, а потому, что его разбудили громкие голоса, раздававшиеся близко, совсем близко от него. Король протер свои заспанные глаза и увидал целую толпу людей, одетых в потертое платье, с закоптелыми от дыма, изможденными лицами. Это были фабричные рабочие, спешившие на работу. Они остановились у окна магазина и разглядывали бумажного короля, а те, которые были поближе, старались прочесть длинную подпись, находившуюся под картинкой и объяснявшую, как звали короля. Но как они ни старались, им не удалось разобрать ни одного слова, несмотря на яркий свет фонаря: они были неграмотны и не умели читать.

– Эх, не учили нас в детстве, вот и тяжко приходится под старость! – произнес один из рабочих таким печальным голосом, что сердце бумажного короля сжалось от сострадания.

«Во что бы то ни стало я по всему моему государству устрою школы и дам возможность всем и каждому учиться, сколько кто захочет», – произнес мысленно король.

И вдруг он вздрогнул, вспомнив, что он не может этого сделать. На бумажных ресницах бумажного короля задрожали слезинки. Ему стало больно, очень больно от мысли, что он только король с раскрашенной картинки, а не настоящий король.

Между тем улица оживилась. Всюду стали появляться люди. Многие останавливались у магазина, восторгались бумажным королем и шли дальше.

Вот к окну подошел какой-то важный господин в дорогой шубе с двумя нарядно одетыми мальчиками. Последние, увидав бумажного короля, вскричали в один голос:

– Папа, купи нам этого короля!

– Что? Вы хотите эту лубочную картинку? – презрительно спросил господин в шубе. – Нет, дети, я лучше куплю вам какую-нибудь хорошую игрушку.

– Да, да, ты прав, папа! Купи нам игрушку, – весело ответили дети, и все трое направились к дверям соседнего магазина. Маленькая, худенькая, оборванная девочка остановилась перед ними. Она была очень жалка в своих лохмотьях, с исхудалым от голода и нужды личиком, со впалыми, лихорадочно горящими глазами.

– Подайте, Христа ради, добрые господа! – тянула она печальным, жалобным голоском.

– Пошла прочь, побирушка! – прикрикнул на нее господин в шубе. – Много вас тут бегает без дела и клянчит подаяние. Слышишь, пошла прочь!

Девочка отскочила. Слезы брызнули из ее глаз. Она пролепетала что-то о больной матери, третий день остававшейся без обеда, о том, что сама она голодна, и, глухо рыдая, опустилась на мостовую.

А господин в шубе и его дети в это время вошли в магазин игрушек, смеясь и весело болтая между собою.

Бумажный король взглянул на полумертвую девочку, и его бумажное сердце готово было разорваться на тысячи кусков, разорваться от боли и бессилия. Да, от бессилия особенно. Он вполне сознавал, что не может ничем помочь бедной девочке, потому что он – бумажный король.

Бумажный, и только. И не одной этой девочке, но вообще никому он не в состоянии помочь, не в состоянии устранить людское горе и несправедливость.

«Ах, если бы я был живым, настоящим королем! Сколько добра бы я мог сделать!» – подумал бумажный король.

И он схватился руками за голову и стал просить у судьбы или совсем лишить его и трона, и короны, и царской мантии, и даже жизни, или же сделать его живым королем. Да, живым, а не бумажным королем.

Луч месяца ударил в оконце и нежно коснулся его лица. На глазах короля заблестели слезы.

Серебряная фея лунного света, добрая волшебница Лара, проскользнув на своей голубой колеснице, увидела эти слезы и произнесла тихо:

– Я вижу в первый раз, как плачет король. Пусть это слезы бумажного короля, но раз это слезы любви к ближним, они заслуживают внимания. Ты – добрый король и, наверное, будешь любить своих подданных. Я сделаю тебя настоящим, живым королем.

И фея Лара коснулась своей волшебной голубой палочкой плачущих глаз старого короля. И, о чудо! Голубые лучи полночного месяца исчезли, исчезла и темная ночь, и мигающие фонари на улицах. Исчезло и само окно игрушечного магазина. Король в один миг соскользнул с бумажной картинки и почувствовал себя настоящим королем. Он очутился в огромной дворцовой зале, на золотом троне, под пурпуровым балдахином, и вокруг него толпилась послушная толпа сановников и слуг. Длинная горностаевая мантия волной спускалась с его плеч, а от серебряной бороды и седых локонов пахло дорогими духами.

Правда, король казался очень маленьким, тщедушным, невзрачным среди высоких, рослых, толстых придворных, окружавших трон, но все эти придворные так низко и почтительно наклонили свои головы, когда он, король, поднялся на трон, что сердце короля затрепетало от радости. Он понял разом, что судьба услышала его желание и сделала его могучим властителем страны.

Не медля ни одной минуты, король разослал послов по всему городу разыскивать несчастных, голодных, нуждающихся и угнетенных и приказал раздавать им деньги, новые платья и все необходимое.

Затем король разослал гонцов по всем улицам и площадям объявить громогласно народу о том, что он выстроит школы, где будет народ обучаться бесплатно, чтобы жизнь людей стала светлее и лучше. А своих сановников король отправил ко всем богачам города, требуя от них хорошего и ласкового обращения со слугами и грозя в случае непослушания своим королевским гневом.

Не забыл король и о несчастной девочке, умирающей от голода у витрины магазина, и велел позаботиться о ней. Народ с

радостью выслушал благие вести и с громкими криками восторга кинулся во дворец приветствовать своего короля.

Все были счастливы, довольны и уходили, прославляя доброго короля.

Но счастливее всех был сам король. Он был убежден, что сделал все, что нужно для блага народа, и со спокойным сердцем укладывался спать в этот вечер в свою роскошную королевскую постель.

Лежал король в постели и думал: «Какхорошо сознавать, что ты можешь делать добро несчастным: это лучшая радость королей».

Вдруг что-то нежное, как дуновение ветерка, коснулось серебряных седин короля.

Он быстро поднял голову. Перед ним стояла лунная фея Лара.

Ее голубая фигурка, вся насквозь сияющая в лучах месяца, наклонилась над изголовьем короля.

Король обрадовался, как ребенок, при виде своей благодетельницы.

– Благодарю тебя, могучая Лара, – произнес он с чувством, – что ты сделала меня настоящим королем и дала мне возможность совершить целый ряд добрых дел. Я надеюсь, что отныне в моем царстве не будет уже ни голодных, ни обиженных, ни печальных.

Голубая фея медленно покачала своей красивой головкой и тихо рассмеялась.

– Ты ошибаешься, король, – произнесла она с нежным, чуть слышным смехом, который походил на звуки арфы, – разве можно в один день изменить все? Король, до сих пор ты даже не знаешь, сколько горя в твоем царстве. До сих пор ты видел только то, что ты мог наблюдать из витрины магазина, и лишь тех людей, на которых ты мог смотреть из окна королевского дворца. Но если бы ты, король, объездил всю свою страну или хотя бы часть ее, ты бы убедился, что твой народ гибнет от голода, от неурожая, болезней, вражды друг с другом. И то, что ты сделал, показалось бы тебе ничтожной крупицей того, что нужно сделать для счастья твоего народа.

– Лара! – вскричал король. – Клянусь, завтра же я пускаюсь в дальний путь. Завтра же я начинаю объезжать свое королевство. Там, где я увижу голод и нужду, там должно воцариться довольство и радость. Клянусь тебе, волшебница Лара, я утру слезы моего народа!

– Это труднее сделать, чем ты думаешь, – послышался тихий, мелодичный голос лунной феи.

– И тем не менее я сделаю это! – упрямо возразил король.

Лара кивнула ему серебристой головкой и исчезла, растворилась в лунном свете. Король остался один. Он долго ворочался на своей широкой постели под бархатным балдахином и до утра промечтал о той светлой минуте, когда не будет ни одного голодного в его стране.

С первым солнечным лучом трубачи и литаврщики на белых конях поскакали из дворца. За ними в золотой карете, окруженный блестящею свитою, ехал король. Он пускался в дальний путь объезжать свою обширную страну и знакомиться с жизнью народа. Гонцы скакали далеко впереди королевского поезда и предупреждали каждый город, каждую деревеньку, каждое местечко о том, что едет король. И куда бы ни приезжал он, всюду его встречали нарядные, веселые, сытые люди с сияющими радостью лицами, в дорогих платьях и на золотых блюдах подносили драгоценные дары своему королю.

– Но где же голодные мои подданные? Где же нищие и бедные? – с недоумением спрашивал король окружающих.

– Ваше величество, – льстиво отвечала свита, – под властью такого мудрого, такого прекрасного короля, как вы, не может быть ни бедных, ни голодных. В вашей стране благодаря вашей мудрости и великодушию всюду роскошь, довольство и радость!

– Король улыбнулся счастливой улыбкой и, довольный, возвратился в столицу.

– О, как не права была Лара, когда говорила, что у меня в стране есть нищие и несчастные, – произнес он уверенно. – Я объездил полстраны и нигде не видал ни бедных, ни нищих, ни обиженных. О, как бы я хотел повидать фею, чтобы доказать, что она ошибается!

Желание короля исполнилось. В первую же ночь после возвращения короля в столицу, едва только на небе показалась луна, через окно спальни проникла Лара.

– Здравствуй, король! – произнесла она и коснулась легким поцелуем серебряной головы старого короля.

– Здравствуй, Лара! Ты являешься как раз вовремя, – произнес король и стал быстро и подробно рассказывать о тех сытых, довольных и счастливых людях, которые встречали его на пути в городах и деревнях, в селах и местечках.

И вдруг послышался серебристый смех, тихий, как шелест ветра, и звучный, как ропот речки. Это смеялась Лара.

– Ах ты легковерный, беспечный король! – говорила она между перекатами смеха. – Как легко тебя обмануть!.. Зачем ты допустил льстивую свиту сопровождать тебя? Ведь она своими блестящими одеждами заслоняла от тебя всех тех, которых тебе хотелось видеть! И ты из окон твоей золотой кареты видел только

золото да парчу, но не видел правды, не видел того, что ты должен был видеть, не видел нужды и скорби твоего народа… Король, хочешь, я превращу тебя в большую черную птицу, в вещую птицу, которая в несколько дней пролетит от моря до моря все твои владения вдоль и поперек и своими зоркими глазами увидит то, что всячески скрывает хитрая свита от своего короля?

– Да, да! – вскричал король. – Обрати меня в птицу, милая Лара. Я хочу видеть нужды и скорби моего народа!

Едва только успел король произнести последнее слово, как вдруг почувствовал, что у него за спиною вырастают огромные крылья и все тело постепенно покрывается пухом и перьями.

В следующую же минуту Лара распахнула окно королевской спальни, и огромная черная птица вылетела в него…

Король-птица летел долго, очень долго и прилетел в глухую маленькую деревеньку.

Солнце уже взошло и золотило верхушки деревьев, и хрустальную воду реки, и пестрые цветы за околицей.

Деревенька была мала и убога, так мала и так убога, что король-птица испугался закоптелых изб ее и покривившихся крылечек и полуразрушенных стен.

«Странно, что меня не провозили мимо этой деревеньки…» – подумал король-птица и, взмахнув своими широкими крыльями, сел на крышу крайней избы.

Вдруг он услышал жалобные рыдания и мольбы. Он повернул голову, взглянул вниз в крошечный дворик и увидел следующую картину.

Посреди двора стоял худой, жалкий человек в лохмотьях. Он казался черным от худобы. Его глаза дико сверкали, губы кривились.

Двое людей в одежде королевских слуг стояли перед ним с гневными лицами и говорили сердито:

– Что же ты? Согласишься ли, наконец, исполнить наше требование? Завтра же бросим тебя в тюрьму, если ты не соберешь все деньги, какие только есть у вас в деревне, чтобы на них купить золотое блюдо и хлеб-соль королю. Он скоро снова пустится в путь осматривать свое королевство, и необходимо, чтобы его встретили с подобающей честью в вашей деревне.

– Но откуда же я возьму вам столько денег? – прошептал несчастный. – Деревня наша мала и бедна. Нам почти нечего есть. У нас остались только худые, голодные коровы, и наши дети питаются их молоком. Если их продать, дети умрут с голоду.

– Это не наше дело! – вскричали королевские слуги в один голос. – Приказано, чтобы вся деревня встретила короля с подобающими дарами и чтоб король видел довольные, сытые,

радостные лица своих подданных.

– Ну, что ж? Берите все, коли так! – произнес угрюмо несчастный. – Но знайте, что я расскажу королю, как вы поступаете.

– Ха! Ха! Ха! – рассмеялись королевские слуги. – Ты думаешь, что мы боимся твоих угроз? Ничуть! Мы отлично знаем, что тебя не допустят к королю. А если даже твоя жалоба и дойдет до королевских ушей, то, покуда король разберется, кто тут прав, а кто виноват, уже и тебя и нас не будет на свете. Ведь ты только подумай: у короля миллионы подданных! Разве он в состоянии заниматься жалобами каждого из них? А нас-то, королевских слуг, сколько? Разве мы не сумеем объяснить королю, что ты не прав? Эх, старик, тебе же хуже будет, раз ты вздумаешь жаловаться. Да и король никогда тебе одному не поверит, когда увидит, что все другие встречают его радостными и довольными.

Королю-птице показалось, точно кто оторвал у него кусок от сердца. Теперь он понял, что волшебница Лара была права. Теперь он понял, какою дорогою ценою покупались народом торжественные встречи короля. И он полетел дальше с быстротою молнии, мимо лесов и рощ, мимо сел и деревень. На дороге он увидел большой город.

На городской площади собралась толпа народа. Целый отряд воинов выстроился в шеренги. Высокий, рослый парень стоял в стороне в солдатской одежде, а возле него приютился пяток малолетних ребятишек. Худая, бледнолицая крестьянка стояла подле и заливалась слезами.

– Прощай, милый муженек, – говорила она, – прощай, голубчик! Покидаешь ты нас, оставляешь сиротинками, отправляют тебя в чужую страну воевать с лютыми врагами. Бог знает, вернешься ли ты назад. Да если и вернешься, то не застанешь нас. Умрем мы с голоду без тебя, голубчик. Не прокормить мне без тебя при нашей нужде пятерых ребятишек…

И крестьянка заплакала так горько, что сердце черной птицы замерло от ужаса.

– Зачем, зачем мои сановники не говорят мне о том, что мои воины оставляют сиротами несчастных голодных ребятишек? – прошептал король-птица и, изнывая от жалости и гнева, метнулся дальше.

В небольшом городе у церковной ограды собрались кучки людей. Они громко разговаривали друг с другом. Слышались веселые, радостные голоса. Оживленные лица мелькали вокруг. «Слава Богу, – произнес мысленно король-птица, – не все же плач и горе в моем королевстве, есть в нем и такие уголки, где царствует радость».

И черная птица спустилась на колокольню и оттуда стала смотреть, что происходит кругом. Вдруг до ее слуха донесся громкий плач. Черная птица встрепенулась, стала прислушиваться. Плач раздавался из маленького, покривившегося домика, стоявшего на краю города. Король-птица широко взмахнул крыльями, опустился у домика и заглянул в окно.

В убогой комнате сидела худая, изможденная швея, ковырявшая что-то иглою. Она уставилась в работу красными от бессонницы и труда глазами и от времени до времени смотрела на лежавшую рядом на убогой постели худенькую белокурую девочку. Девочка была бледная, с посиневшими губами, с широко раскрытыми глазами. Бедняжку била лихорадка, и она зябко куталась в голубое стеганое одеяло, единственную роскошную вещь, находившуюся в комнате. Все остальное было ветхо, убого и говорило о страшной нужде.

Мать, глядя на больную дочь, всхлипывала. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге разом появилось двое людей. Один из них, обращаясь к бедной швее, сказал:

– Мы – королевские слуги. Мы пришли за деньгами, которые каждый житель, согласно желанию короля, обязан внести, так как король хочет раздать щедрую милостыню беднякам своей столицы.

– Но я сама бедна, и у меня нет ни одного лишнего гроша, который я могла бы отдать королю, – сокрушенно заметила вдова.

– В таком случае мы должны взять у вас какую-нибудь вещь и продать ее, чтоб исполнить волю короля.

– Смотрите, ведь у меня ничего, ничего нет, кроме тех вещей, которые вы здесь видите, а за них никто и гроша не даст.

Вошедшие окинули взором убогую комнату. Действительно, в ней не было ничего ценного. Поломанные стулья, кривой стол без ножки, полуразвалившийся шкаф – вот и все, что там находилось. Вдруг оба они обратили внимание на одеяло, которым была покрыта девочка.

– Вот это одеяло мы и возьмем, – сказали они в один голос. – Возьмем да продадим, а вырученные деньги отошлем королю.

Женщина вздрогнула. Испуганными глазами взглянула она на больную девочку, потом перевела взгляд на обоих мужчин и громко зарыдала.

– Не отнимайте у меня последнего! – молила она. – Не губите мою девочку! Я целые ночи проводила за шитьем этого одеяльца, чтобы только порадовать мою крошку. Ей стало лучше с тех пор, как я укутываю ее в это теплое одеяльце. Она умрет, умрет непременно, если ее лишить его!

– Вздор! – произнесли слуги. – Король велел, чтобы его

подданные отдавали ему, что есть у них поценнее. И мы, отнимая у тебя одеяло, исполняем волю короля.

Король-птица не мог удержаться. Он решил крикнуть, что ложь, что такого приказа он не издавал, что он никогда не решился бы отнимать что-либо у своих бедных подданных. Но вместо королевского голоса раздалось лишь карканье птицы, которое осталось непонятным королевским слугам…

И они грубо сорвали одеяло с кровати девочки и исчезли за дверью.

Худенькое, иссохшее от лихорадки тельце ребенка задрожало, забилось в ознобе. Несчастная мать кинулась к дочери, обхватила ее своими трепещущими руками и старалась отогреть своим теплым дыханием.

Черная птица с громким стоном отлетела прочь от окна. Она поднялась высоко-высоко, пролетела через громадное пространство и опустилась у окна королевского дворца. Там крылья ее разом отпали, пух исчез, и вместо черной птицы появился опять седовласый король посреди своей роскошной опочивальни.

Он был бледен, и глаза его горели мрачным огнем.

– Лара! Фея Лара! – воскликнул он, протягивая руки к лучам месяца, только что выплывшего из-за туч. – Явись ко мне!

И фея Лара явилась.

– Ты звал меня, король? – послышался ее звонкий голос.

– Да, я звал тебя, – отвечал он мрачно. – Ты превратила меня из бумажного короля с раскрашенной картинки в настоящего живого властелина страны. Я хотел облагодетельствовать мою страну, хотел сделать всех людей счастливыми. Я хотел, чтобы каждый в моем королевстве был счастлив и доволен, сыт и одет. Но теперь я вижу, что сделать все это мне одному не по силам. Мои сановники скрывают от меня правду, мои слуги притесняют народ… Добрая фея, помоги мне стать счастливым королем счастливого народа. Я все сделаю, что ты прикажешь. Я готов отдать даже жизнь за благо моих подданных.

– Этого мало, – покачав серебристой головой, произнесла голубая Лара. – Твоя жизнь не принесет счастья твоим подданным, не устранит их горе, не осушит слез.

– Так что же мне делать? – в отчаянии спросил король. – Я бессилен и сам ничего не могу придумать.

– Не можешь? – угрюмо произнесла Лара. – Значит, ты не достоин быть настоящим королем, значит, тебе только и быть всегда бумажным королем с раскрашенной картинки, и не место тебе здесь, во дворце.

Фея подняла свою палочку…

Как раз в это время весь дворец дрогнул от бешеных криков восторга. Это толпа народа, с королевскими слугами во главе, собралась на улице славить своего короля.

Но короля уже не было во дворце. Раскрашенная картина лежала на прежнем своем месте, в окне магазина, а на раскрашенной картинке красовался опять бумажный король, прежний, великолепный король в короне и дорогой мантии.

Он протер свои бумажные глаза и произнес с удивлением:

– Так это был сон? И только сон?

В самом деле это был сон и только сон бумажного короля, который впервые провел ночь при открытых ставнях.

Золотые звезды, сиявшие с неба, подтвердили об этом королю. Золотые звезды добавили еще что-то.

Добавили так тихо, что это мог услышать один только бумажный король.

Они сказали:

– Жаль нам маленького бумажного короля. Он так горячо и искренно хотел быть настоящим королем, чтобы сделать счастливой свою большую страну. Бедный маленький бумажный король! Он забыл, что мало одного такого желания! Не бумажным королям с раскрашенной картинки быть повелителями миллионов людей… Так пусть же он довольствуется своей скромной долей привлекать искусно раскрашенной картинкой взоры прохожих.

Так говорили золотые звезды…

Иван Андреевич Крылов

Басни

Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.
…
Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и отроду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». – «Так это кум шль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». —
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав – судить не нам;

Да только воз и ныне там.

Собачья дружба

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом,
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом Ни на кого не лают днем —
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может, – говорит Полкан, – приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело». —
«А что же? это дело! – Барбос ответствует ему. —
Давно, Полканушка, мне больно самому,

Что, бывши одного двора с тобой собаки,

Мы дня не проживем без драки;

И из чего? Спасибо господам:

Ни голодно, ни тесно нам!

Притом же, право, стыдно:

Пес дружества слывет примером с давних дней.

А дружбы между псов, как будто меж людей,

Почти совсем не видно». —

«Явим же в ней пример мы в наши времена, —

Вскричал Полкан, – дай лапу!» – «Вот она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну целоваться;

Не знают с радости, к кому и приравняться:

«Орест мой!» – «Мой Пилад!» [8] Прочь свары [9] ,

зависть, злость!

Тут повар, на беду, из кухни кинул кость.

Вот новые друзья к ней взапуски несутся:

Где делся и совет и лад?

С Пил ад ом мой Орест грызутся, —

Лишь только клочья вверх летят;

Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей льзя [10] молвить, не греша.

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать – кажется, одна у них душа, —

А только кинь им кость, так что твои собаки!

Пословицы и поговорки о дружбе

Без беды друга не узнаешь.

Не бросай друга в несчастье.

Нет друга – ищи, нашел – береги.

Без друга в жизни туго.

Человек без друзей, что сокол без крыльев. Старый друг лучше новых двух.

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет, – говорит, – что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо!
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день,
Никто там ни садит, ни сеет;
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? Ну, право, был он с гору». —
«Что за диковина! – приятель отвечал. —
На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,

Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:

До половины не дойдет —

Провалится и в воду упадет;

Но кто не лжет,

Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете». —

«А какова у вас река?» —

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?» —

«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —

«Поверить трудно!

Однако ж, как ни чудно,

А все чуден и мост, по коем мы пойдем,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней еще весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо». —

«Ну, не такое еще диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за домы:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец…» —
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, —
Чем на мост нам идти, пощем лучше броду».

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней;
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.
Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она

просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту
Мышей в амбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится». —
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет:
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

Крестьянин и Работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо;
Все взапуски его ценят [11] ;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!
Старик Крестьянин с Батраком
Шел, под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя

носом к носу.

Крестьянин ахнуть не успел,

Как на него медведь насел.

Подмял Крестьянина, ворочает, ломает

И, где б его почать, лишь место выбирает;

Конец приходит старику.

«Степанушка родной, не выдай, милый!» —

Из-под медведя он взмолился Батраку,

Вот новый Геркулес [12] , со всей собравшись силой,

Что только было в нем,

Отнес полчерепа медведю топором

И брюхо проколол ему железной вил ой.

Медведь взревел и замертво упал;

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, – говорит, – за что?» – «За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

Трудолюбивый Медведь

Увидя, что мужик, трудяся над дугами,

Их прибыльно сбывает с рук

(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),

Медведь задумал жить такими же трудами.

Пошел по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное число,

А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
«В том, – отвечал сосед, —
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

Лисица и виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целый,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

Лев Николаевич Толстой

Как волки учат своих детей

Я шел по дороге и сзади себя услыхал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал. Я поглядел и увидал – по полю бегут два волка: один матерый, другой молодой. Молодой нес на спине зарезанного ягненка, а зубами держал его за ногу. Матерый волк бежал позади. Когда я увидал волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидал собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягненка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз. Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягненка, зарезал его и понес.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягненку. Старый отдал нести ягненка молодому волку, а сам налегке побежал возле. Только когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягненка.

Пожар

(Быль)

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцем и заснула. Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла [13] . Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала: «Глянь, Килюска, какую я печку вздула». Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал;

Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старший мальчик, Ваня (ему было восемь лет), был на улице. Когда он увидал, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спросонков ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом. Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня

услыхал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше: «Беги, сгоришь!» Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжел и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше: «Тащи его за голову!» – а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

Тетерев и лиса

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

– Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

– Спасибо на добром слове, – сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит:

– Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

– Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

– Или ты меня боишься? – сказала лисица.

– Не тебя, так других зверей боюсь, – сказал тетерев. – Всякие звери бывают.

– Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

– Вот это хорошо, – сказал тетерев, – а то вот собаки бегут, кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать.

– Куда ж ты? – сказал тетерев. – Ведь нынче указ, собаки не тронут.

– А кто их знает! – сказала лисица. – Может, они указа не слыхали.

И убежала.

Девочка и грибы

(Быль)

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, взлезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая – перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре: «Не ходи назад!»

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала: «Брось грибы!», а маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что сделалось с девочкой.

Когда поезд прошел, все увидали, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

Владимир Федорович Одоевский

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», – сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, – и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-Динь, – отвечал папенька и тронул пружинку…

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям – не из другой ли комнаты? и к часам – не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол… Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

– Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается…

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живет?

– Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки и валик, и колеса… Миша удивился: «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» – спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри

попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, – подумал Миша, – папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости».

– Извольте, с величайшею радостью!

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

– Позвольте узнать, – сказал Миша, – с кем я имею честь говорить?

– Динь-динь-динь, – отвечал незнакомец, – я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды – чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, – там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

– Динь-динь-динь! – отвечал мальчик. – Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда

мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Динь-динь-динь! – отвечал проводник, смеясь. – Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется маленьким, а подойдешь – большое.

– Да, это правда, – отвечал Миша, – я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь рисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!»

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

– Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите «динь-динь-динь»?

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал больше ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вкруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

– Нет, теперь уж меня не обманут, – сказал Миша. – Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

– Ан вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинакие. Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что, кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок. Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

– Весело вы живете, – сказал им Миша, – век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

– Динь-динь-динь! – закричали колокольчики. – Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялися. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья; но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы – ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкою.

– Да, – отвечал Миша, – вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру и сделается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься – всё не мило. Я долго не понимал; отчего это, а теперь понимаю.

– Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

– Какие же дядьки? – спросил Миша.

– Дядьки-молоточки, – отвечали колокольчики, – уж какие злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «Тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-

тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился им и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

– Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

– Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

– А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша – к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадется ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

– Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры? кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

– Это я, – храбро отвечал Миша, – я – Миша…

– А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

– Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают…

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стукают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры…

– Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! – думаю я. – Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы, сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее – и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

– Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

– Зиц-зиц-зиц, – отвечала царевна. – Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц. Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком – и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались… Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и… проснулся.

– Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

– Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был сон?

– Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам по крайней мере, что тебе приснилось!

– Да видите, папенька, – сказал Миша, протирая глазки, – мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерку растворилась… Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

– Ну, теперь вижу, – сказал папенька, – что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Детство Тёмы

I Неудачный день

Маленький восьмилетний Тема стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения.

Всего несколько минут тому назад, как он, проснувшись, помолился Богу, напился чаю, причем съел с аппетитом два куска хлеба с маслом, одним словом – добросовестным образом исполнивши все лежавшие на нем обязанности, вышел через террасу в сад в самом веселом, беззаботном расположении духа. В саду так хорошо было.

Он шел по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть начинающегося летнего утра, и с наслаждением осматривался.

Вдруг… Его сердце от радости и наслаждения сильно забилось… Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвел! Еще вчера папа внимательно его осматривал и сказал, что раньше недели не будет цвести. И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного не видал. Папа говорит, что когда гер Готлиб (главный садовник ботанического сада) увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всем этом, конечно, то, что никто другой, а именно он, Тема, первый увидел, что цветок расцвел. Он вбежит в столовую и крикнет во все горло:

– Махровый расцвел!

Папа бросит чай и с чубуком в руках, в своем военном вицмундире, сейчас же пройдет в сад. Он, Тема, будет бежать впереди и беспрестанно оглядываться: радуется ли папа?

Папа, наверное, сейчас же поедет к геру Готлибу, может, прикажет запрячь Гнедко, которого только что привели из деревни, Еремей (кучер, он же и дворник), высокий, одноглазый, добродушный и ленивый хохол, Еремей говорит, что Гнедко бегает так шибко, что ни одна лошадь в городе его не догонит. Еремей, конечно, знает это: он каждый день ездит на Гнедке верхом на водопой. И вот сегодня в первый раз запрягут Гнедко. Гнедко побежит скоро-скоро! Все погонятся за ним – куда! Гнедка и след простыл.

А вдруг папа и Тему возьмет с собой?! Какое счастие! Восторг переполняет маленькое сердце Темы. От мысли, что все это

счастие произошло от этого чудного, так неожиданно распустившегося цветка, в Теме просыпается нежное чувство к цветку.

– Ми-и-ленький! – говорит он, приседая на корточки, и тянется к нему губами.

Его поза самая неудобная и неустойчивая. Он теряет равновесие, протягивает руки и…

Все погибло! Боже мой, но как же это случилось?! Может быть, можно поправить? Ведь это случилось оттого, что он не удержался, упал. Если б он немножко, вот сюда, уперся рукой, цветок остался бы целым. Ведь это одно мгновение, одна секунда… Постойте!.. Но время не стоит. Тема чувствует, что его точно кружит что-то, что-то точно вырывает у него то, что хотел бы он удержать, и уносит на своих крыльях – уносит совершившийся факт, оставляя Тему одного с ужасным сознанием непоправимости этого совершившегося факта.

Какой резкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, беспощадной силой оторвало его вдруг сразу от всего!

Что из того, что так весело поют птички, что сквозь густую листву пробивается солнце, играя на мягкой земле веселыми светлыми пятнышками, что беззаботная мошка ползет по лепестку, вот остановилась, надувается, выпускает свои крылышки и собирается лететь куда-то, навстречу нежному, ясному дню?

Что из того, что когда-нибудь будет опять сверкать такое же веселое утро, которое он не испортит, как сегодня? Тогда будет другой мальчик, счастливый, умный, довольный. Чтоб добраться до этого другого, надо пройти бездну, разделяющую его от этого другого, надо пережить что-то страшное, ужасное. О, что бы он дал, чтобы все вдруг остановилось, чтобы всегда было это свежее, яркое утро, чтобы папа и мама всегда спали… Боже мой, отчего он такой несчастный? Отчего над ним тяготеет какой-то вечный неумолимый рок? Отчего он всегда хочет так хорошо, а выходит все так скверно и гадко?.. О, как сильно, как глубоко старается он заглянуть в себя, постигнуть причину этого. Он хочет ее понять, он будет строг и беспристрастен к себе… Он действительно дурной мальчик. Он виноват, и он должен искупить свою вину. Он заслужил наказание, и пусть его накажут. Что же делать? И он знает причину, он нашел ее! Всему виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали, и всегда руки. И он придет к отцу и прямо скажет ему:

– Папа, зачем тебе сердиться даром, я знаю теперь хорошо, кто виноват, – мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех

люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко.

Мальчику кажется, что его доводы так убедительны, так чистосердечны и ясны, что они должны подействовать.

Но цветок по-прежнему лежит на земле… Время идет… Вот отец, встающий раньше матери, покажется, увидит, все сразу поймет, загадочно посмотрит на сына и, ни слова не говоря, возьмет его за руку и поведет… Поведет, чтоб не разбудить мать, не через террасу, а через парадный ход, прямо в свой кабинет. Затворится большая дверь, и он останется с глазу на глаз с ним.

Ах, какой он страшный, какое нехорошее у него лицо… И зачем он молчит, не говорит ничего?! Зачем он расстегивает свой мундир?! Какой противный этот желтенький узенький ремешок, который виднеется в складке синих штанов его. Тема стоит и, точно очарованный, впился в этот ремешок. Зачем же он стоит? Он свободен, его никто не держит, он может убежать… Никуда он не убежит. Он будет мучительно-тоскливо ждать. Отец не спеша снимет этот гадкий ремешок, сложит вдвое, посмотрит на сына; лицо отца нальется кровью, и почувствует, бесконечно сильно почувствует мальчик, что самый близкий ему человек может быть страшным и чужим, что к человеку, которого он должен и хотел бы только любить до обожания, он может питать и ненависть, и страх, и животный ужас, когда прикоснутся к его щекам мягкие, теплые ляжки отца, в которых зажмется голова мальчика.

Маленький Тема, бледный, с широко раскрытыми глазами, стоял перед сломанным цветком, и все муки, весь ужас предстоящего возмездия ярко рисовались в его голове. Все его способности сосредоточились теперь на том, чтобы найти выход, выход во что бы то ни стало. Какой-то шорох послышался ему по направлению от террасы. Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснется мать, объяснить ей, как все это случилось, и тем отвратить предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тема; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу, – террасу, где вдруг он может увидать грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчас же поймет, в чем дело.

Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности. Он видит между деревьями большую площадку, посреди которой устроены качели и гимнастика и где

возвышается высокий, выкрашенный зеленой краской столб для гигантских шагов, видит сестер, бонну-немку. Он делает вольт в сторону, незаметно пригнувшись, торопливо пробирается в виноградник, огибает большой каменный сарай, выходящий в сад своими глухими стенами, перелезает ограду, отделяющую сад от двора, и наконец благополучно достигает кухни.

Здесь он только свободно вздыхает.

В закоптелой, обширной, но низкой кухне, устроенной в подвальном этаже, освещенный сверху маленькими окнами, все спокойно, все идет своим чередом.

Повар, в грязном белом фартуке, белокурый, ленивый, молодой, из бывших крепостных, Аким лениво собирается разводить плиту. Ему не хочется приниматься за скучную ежедневную работу, он тянет, хлопает дверцами печки, заглядывает в духовой ящик, внимательно осматривает, точно в первый раз видит конфорки, фыркает, брюзжит, двадцать раз их то сдвигает, то опять ставит на место…

На большом некрашеном столе в беспорядке валяются грязные тарелки. Горничная Таня, молодая девушка с длинной, еще нечесаной косой, торопливо обгладывает какую-то вчерашнюю холодную кость. Еремей в углу молча возится с концами упряжных ремней, бесконечно налаживая и пригоняя конец к концу, собираясь сшивать их приготовленными шилом и дратвой. Его жена, Настасья, толстая и грязная судомойка, громко и сердито перемывает тарелки, энергично хватая их со дна дымящейся теплой лоханки. Вытертые тарелки с шумом летят на рядом стоящую скамью. Рукава Настасьи засучены; здоровое белое тело на руках трясется при всяком ее движении, губы плотно сжаты, глаза сосредоточены и мечут искры.

Ровесник Темы – произведение Настасьи и Еремея – толстопузый рябой Иоська сидит на кровати, болтает ногами и пристает к матери, чтобы та дала ему грошик.

– Не дам, не дам, сто чертив твоей мами! – кричит отчаянно Настасья и еще плотнее стискивает свои губы, еще энергичнее сверкает глазами.

– Г-е?! – тянет Иоська плаксивую монотонную ноту. – Дай грошик.

– Отчипысь, прокляте! Будь ты скажено! – кричит Настасья, точно ее режут.

Тема с завистью смотрит на эти простые, несложные отношения. Вот она, кажется, и кричит и бранится, а не боится ее Иоська. Если мать и побить его захочет, – а Иоська отлично знает, когда она этого захочет, – он, вырвавшись, убежит во двор. Если мать и бросится за ним и, не догнав, станет кричать своим

громким голосом, так кричать, что живот ее то и дело будет подпрыгивать кверху: «Ходи сюда, бисова дытына!», то «бисова дытына» понимает, что ходить не следует, потому что его побьют, а так как ему именно этого не хочется, то он и не идет, но и не скрывается, инстинктивно сознавая, что очень раздражать не следует. Стоит Иоська где-нибудь поодаль и хнычет, лениво и притворно, а сам зорко следит за всяким движением матери; ноги у него расставлены, сам наклонился вперед, вот-вот готов дать нового стрекача.

Мать постоит, постоит, еще сто чертей посулит себе и уйдет в кухню. Иоська фланирует, развлекается, шалит, но голод заставляет его наконец возвратиться в кухню. Подойдет к двери и пустит пробный шар:

– Г-е?!

Это нечто среднее между нахальным требованием и просьбой о помиловании, между хныканьем и криком.

– Только взойды, бодай тебе чертяка взяла! – несется из кухни.

– Г-е?! – настойчивее и смелее повторяет Иоська.

Кончается все это тем, что дверь с шумом растворяется, Иоська с быстротой ветра улепетывает подальше, на пороге появляется грозная мать с первым попавшимся поленом в руках, которое летит вдогонку за блудным сыном.

Дело уже Иоськи увернуться от полена, но после этого путь к столу с объедками барской еды считается свободным. Иоська сразу сбрасывает свой скромный облик и с видом делового человека, которому некогда тратить время на пустые формальности, прямо и смело направляется к столу.

Если по дороге он все-таки получал иной раз легкую затрещину – он за этим не гнался и, огрызнувшись каким-нибудь упрямым звуком вроде «у-у!», энергично принимался за еду.

– Иеремей, Буланку закладывай! – кричит сверху нянька. – В дрожки!

– Кто едет? – кричит снизу встрепенувшийся Тема.

– Папа и мама в город.

Это целое событие.

– Скоро едут? – спрашивает Тема.

– Одеваются.

Тема соображает, что отец торопится, значит, перед отъездом в сад не пойдет, и, следовательно, до возвращения родителей он свободен от всяких взысканий. Он чувствует мгновенный подъем духа и вдохновенно кричит:

– Иоська, играться!

Он выбегает снова в сад и теперь смело и уверенно

направляется к сестрам.

– Будем играться! – кричит он, подбегая. – В индейцев?!

И Тема от избытка чувств делает быстрый прыжок перед сестрами.

Пока бонна и сестры, под предводительством старшей сестры Зины, обсуждают его предложение, он уже рыщет, отыскивая подходящий материал для луков. Бежать к изгороди слишком далеко, хочется скорей, сейчас… Тема выхватывает несколько прутьев, почему-то торчавших из бочки, пробует их гибкость, но они ломаются, не годятся.

– Тема! – раздается дружный вопль.

Тема замирает на мгновенье.

– Это папины лозы! Что ты сделал?!

Но Тема уже все и без этого сообразил: у него вихрем мелькает сознание необходимости протянуть время до отъезда, и он небрежно кричит:

– Знаю, знаю, папа приказал их выбросить – они не годятся!

И для большей убедительности он подбирает поломанные лозы и с помощью Иоськи несет их на черный двор. Зина подозрительно провожает его глазами, но Тема искусно играет свою роль, идет тихо, не спеша вплоть до самой калитки. Но за калиткой он быстро бросает лозы; отчаянье охватывает его. Он стремительно бежит, бежит от мрачных мыслей тяжелой развязки, от туч, неизвестно откуда скопляющихся над его горизонтом. Одно с мучительной ясностью стоит в голове: поскорее бы отец и мать уезжали.

Еремей с озабоченным видом стоит около дрожек, нерешительно чешет спину, мрачно смотрит на немытый экипаж, на засохшую грязь и окончательно теряется от мысли, что теперь делать: начинать ли мыть, подмазывать ли, или уж так запрягать. Тема волнуется, хлопочет, тащит хомут, понуждает Еремея выводить лошадь, и Еремей под таким энергичным давлением начинает наконец запрягать.

– Не так, панычику, не так, – громко замечает флегматичный Еремей, тяготясь этой суетливой, бурной помощью.

Теме кажется, что время идет невыносимо медленно.

Наконец, экипаж готов.

Еремей надевает свой кучерской парусиновый кафтан с громадным сальным пятном на животе, клеенчатую с поломанными полями шляпу, садится на козлы, трогает, задевает обязательно за ворота, отделяющие грязный двор от чистого, и подкатывает к крыльцу.

Время бесконечно тянется. Отчего они не выходят? Вдруг не поедут?! Тема переживает мучительные минуты. Но вот парадные

двери отворяются, выходят отец с матерью.

Отец, седой, хмурый по обыкновению, в белом кителе, что-то озабоченно соображает; мать в кринолине, черных нитяных перчатках без пальцев, в шляпе с широкими черными лентами. Сестры бегут из сада. Мать наскоро крестит и целует их и спохватывается о Теме; сестры ищут его глазами, но Тема с Иоськой притаились за углом, и сестры говорят матери, что Тема в саду.

– Будьте с ним ласковы.

Тема, благоразумно решивший было не показываться, стремительно выскакивает из засады и стремительно бросается к матери. Если бы не отец, он сейчас бы ей все рассказал. Но он только особенно горячо целует ее.

– Ну, довольно! – говорит ласково мать и смутно соображает, что совесть Темы не совсем чиста.

Но мысль о забытых ключах отвлекает ее.

– Ключи, ключи! – говорит она, и все стремительно бросаются в комнаты за ключами.

Отец пренебрежительно косится на ласки сына и думает, что это воспитание выработает в конце концов из его сына какую-то противную слюнявку. Он срывает свое раздражение на Еремее.

– Буланка опять закована на правую переднюю ногу? – говорит он.

Еремей перегибается с козел и внимательно всматривается в отставленную ногу Буланки.

Тема озабоченно следит за ними глазами. Еремей прокашливается и говорит каким-то поперхнувшимся голосом:

– Мабуть, оступывся.

Ложь возмущает и бесит отца.

– Болван! – говорит он, точно выстреливает из ружья.

Еремей энергично откашливается, ерзает на козлах и молчит.

Тема не понимает, за что отец бранит Еремея, и тоскливое чувство охватывает его.

– Размазня, лентяй! Грязь развел такую, что сесть нельзя.

Тема быстро окидывает взглядом экипаж.

Еремей невозмутимо молчит. Тема видит, что Еремею нечего сказать, что отец прав, и, облегченно вздыхая, чувствует удовлетворение за отца.

Ключи принесли, мать и отец сидят в экипаже, Еремей подобрал вожжи, Настасья стоит у ворот.

– Трогай! – приказывает отец.

Мать крестит детей и говорит: «Тема, не шали», и экипаж торжественно выкатывается на улицу. Когда же он исчезает из глаз, Тема вдруг ощущает такой прилив радости, что ему хочется

выкинуть что-нибудь такое, чтобы все, все – и сестры, и бонна, и Настасья, и Иоська – так и ахнули. Он стоит, несколько мгновений ищет в уме чего-нибудь подходящего и ничего другого не может придумать, как, стремглав выбежав на улицу, перерезать дорогу какому-то несущемуся экипажу. Раздается общий отчаянный вопль:

– Тема, Тема, куда?!

– Тема-а! – несется пронзительный крик бонны и достигает чуткого уха матери.

Из облака пыли вдруг раздается голос матери, сразу все понявшей:

– Тема, домой!

Тема, успевший пробежать до половины дороги, останавливается, зажимает обеими руками рот, на мгновение замирает на месте, затем стремглав возвращается назад.

– А хочешь, я на Гнедке верхом поеду, как Еремей?! – мелькает в голове Темы новая идея, с которой он обращается к Зине.

– Ну да! Тебя Гнедко сбросит! – говорит пренебрежительно Зина.

Этого совершенно достаточно, чтоб у Темы явилось непреодолимое желание привести в исполнение свой план. Его сердце усиленно бьется и замирает от мысли, как поразятся все, когда увидят его верхом на Гнедке, и, выждав момент, он лихорадочно шепчет что-то Иоське. Они оба незаметно исчезают.

Препятствий нет.

В опустелой конюшне раздается ленивая, громкая еда Гнедка. Тема дрожащими руками торопливо отвязывает повод. Красивый жеребец Гнедко пренебрежительно обнюхивает маленькую фигурку и нехотя плетется за тянущим его изо всей силы Темой.

– Но, но, – возбужденно понукает его Тема, стараясь губами делать, как Еремей, когда тот выводит лошадь. Но от этого звука лошадь пугается, фыркает, задирает голову и не хочет выходить из низких дверей конюшни.

– Иоська, подгони ее сзади! – кричит Тема.

Иоська лезет между ног лошади, но в это время Тема опять кричит ему:

– Возьми кнут!

Получив удар, Гнедко стрелой вылетает из конюшни и едва не вырывается из рук Темы.

Тема замечает, что Гнедко от удара кнутом взял сразу в галоп, и приказывает Иоське, когда он сядет, снова ударить лошадь.

Иоське одно удовольствие лишний раз хлестнуть лошадь.

Гнедко торжественно выводится с черного на чистый двор и подтягивается к близстоящей водовозной бочке. В последний момент к Иоське возвращается благоразумие.

– Упадете, панычику! – нерешительно говорит он.

– Ничего, – отвечает Тема с пересохшим от волнения горлом. – Ты только, как я сяду, крепко ударь ее, чтоб она сразу в галоп пошла. Тогда легко сидеть!

Тема, стоя на бочке, подбирает поводья, опирается руками на холку Гнедка и легко вспрыгивает ему на спину.

– Дети, смотрите! – кричит он, захлебываясь от удовольствия.

– Ай, ай, смотрите! – в ужасе взвизгивают сестры, бросаясь к ограде.

– Бей! – командует, не помня себя от восторга, Тема.

Иоська из всей силы вытягивает кнутом жеребца. Лошадь, как ужаленная, мгновенно подбирается и делает первый непроизвольный скачок к улице, куда мордой она была поставлена, но затем, сообразив, она взвивается на дыбы, круто на задних ногах делает поворот и полным карьером несется назад в конюшню.

Теме, каким-то чудом удержавшемуся при этом маневре, некогда рассуждать. Перед ним ворота черного двора; он вовремя успевает наклонить голову, чтобы не разбить ее о перекладину, и вихрем влетает на черный двор.

Здесь ужас его положения обрисовывается ему с неумолимою ясностью.

Он видит в десяти саженях перед собой высокую каменную стену конюшни и маленькую темную отворенную дверь и сознает, что разобьется о стену, если лошадь влетит в конюшню. Инстинкт самосохранения удесятеряет его силы, он натягивает, как может, левый повод, лошадь сворачивает с прямого пути, налетает на торчащее дышло, спотыкается, падает с маху на землю, а Тема летит дальше и распластывается у самой стены, на мягкой, теплой куче навоза. Лошадь вскакивает и влетает в конюшню. Тема тоже вскакивает, запирает за нею дверь и оглядывается.

Теперь, когда все благополучно миновало, ему хочется плакать, но он видит в воротах бонну, сестер и соображает по их вытянувшимся лицам, что они все видели. Он бодрится, но руки его дрожат; на нем лица нет, улыбка выходит какой-то жалкой, болезненной гримасой.

Град упреков сыплется на его голову, но в этих упреках он чувствует некоторое уважение к себе, удивление к его молодечеству и мирится с упреками. Непривычная мягкость, с какой Тема принимает выговоры, успокаивает всех.

– Ты испугался? – пристает к нему Зина. – Ты бледен, как

стена, выпей воды, помочи голову.

Тему торжественно ведут опять к бочке и мочат голову. Между ним, бонной и сестрой устанавливаются дружеские, миролюбивые отношения.

– Тема, – говорит ласково Зина, – будь умным мальчиком, не распускай себя. Ты ведь знаешь свой характер, ты видишь: стоит тебе разойтись, тогда уж ты не удержишь себя и наделаешь чего-нибудь такого, чему и сам не будешь рад потом.

Зина говорит ласково, мягко, – просит.

Теме это приятно, он сознает, что в словах сестры все – голая правда, и говорит:

– Хорошо, я не буду шалить.

Но маленькая Зина, хотя на год всего старше своего брата, уже понимает, как тяжело будет брату сдержать свое слово.

– Знаешь, Тема, – говорит она как можно вкрадчивее, – ты лучше всего дай себе слово, что ты не будешь шалить. Скажи: любя папу и маму, я не буду шалить.

Тема морщится.

– Тема, тебе же лучше! – подъезжает Зина. – Ведь никогда еще папа и мама не приезжали без того, чтобы не наказать тебя. И вдруг приедут сегодня и узнают, что ты не шалил.

Просительная форма подкупает Тему.

– Как люблю папу и маму, я не буду шалить.

– Ну, вот умница, – говорит Зина. – Смотри же, Тема, – уже строгим голосом продолжает сестра, – грех тебе будет, если ты обманешь. И даже потихоньку нельзя шалить, потому что Господь все видит, и если папа и мама не накажут, Бог все равно накажет.

– Но играться можно?

– Все то можно, что фрейлейн скажет: можно, а что фрейлейн скажет: нельзя, то уже грех.

Тема недоверчиво смотрит на бонну и насмешливо спрашивает:

– Значит, фрейлейн святая?

– Вот видишь, ты уж глупости говоришь! – замечает сестра.

– Ну, хорошо! будем играться в индейцев! – говорит Тема.

– Нет, в индейцев опасно без мамы, ты разойдешься.

– А я хочу в индейцев! – настаивает Тема, и в его голосе слышится капризное раздражение.

– Ну, хорошо! – спроси у фрейлейн, ведь ты обещал, как папу и маму любишь, слушаться фрейлейн?

Зина становится так, чтобы только фрейлейн видела ее лицо, а Тема – нет.

– Фрейлейн, правда в индейцев играть не надо?

Тема все же таки видит, как Зина делает невозможные

гримасы фрейлейн; он смеется и кричит:

– Э, так нельзя!

Он бросается к фрейлейн, хватает ее за платье и старается повернуть от сестры. Фрейлейн смеется.

Зина энергично подбегает к брату, кричит: «Оставь фрейлейн», а сама в то же время старается стать так, чтобы фрейлейн видела ее лицо, а брат не видел. Тема понимает маневр, хохочет, хватает за платье сестру и делает попытку поворотить ее лицо к себе.

– Пусти! – отчаянно кричит сестра и тянет свое платье.

Тема еще больше хохочет и не выпускает сестриного платья, держась другой рукой за платье бонны. Зина вырывается изо всей силы. Вдруг юбка фрейлейн с шумом разрывается пополам, и взбешенная бонна кричит:

– Думмер кнабе!.. [14]

Тема считает, что, кроме матери и отца, никто не смеет его ругать. Озадаченный и сконфуженный неожиданным оборотом дела, но возмущенный, он, не задумываясь, отвечает:

– Ты сама!

– Ах! – взвизгивает фрейлейн.

– Тема, что ты сказал?! – подлетает сестра. – Ты знаешь, как тебе за это достанется?! Проси сейчас прощения!!

Но требование – плохое оружие с Темой; он окончательно упирается и отказывается просить прощения. Доводы не действуют.

– Так ты не хочешь?! – угрожающим голосом спрашивает Зина.

Тема трусит, но самолюбие берет верх.

– Так вот что, уйдем от него все, пусть он один остается.

Все, кроме Иоськи, уходят от Темы.

Сестра идет и беспрестанно оглядывается: не раскается ли Тема. Но Тема явного раскаяния не обнаруживает. Хотя сестра и видит, что Тему кошки скребут, но этого, по ее мнению, мало. Ее раздражает упорство Темы. Она чувствует, что еще капельку – и Тема сдастся. Она быстро возвращается, хватает Иоську за рукав и говорит повелительно:

– Уходи и ты, пусть он совсем один останется.

Неудачный маневр.

Тема кидается на нее, толкает так, что она летит на землю, и кричит:

– Убирайся к черту!

Зина испускает страшных вопль, поднимается на руки, некоторое время не может продолжать кричать от схвативших ее горловых спазм и только судорожно поводит глазами.

Тема в ужасе пятится. Зина испускает наконец новый отчаянный крик, но на этот раз Теме кажется, что крик не совсем естественный, и он говорит:

– Притворяйся, притворяйся!

Зину поднимают и уводят; она хромает. Тема внимательно следит и остается в мучительной неизвестности: действительно ли Зина хромает или только притворяется.

– Пойдем, Иоська! – говорит он, подавляя вздох.

Но Иоська говорит, что он боится и уйдет на кухню.

– Иоська, – говорит Тема, – не бойся; я все сам расскажу маме.

Но кредит Темы в глазах Иоськи подорван. Он молчит, и Тема чувствует, что Иоська ему не верит. Тема не может остаться без поддержи! друга в такую тяжелую для себя минуту.

– Иоська, – говорит он взволнованно, – если ты не уйдешь от меня, я после завтрака принесу тебе сахару.

Это меняет положение вещей.

– Сколько кусков? – спрашивает нерешительно Иоська.

– Два, три, – обещает Тема.

– А куда пойдем?

– За горку! – отвечает Тема, выбирая самый дальний угол сада. Он понимает, что Иоська не желал бы теперь встретиться с барышнями.

Они огибают двор, перелезают ограду и идут по самой отдаленной дорожке.

Тема взволнован и переполнен всевозможными чувствами.

– Иоська, – говорит он, – какой ты счастливый, что у тебя нет сестер! Я хотел бы, чтобы у меня ни одной сестры не было. Если б они умерли все вдруг, я ни капельки не плакал бы о них. Знаешь: я попросил бы, чтобы тебя сделали моим братом. Хорошо?!

Иоська молчит.

– Иоська, – продолжает Тема, – я тебя ужасно люблю… так люблю, что, что хочешь со мной делай…

Тема напряженно думает, чем доказать Иоське свою любовь.

– Хочешь, зарой меня в землю… или, хочешь, плюнь на меня.

Иоська озадаченно глядит на Тему.

– Милый, голубчик, плюнь… Милый, дорогой…

Тема бросается Иоське на шею, целует его, обнимает и умоляет плюнуть.

После долгих колебаний Иоська осторожно плюет на кончик Теминой рубахи.

Край рубахи с плевком Тема поднимает к лицу и растирает по своей щеке.

Иоська пораженно и сконфуженно смотрит…

Тема убежденно говорит:

– Вот… вот как я тебя люблю!

Друзья подходят к кладбищенской стене, отделяющей дом от старого, заброшенного кладбища.

– Иоська, ты боишься мертвецов? – спрашивает Тема.

– Боюсь, – говорит Иоська.

Тема предпочел бы похвастаться тем, что он ничего не боится, потому что его отец ничего не боится и что он хочет ничего не бояться, но в такую торжественную минуту он чистосердечно признается, что тоже боится.

– Кто ж их не боится? – разражается красноречивой тирадой Иоська. – Тут хоть самый первый генерал приди, как они ночью повылазят да рассядутся по стенкам, так и тот убежит. Всякий убежит. Тут побежишь, как за ноги да за плечи тебя хватать станет или вскочит на тебя, да и ну колотить ногами, чтобы вез его, да еще перегнется, да зубы и оскалит; у другого половина лица выгнила, глаз нет. Тут забоишься! Хоть какой, и то…

– Артемий Николаич, завтракать! – раздается по саду молодой, звонкий голос горничной Тани.

Из-за деревьев мелькает платье Тани.

– Пожалуйте завтракать, – говорит горничная, ласково и фамильярно обхватывая Тему.

Таня любит Тему. Она в чистом, светлом ситцевом платье; от нее несет свежестью, густая коса ее аккуратно расчесана, добрые карие глаза смотрят весело и мягко.

Она дружелюбно ведет за плечи Тему, наклоняется к его уху и веселым шепотом говорит:

– Немка плакала!

Немку, несмотря на ее полную безобидность, прислуга не любит.

Тема вспоминает, что в его столкновении с бонной у него союзники вся дворня, – это ему приятно, он чувствует подъем духа.

– Она назвала меня дураком, разве она смеет?

– Конечно, не смеет. Папаша ваш генерал, а она что? Дрянь какая-то. Зазналась.

– Правда, когда я маме скажу все – меня не накажут?

Таня не хочет огорчать Тему; она еще раз наклоняется и еще раз его целует, гладит его густые золотистые волосы.

За завтраком обычная история. Тема почти ничего не ест. Перед ним лежит на тарелке котлетка, он косится на нее и лениво пощипывает хлеб. Так как с ним никто не говорит, то обязанность уговаривать его есть добровольно берет на себя Таня.

– Артемий Николаевич, кушайте!

Тема только сдвигает брови.

В Зине борется гнев к Теме с желанием, чтобы он ел.

Она смотрит в окошко и, ни к кому особенно не обращаясь, говорит:

– Кажется, мама едет!

– Артемий Николаич, скорей кушайте, – шепчет испуганно Таня.

Тема в первое мгновение поддается на удочку и хватает вилку, но, убедившись, что тревога ложная, опять кладет вилку на стол.

Зина снова смотрит в окно и замечает:

– После завтрака всем, кто хорошо ел, будет сладкое.

Теме хочется сладкого, но не хочется котлеты.

Он начинает привередничать. Ему хочется налить на котлетку прованского масла.

Таня уговаривает его, что масло не идет к котлетке.

Но ему именно так хочется, и, так как ему не дают судка с маслом, он сам лезет за ним. Зина не выдерживает: она не может переваривать его капризов, быстро вскакивает, хватает судок с маслом и держит его в руке под столом.

Тема садится на место и делает вид, что забыл о масле. Зина зорко следит и наконец ставит судок на стол, возле себя. Но Тема улавливает подходящий момент, стремительно бросается к судку. Зина схватывает с другой стороны, и судок летит на пол, разбиваясь вдребезги.

– Это ты! – кричит сестра.

– Нет, ты!

– Это тебя Бог наказал за то, что ты папу и маму не любишь.

– Неправда, я люблю! – кричит Тема.

– Ласен зи инен [15] , – говорит бонна и встает из-за стола.

За ней встают все, и начинается раздача пастилы. Когда очередь доходит до Темы, бонна колеблется. Наконец она отламывает меньшую против других порцию и молча кладет перед Темой.

Тема возмущенно толкает свою порцию, и она летит на пол.

– Очень мило, – говорит Зина. – Мама все будет знать!

Тема молчит и начинает ходить по комнате. Зину интересует: отчего сегодня Тема не убегает, по обыкновению, сейчас после завтрака. Сначала она думает, что Тема хочет просить прощения у бонны, и уже вступает в свои права: она доказывает, что теперь уже поздно, что после этого сделано еще столько…

– Убирайся вон! – перебивает грубо Тема.

– И это мама будет знать! – говорит Зина и окончательно становится в тупик: зачем он не уходит?

Тема продолжает упорно ходить по комнате и наконец достигает своего: все уходят, он остается один. Тогда он мгновенно кидается к сахарнице и запускает в нее руку…

Дверь отворяется. На пороге появляются бонна и Зина. Он бросает сахарницу и стремглав выскакивает на террасу.

Теперь все погибло! Такой поступок, как воровство, даже мать не простит!

К довершению несчастия собирается гроза. По небу полезли со всех сторон тяжелые грозовые тучи; солнце исчезло; как-то сразу потемнело: в воздухе запахло дождем. Ослепительной змейкой блеснула молния, над самой головой оглушительными раскатами прокатился гром. На минуту все стихло, точно притаилось, выжидая. Что-то зашумело – ближе, ближе, и первые тяжелые, большие капли дождя упали на землю. Через несколько мгновений все превратилось в сплошную серую массу. Целые реки полились сверху. Была настоящая южная гроза.

Волей-неволей надо бежать в комнаты, и так как вход туда Иоське воспрещен, то Теме приходится остаться одному, наедине со своими грустными мыслями.

Скучно. Время бесконечно тянется.

Тема уселся на окне в детской и уныло следил, как потоки воды стекали по стеклам, как постепенно двор наполнялся лужами, как бульки и пузыри точно прыгали по мутной и грязной поверхности.

– Артемий Николаич, кушать хотите? – спросила, появляясь в дверях, Таня.

Теме давно хотелось есть, но ему было лень оторваться.

– Хорошо, только сюда принеси хлеба и масла.

– А котлетку?

Тема отрицательно замотал головой.

В ожидании Тема продолжал смотреть в окно. Потому ли, что ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, потому ли, что ему было скучно и он придумывал, чем бы ему еще развлечься, или, наконец, по общечеловеческому свойству вспоминать о своих друзьях в тяжелые минуты жизни, Тема вдруг вспомнил о своей Жучке. Он вспомнил, что целый день не видал ее. Жучка никогда никуда не отлучалась.

Теме пришли вдруг в голову таинственные недружелюбные намеки Акима, не любившего Жучку за то, что она таскала у него провизию. Подозрение закралось в его душу. Он быстро слез с окна, пробежал детскую, соседнюю комнату и стал спускаться по крутой лестнице, ведущей в кухню. Этот ход был строго-настрого воспрещен Теме (за исключением, когда бралась ванна), ввиду возможности падения, но теперь Теме было не до того.

– Аким, где Жучка? – спросил Тема, войдя в кухню.

– А я откуда знаю? – отвечал Аким, тряхнув своими курчавыми волосами.

– Ты не убивал ее?

– Ну вот, стану я руки марать об этакую дрянь.

– Ты говорил, что убьешь ее?

– Ну! А вы и поверили? так, шутил.

И, помолчав немного, Аким проговорил самым естественным голосом:

– Лежит где-нибудь, притаившись от дождя. Да вы разве ее не видали сегодня?

– Нет, не видал.

– Не знаю. Польстился разве кто, украл?

Тема было совсем поверил Акиму, но последнее предположение опять смутило его.

– Кто же ее украдет? Кому она нужна? – спросил он.

– Да никому, положим, – согласился Аким. – Дрянная собачонка.

– Побожись, что ты ее не убил! – И Тема впился глазами в Акима.

– Да что вы, панычику? Да ей-богу же я ее не убивал! Что ж вы мне не верите?

Теме стало неловко, и он проговорил, ни к кому особенно не обращаясь:

– Куда ж она девалась?

И так как ответа никакого не последовало, то Тема, оглянувши еще раз Акима и всех присутствовавших, причем заметил лукавый взгляд Иоськи, свесившегося с печки и с любопытством наблюдавшего всю сцену, возвратился наверх.

Он опять уселся на окно в детской и все думал: куда могла деваться Жучка?

Перед ним живо рисовалась Жучка, тихая, безобидная Жучка, и мысль, что ее могли убить, наполнила его сердце такой горечью, что он не выдержал, отворил окно и стал звать изо всей силы:

– Жучка, Жучка! На, на, на! Цу-цу! Цу-цу! Фью, фью, фью!

В комнату ворвался шум дождя и свежий сырой воздух. Жучка не отзывалась.

Все неудачи дня, все пережитые невзгоды, все предстоящие ужасы и муки, как возмездие за сделанное, отодвинулись на задний план перед этой новой бедой: лишиться Жучки.

Мысль, что он больше не увидит своей курчавой Жучки, не увидит больше, как она при его появлении будет жалостно визжать и ползти к нему на брюхе, мысль, что, может быть, уже

больше ее нет на свете, переполняла душу Темы отчаянием, и он тоскливо продолжал кричать:

– Жучка! Жучка!

Голос его дрожал и вибрировал, звучал так нежно и трогательно, что Жучка должна была отозваться.

Но ответа не было.

Что делать?! Надо немедленно искать Жучку.

Вошедшая Таня принесла хлеб.

– Подожди, я сейчас приду.

Тема опять спустился по лестнице, которая вела на кухню, осторожно пробрался мимо дверей, узким коридором достиг выхода, некоторое время постоял в раздумье и выбежал во двор.

Осмотрев черный двор, он заглянул во все любимые закоулки Жучки, но Жучки нигде не было. Последняя надежда! Он бросился к воротам заглянуть в будку цепной собаки. Но у самых ворот Тема услышал шум колес подъехавшего экипажа и, прежде чем что-нибудь сообразить, столкнулся лицом к лицу с отцом, отворявшим калитку. Тема опрометью бросился к дому.

II Наказание

Коротенькое следствие обнаруживает, по мнению отца, полную несостоятельность системы воспитания сына. Может быть, для девочек она и годится, но натуры мальчика и девочки – вещи разные. Он по опыту знает, что такое мальчик и чего ему надо. Система?! Дрянь, тряпка, негодяй выйдет по этой системе. Факты налицо, грустные факты – воровать начал. Чего еще дожидаться?! Публичного позора?! Так прежде он сам его своими руками задушит. Под тяжестью этих доводов мать уступает, и власть на время переходит к отцу.

Двери кабинета плотно затворяются.

Мальчик тоскливо, безнадежно оглядывается. Ноги его совершенно отказываются служить, он топчется, чтобы не упасть. Мысли вихрем, с ужасающей быстротой несутся в его голове. Он напрягается изо всех сил, чтобы вспомнить то, что он хотел сказать отцу, когда стоял перед цветком. Надо торопиться. Он глотает слюну, чтобы смочить пересохшее горло, и хочет говорить прочувствованным, убедительным тоном:

– Милый папа, я придумал… я знаю, что я виноват… Я придумал: отруби мои руки!..

Увы! то, что казалось так хорошо и убедительно там, когда он стоял пред сломанным цветком, здесь выходит очень неубедительно. Тема чувствует это и прибавляет для усиления впечатления новую, только что пришедшую ему в голову комбинацию:

– Или отдай меня разбойникам!

– Ладно, – говорит сурово отец, окончив необходимые приготовления и направляясь к сыну. – Расстегни штаны…

Это что-то новое?! Ужас охватывает душу мальчика; руки его, дрожа, разыскивают торопливо пуговицы штанишек; он испытывает какое-то болезненное замирание, мучительно роется в себе, что еще сказать, и наконец голосом, полным испуга и мольбы, быстро, несвязно и горячо говорит:

– Милый мой, дорогой, голубчик… Папа! Папа! Голубчик… Папа, милый папа, постой! Папа?! Ай, ай, ай! Аяяяй!..

Удары сыплются. Тема извивается, визжит, ловит сухую, жилистую руку, страстно целует ее, молит. Но что-то другое рядом с мольбой растет в его душе. Не целовать, а бить, кусать хочется ему эту противную, гадкую руку. Ненависть, какая-то дикая, жгучая злоба охватывает его.

Он бешено рвется, но железные тиски еще крепче сжимают его.

– Противный, гадкий, я тебя не люблю! – кричит он с бессильной злобой.

– Полюбишь!

Тема яростно впивается зубами в руку отца.

– Ах ты змееныш?!

И ловким поворотом Тема на диване, голова его в подушке. Одна рука придерживает, а другая продолжает хлестать извивающегося, рычащего Тему.

Удары глухо сыплются один за другим, отмечая рубец за рубцом на маленьком посинелом теле.

С помертвелым лицом ждет мать исхода, сидя одна в гостиной. Каждый вопль рвет ее за самое сердце, каждый удар терзает до самого дна ее душу.

Ах! Зачем она опять дала себя убедить, зачем связала себя словом не вмешиваться и ждать?

Но разве он смел так связать ее словом?! И, наконец, он сам увлекающийся, он может не заметить, как забьет мальчика! Боже мой! Что это за хрип?!

Ужас наполняет душу матери.

– Довольно, довольно! – кричит она, врываясь в кабинет. – Довольно!!.

– Полюбуйся, каков твой звереныш! – сует ей отец прокушенный палец.

Но она не видит этого пальца. Она с ужасом смотрит на диван, откуда слезает в это время растрепанный, жалкий, огаженный звереныш и дико, с инстинктом зверя, о котором на минуту забыли, пробирается к выходу. Мучительная боль пронизывает мать. Горьким чувством звучат ее слова, когда она

говорит мужу:

– И это воспитание?! Это знание натуры мальчика?! Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство – это воспитание?!

Желчь охватывает ее. Вся кровь приливает к ее сердцу. Острой, тонкой сталью впивается ее голос в мужа.

– О жалкий воспитатель! Щенков вам дрессировать, а не людей воспитывать!

– Вон! – ревет отец.

– Да, я уйду, – говорит мать, останавливаясь в дверях, – но объявляю вам, что через мой труп вы перешагнете, прежде чем я позволю вам еще раз высечь мальчика.

Отец не может прийти в себя от неожиданности и негодования. Не скоро успокаивается он и долго еще мрачно ходит по комнате, пока наконец не останавливается возле окна, рассеянно всматривается в заволакиваемую ранними сумерками серую даль и возмущенно шепчет:

– Ну, извольте вы тут с бабами воспитывать мальчика!

III Прощение

В то же время мать проходит в детскую, окидывает ее быстрым взглядом, убеждается, что Темы здесь нет, идет дальше, пытливо всматривается на ходу в отворенную дверь маленькой комнаты, замечает в ней маленькую фигурку Темы, лежащего на диване с уткнувшимся лицом, проходит в столовую, отворяет дверь в спальную и сейчас же плотно затворяет ее за собой.

Оставшись одна, она тоже подходит к окну, смотрит и не видит темнеющую улицу. Мысли роем носятся в ее голове.

Пусть Тема так и лежит, пусть придет в себя, надо его теперь совершенно предоставить себе… Белье бы переменить… Ах, боже мой, боже мой, какая страшная ошибка, как могла она допустить это! Какая гнусная гадость! Точно ребенок сознательный негодяй! Как не понять, что если он делает глупости, шалости, то делает только потому, что не видит дурной стороны этой шалости. Указать ему эту дурную сторону, не с своей, конечно, точки зрения взрослого человека, с его, детской, не себя убедить, а его убедить, задеть самолюбие, опять-таки его детское самолюбие, его слабую сторону, суметь добиться этого – вот задача правильного воспитания.

Сколько времени надо, пока все это опять войдет в колею, пока ей удастся опять подобрать все эти тонкие, неуловимые нити, которые связывают ее с мальчиком, нити, которыми она втягивает, так сказать, этот живой огонь в рамки повседневной жизни, втягивает, щадя и рамки, щадя и силу огня – огня, который со временем ярко согреет жизнь соприкоснувшихся с

ним людей, за который тепло поблагодарят ее когда-нибудь люди. Он, муж, конечно, смотрит с точки зрения своей солдатской дисциплины, его самого так воспитывали, ну и сам он готов сплеча обрубить все сучки и задоринки молодого деревца, обрубить, даже не сознавая, что рубит с ними будущие ветки…

Няня маленькой Ани просовывает свою по-русски повязанную голову.

– Аню перекрестить…

– Давай! – И мать крестит девочку.

– Артемий Николаевич в комнате? – спрашивает она няню.

– Сидят у окошка.

– Свечка есть?

– Потушили. Так в темноте сидят.

– Заходила к нему?

– Заходила… Куды!.. Эх!.. – Но няня удерживается, зная, что барыня не любит нытья.

– А больше никто не заходил?

– Таня еще… кушать носила.

– Ел?

– И-и! Боже упаси, и смотреть не стал… Целый день не емши. За завтраком маковой росинки не взял в рот.

Няня вздыхает и, понижая голос, говорит:

– Белье бы ему переменить да обмыть… Это ему, поди, теперь пуще всего зазорно…

– Ты говорила ему о белье?

– Нет… Куда!.. Как только наклонилась было, а он этак плечиками как саданет меня… Вот Таню разве послушает…

– Ничего не надо говорить… Никто ничего не замечайте… Прикажи, чтобы приготовили обе ванны поскорее для всех, кроме Ани… Позови бонну… Смотри, никакого внимания…

– Будьте спокойны, – говорит сочувствующим голосом няня.

Входит фрейлейн.

Она очень жалеет, что все так случилось, но с мальчиком ничего нельзя было сделать…

– Сегодня дети берут ванну, – сухо перебивает мать. – Двадцать два градуса.

– Зер гут [16] , мадам, – говорит фрейлейн и делает книксен.

Она чувствует, что мадам недовольна, но ее совесть чиста.

Она не виновата; фрейлейн Зина свидетельница, что с мальчиком нельзя было справиться. Мадам молчит: бонна знает, что это значит. Это значит, что ее оправдания не приняты.

Хотя она очень дорожит местом, но ее совесть спокойна. И, в сознании своей невинности, она скромно, но с чувством оскорбленного достоинства берется за ручку.

– Позовите Таню.

– Зер гут, мадам, – отвечает бонна и уже за дверями делает книксен.

В последней нотке мадам бонна услыхала что-то такое, что возвращает ей надежду удержать за собой место, и она воскресшим голосом говорит:

– Таню, бариня идить!

Таня оправляется и входит в спальню.

Таня всегда купает Тему. Летом, в те дни, когда детей не мылили, ему разрешалось самому купаться, без помощи Тани, и это доставляло Теме всегда громадное удовольствие: он купался, как папа, один.

– Если Артемий Николаевич пожелает купаться один, пусть купается. Перед тем как вести его в ванную, положи на стол кусок хлеба – не отрезанный, а так, отломанный, как будто нечаянно его забыли. Понимаешь?

Таня давно все поняла и весело и ласково отвечает:

– Понимаю, сударыня!

– Купаться будут все; сначала барышни, а потом Артемий Николаевич. Ванну на двадцать два градуса. Ступай.

Но тотчас же мать снова позвала Таню и прибавила:

– Таня, перед тем как поведешь Артемия Николаевича, убавь в ванной свет в лампе так, чтобы был полумрак. И поведешь его не через детскую, а прямо через девичью… И чтоб никого в это время не было, когда он будет идти. В девичьей тоже убавь свет.

– Слушаю-с.

Купанье – всегда событие и всегда приятное. Но на этот раз в детской оживление слабое. Дети находятся под влиянием наказания брата, а главное – нет поджигателя обычного возбуждения, Темы. Дети идут как-то лениво, купанье какое-то неудачное, поспешное, и через двадцать минут они уже, в белых чепчиках, гуськом возвращаются назад в детскую.

Под дыханием мягкой южной ночи мать Темы возбужденно ходит по комнате.

По свойству своей оптимистической натуры она не хочет больше думать о настоящем: оно будет исправлено, ошибка не повторится, и довольно.

Чтобы развлечь себя, она вышла на террасу подышать свежим воздухом.

Она видит в окно возвращающееся из ванной шествие и останавливается.

Вот впереди идет Зина – требовательный к себе и другим, суровый, жгучий исполнитель воли. Девочка загадочно, непреклонно смотрит своими черными, как ночь юга, глазами и

точно видит уже где-то далеко какой-то ей одной ведомый мир.

Вот тихая, сосредоточенная, болезненная Наташа смотрит своими вдумчивыми глазами, пытливо чуя и отыскивая те тонкие, неуловимые звуки, которые, собранные терпеливо и нежно, чудно зазвучат со временем близким сладкою песнью любви и страданий.

Вот Маня – ясное майское утро, готовая всех согреть, осветить своими блестящими глазками.

Сережик – «глубокий философ», маленький Сережик, только что начинающий настраивать свой сложный маленький механизм, только что пробующий трогать его струны и чутко прислушивающийся к этим тонким, протяжным отзвучьям, – невольно манит к себе.

– Эт-та что? – медленно, певуче тянет он и так же медленно подымает свой маленький пальчик.

– Синее небо, мой милый.

– Эт-та что?

– Небо, мой крошка, небо, малютка, недосягаемое синее небо, куда вечно люди смотрят, но вечно ходят по земле.

Вот и Аня поднялась с своей кроватки навстречу идущим – крошечная Аня, маленький вопросительный знак, с теплыми веселыми глазками.

А вот промелькнула в девичьей фигуре ее набедокурившего баловня – живого, как огонь, подвижного, как ртуть, неуравновешенного, вечно взбудораженного, возбужденного, впечатлительного, безрассудного сына. Но в этой сутолоке чувств сидит горячее сердце.

Продолжая гулять, мать обошла террасу и пошла к ванной.

Шествие при входе в детскую заключает маленький Сережик, с откинутыми ручонками, как-то потешно ковыляющий на своих коротеньких ножках.

– А папа Тему би-й, – говорит он, вспоминая почему-то о наказании брата.

– Тс! – подлетает к нему стремительно Зина, строго соблюдавшая установленное матерью правило, что о наказаниях, постигших виновных, не имеют права вспоминать.

Но Сережик еще слишком мал. Он знать не желает никаких правил и потому снова начинает:

– А папа…

– Молчи! – зажимает ему рот Зина. Сережик уже собирает в хорошо ему знакомую гримасу лицо, но Зина начинает быстро, горячо нашептывать брату что-то на ухо, указывая на двери соседней комнаты, где сидит Тема. Сережик долго недоверчиво смотрит, не решаясь распроститься с сделанной гримасой и

извлечь из нее готовый уже вопль, но в конце концов уступает сестре, идет на компромисс и соглашается смотреть картинки зоологического атласа.

– Артемий Николаич, пожалуйте! – говорит веселым голосом Таня, отворяя дверь маленькой комнаты со стороны девичьей.

Тема молча встает и стесненно проходит мимо Тани.

– Одни или со мной? – беспечно спрашивает она вдогонку.

– Один, – отвечает быстро, уклончиво Тема и спешит пройти девичью.

Он рад полумраку. Он облегченно вздыхает, когда затворяет за собой дверь ванной. Он быстро раздевается и лезет в ванну. Обмывшись, он вылезает, берет свое грязное белье и начинает полоскать его в ванне. Ему кажется, он умер бы со стыда, если бы кто-нибудь узнал, в чем дело; пусть лучше будет мокрое. Кончив свою стирку, Тема скомкивает в узел белье и ищет глазами, куда бы его сунуть; он засовывает наконец свой узел за старый, запыленный комод. Успокоенный, он идет одеваться, и глаза его наталкиваются на кусок, очевидно, забытого кем-то хлеба. Мальчик с жадностью кидается на него, так как целый день ничего не ел. Годы берут свое: он сидит на скамейке, болтает ножонками и с наслаждением ест. Всю эту сцену видит мать и взволнованно отходит от окна. Она гонит от себя впечатление этой сцены, потому что чувствует, что готова расплакаться. Она освежает лицо, поворачиваясь навстречу мягкому южному ветру, стараясь ни о чем не думать.

Кончив есть, Тема встал и вышел в коридор. Он подошел к лестнице, ведущей в комнаты, остановился на мгновенье, подумал, прошел мимо по коридору и, поднявшись на крыльцо, нерешительно вполголоса позвал:

– Жучка, Жучка!

Он подождал, послушал, вдохнул в себя аромат масличного дерева, потянулся за ним и, выйдя во двор, стал пробираться к саду.

Страшно! Он прижался лицом между двух стоек ограды и замер, охваченный весь каким-то болезненным утомлением.

Ночь после бури.

Чем-то волшебным рисуется в серебристом сиянии луны сад. Разорванно пробегают в далеком голубом небе последние влажные облака. Ветер точно играет в пустом пространстве между садом и небом. Беседка задумчиво смотрит на горке. А вдруг мертвецы, соскучившись сидеть на стене, забрались в беседку и смотрят оттуда на Тему? Как-то таинственно страшно молчат дорожки. Деревья шумят, точно шепчут друг другу: «Как страшно в саду». Вот что-то черное беззвучно будто мелькнуло в кустах: на

Жучку похоже! А может быть, Жучки давно и нет?! Как жутко вдруг стало. А там что белеет?! Кто-то идет по террасе.

– Артемий Николаевич, – говорит, отворяя калитку и подходя к нему, Таня, – спать пора.

Тема точно просыпается.

Он не прочь, он устал, но перед сном надо идти прощаться, надо пожелать спокойной ночи маме и папе. Ох, как не хочется! Он сжал судорожно крепко руками перила ограды и еще плотнее прильнул к ним лицом.

– Артемий Николаич, Темочка, милый мой барин, – говорит Таня и целует руки Темы, – идите к мамаше! Идите, мой милый, дорогой, – говорит она, мягко отрывая и увлекая его за собой, осыпая на ходу поцелуями…

Он в спальне у матери.

Только лампадка льет из киота свой неровный, трепетный свет, слабо освещая предметы.

Он стоит на ковре. Перед ним в кресле сидит мать и что-то говорит ему. Тема точно во сне слушает ее слова, они безучастно летают где-то возле его уха. Зато на маленькую Зину, подслушивающую у двери, речь матери бесконечно сильно действует своею убедительностью. Она не выдерживает больше и, когда до нее долетают вдруг слова матери: «А если тебе не жаль, значит, ты не любишь маму и папу», врывается в спальню и начинает горячо:

– Я говорила ему…

– Как ты смела, скверная девчонка, подслушивать?!

И «скверная девчонка», подхваченная за руку, исчезает мгновенно за дверью. Это изгнание его маленького врага пробуждает Тему. Он опять живет всеми нервами своего организма. Все горе дня встает перед ним. Он весь проникается сознанием зла, нанесенного ему сестрой. Обидное чувство, что его никто не хочет выслушать, что к нему несправедливы, охватывает его.

– Все только слушают Зину… Все целый день на меня нападают, меня никто не-е любит и никто не хо-о-чет вы-ы-слу-у…

И Тема горько плачет, закрывая руками лицо.

Долго плачет Тема, но горечь уже вылита.

Он передал матери всю повесть грустного дня, как она слагалась роковым образом. Его глаза распухли от слез; он нервно вздрагивает и нет-нет всхлипывает тройным вздохом. Мать, сидя с ним на диване, ласково гладит его густые волосы и говорит ему:

– Ну, будет, будет… мама не сердится больше… мама любит

своего мальчика… мама знает, что он будет у нее хороший, любящий, когда поймет только одну маленькую, очень простую вещь. И Тема может ее уже понять. Ты видишь, сколько горя с тобой случилось, а как ты думаешь отчего? А я тебе скажу: оттого, что ты еще маленький трус…

Тема, ждавший всяких обвинений, но только не этого, страшно поражен и задет этим неожиданным выводом.

– Да, трус! Ты весь день боялся правды. И из-за того, что ты ее боялся, все беды твои и случились. Ты сломал цветок. Чего ты испугался? Пойти сказать правду сейчас же. Если б даже тебя и наказали, то ведь, как теперь сам видишь, тем, что не сказал правды, наказанья не избег. Тогда как, если бы ты правду сказал, тебя, может быть, и не наказали бы. Папа строгий, но папа сам может упасть, и всякий может. Наконец, если ты боялся папы, отчего ты не пришел ко мне?

– Я хотел сказать, когда вы садились в дрожки…

Мать вспомнила и пожалела, что не дала хода охватившему ее тогда подозрению.

– Отчего ты не сказал?

– Я боялся папы…

– Сам же говоришь, что боялся, значит – трус. А трусить, бояться правды – стыдно. Боятся правды скверные, дурные люди, а хорошие люди правды не боятся и согласны не только, чтобы их наказывали за то, что они говорят правду, но рады и жизнь отдать за правду.

Мать встала, подошла к киоту, вынула оттуда распятие и села опять возле сына.

– Кто это?

– Бог.

– Да, Бог, который принял вид человека и сошел с неба на землю. Ты знаешь, зачем он пришел? Он пришел научить людей говорить и делать правду. Ты видишь, у него на руках, на ногах и вот здесь кровь?

– Вижу.

– Эта кровь оттого, что его распяли, то есть повесили на кресте; пробили ему гвоздями руки, ноги, пробили ему бок, и он умер от этого. Ты знаешь, что Бог все может, ты знаешь, что он пальцем вот так пошевелит – и все, все мы сейчас умрем и ничего не будет: ни нашего дома, ни сада, ни земли, ни неба. Как ты думаешь теперь, отчего он позволил себя распять, когда мог бы взглядом уничтожить этих дурных людей, которые его умертвили? Отчего?

Мать замолкла на мгновение и, выразительно, мягко заглядывая в широко раскрытые глаза своего любимца-сына,

проговорила:

– Оттого, что он не боялся правды, оттого, что правда была ему дороже жизни, оттого, что он хотел показать всем, что за правду не страшно умереть. И когда он умирал, он сказал: кто любит меня, кто хочет быть со мной, тот должен не бояться правды. Вот когда ты подрастешь и узнаешь, как люди жили прежде, узнаешь, что нельзя было бы жить на земле без правды, тогда ты не только перестанешь бояться правды, а полюбишь ее так, что захочешь умереть за нее, тогда ты будешь храбрый, добрый, любящий мальчик. А тем, что ты сядешь на сумасшедшую лошадь, ты покажешь другим и сам убедишься только в том, что ты еще глупый, не понимающий сам, что делаешь, мальчик, а вовсе не то что ты храбрый, потому что храбрый знает, что делает, а ты не знаешь. Вот когда ты знал, что папа тебя накажет, ты убежал, а храбрый так не делает. Папа был на войне: он знал, что там страшно, а все-таки пошел. Ну, довольно: поцелуй маму и скажи ей, что ты будешь добрый мальчик.

Тема молча обнял мать и спрятал голову на ее груди.

Александр Иванович Куприн

Белый пудель

I

Узкими горными тропинками, от одного дачного поселка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал, свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, остриженный наподобие льва. У перекрестков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперед. За собакой шел двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свернутый ковер для акробатических упражнений, а в правой нес тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плелся старший член труппы – дедушка Мартын Лодыжкин, с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенесшая на своем веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера и галоп из «Путешествий в Китай» – обе бывшие в моде лет тридцать-сорок тому назад, по теперь всеми позабытые. Кроме того, были в шарманке две предательские трубы. У одной – дискантовой – пропал голос; она совсем не играла, и поэтому, когда до нее доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу закрывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам сознавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

– Что поделаешь?.. Древний орган… простудный… Заиграешь – дачники обижаются: «Фу, говорят, гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу» подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» – вальс. Опять-таки трубы эти… Носил я орган к мастеру – и чинить не берется. «Надо, говорит, новые трубы ставить, а лучше всего, говорит, продай ты свою кислую дребедень в музей… вроде как какой-нибудь памятник…» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, Бог даст и еще покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за многие годы тяжелой бродячей жизни, он стал наконец видеть в ней что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега, где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу, рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий: точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил ее по резному боку и шептал ласково:

– Что, брат? Жалуешься?.. А ты терпи…

Столько же, сколько шарманку, может быть, даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «напрокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душою, и мелкими житейскими интересами.

II

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был еще синее, еще гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зеленой листвы. В траве, в кустах кизиля и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях – повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший, по обыкновению, впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поравнялся с ним.

– Ты что, Сережа? – спросил шарманщик.

– Жара, дедушка Лодыжкин… нет никакого терпения! Искупаться бы…

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спине шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

– На что бы лучше! – вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. – Только ведь после купанья еще больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует… значит, мол, расслабляет… Соль-то морская…

– Врал, может быть? – с сомнением заметил Сергей.

– Ну, вот, врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий… домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и

спуститься к морю негде. Подожди, дойдем ужотко до Мисхора, там и пополощем телеса свои грешные. Перед обедом оно лестно, искупаться-то… а потом, значит, поспать трошки… и отличное дело…

Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

– Что, брат песик? Тепло? – спросил дедушка.

Собака напряженно зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

– Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь… Сказано: в поте лица твоего, – продолжал наставительно Лодыжкин. – Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а все-таки… Ну, пошел, пошел вперед, нечего под ногами вертеться… А я, Сережа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лег бы где-нибудь на траве, в тени, пузом, значит, вверх, и полеживай себе. Для наших старых костей это самое солнце – первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твердой, как камень, ослепительно-белой дорогой. Здесь начинался старинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места; каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и веселой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии, с их твердыми и блестящими, точно лакированными листьями и белыми, с большую тарелку величиной, цветами; беседки, сплошь затканные виноградом, свесившим вниз тяжелые гроздья; огромные многовековые платаны с их светлой корой и могучими кронами; табачные плантации, ручьи и водопады, и повсюду – на клумбах, на изгородях, на стенах дач – яркие, великолепные душистые розы, – все это не переставало поражать своей живой цветущей прелестью наивную душу мальчика. Он высказывал свои восторги вслух, ежеминутно теребя старика за рукав.

– Дедушка Лодыжкин, а дедушка, глянь-кось, в фонтане-то – золотые рыбы!.. Ей-богу, дедушка, золотые, умереть мне на месте! – кричал мальчик, прижимаясь лицом к решетке, огораживающей сад с большим бассейном посредине. – Дедушка, а персики! Вона сколько! На одном дереве!

– Иди-иди, дурашка, чего рот разинул! – подталкивал его шутливо старик. – Погоди, вот дойдем мы до города

Новороссийского и, значит, опять подадимся на юг. Там действительно места, – есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе Сочи, Адлер, Туапсе, а там, братец ты мой, Сухум, Батум… Глаза раскосишь глядемши… Скажем, примерно – пальма. Удивление! Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору.

– Ей-богу? – радостно удивился Сергей.

– Постой, сам увидишь. Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем, тот же лимон… Видал небось в лавочке?

– Ну?

– Просто так себе и растет в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша… И народ там, братец, совсем диковинный: турки, персюки, черкесы разные, всё в халатах и с кинжалами… Отчаянный народишка! А то бывают там, братец, эфиопы. Я их в Батуме много раз видел.

– Эфиопы? Знаю. Это которые с рогами, – уверенно сказал Сергей.

– Рогов, положим, у них нет, это враки. Но черные, как сапог, и даже блестят. Губищи у них красные, толстенные, а глазищи белые, а волосы курчавые, как на черном баране.

– Страшные поди… эфиопы-то эти?

– Как тебе сказать? С непривычки оно точно… опасаешься немного, ну, а потом видишь, что другие люди не боятся, и сам станешь посмелее… Много там, братец мой, всякой всячины. Придем – сам увидишь. Одно только плохо – лихорадка. Потому кругом болота, гниль, а притом же жарища. Тамошним-то жителям ничего, не действует на них, а пришлому человеку приходится плохо. Одначе будет нам с тобой, Сергей, языками трепать. Лезь-ка в калитку. На этой даче господа живут очень хорошие… Ты меня спроси: уж я все знаю!

Но день выдался для них неудачный. Из одних мест их прогоняли, едва завидев издали, в других, при первых же хриплых и гнусавых звуках шарманки, досадливо и нетерпеливо махали на них с балконов руками, в третьих прислуга заявляла, что «господа еще не приехамши». На двух дачах им, правда, заплатили за представление, но очень мало. Впрочем, дедушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя из ограды на дорогу, он с довольным видом побрякивал в кармане медяками и говорил добродушно:

– Две да пять, итого семь копеек… Что ж, брат Сереженька, и это деньги. Семь раз по семи, – вот он и полтинник набежал, значит, все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку Лодыжкину, по его слабости, можно рюмочку пропустить, недугов

многих ради… Эх, не понимают этого господа! Двугривенный дать ему жалко, а пятачок стыдно… ну и велят идти прочь. А ты лучше дай хоть три копейки… Я ведь не обижаюсь, я ничего… зачем обижаться?

Вообще Лодыжкин был скромного нрава и, даже когда его гнали, не роптал. Но сегодня и его вывела из обычного благодушного спокойствия одна красивая, полная, с виду очень добрая дама, владелица прекрасной дачи, окруженной садом с цветами. Она внимательно слушала музыку, еще внимательнее глядела на акробатические упражнения Сергея и на смешные «штучки» Арто, после этого долго и подробно расспрашивала мальчика о том, сколько ему лет и как его зовут, где он выучился гимнастике, кем ему приходится старик, чем занимались его родители и т. д.; потом приказала подождать и ушла в комнаты.

Она не появлялась минут десять, а то и четверть часа, и чем дольше тянулось время, тем более разрастались у артистов неопределенные, но заманчивые надежды. Дедушка даже шепнул мальчугану, прикрыв из осторожности рот ладонью, как щитком:

– Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня: я, брат, все знаю. Может быть, из платья что-нибудь даст или из обуви. Это уж верно!..

Наконец барыня вышла на балкон, швырнула сверху в подставленную шляпу Сергея маленькую белую монетку и тотчас же скрылась. Монета оказалась старым, стертым с обеих сторон и вдобавок дырявым гривенником. Дедушка долго с недоумением рассматривал ее. Он уже вышел на дорогу и отошел далеко от дачи, по все еще держал гривенник на ладони, как будто взвешивая его.

– Н-да-а… Ловко! – произнес он, внезапно остановившись. – Могу сказать… А мы-то, три дурня, старались. Уж лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту по крайности куда-нибудь пришить можно. А что я с этой дрянью буду делать? Барыня небось думает: все равно старик кому-нибудь ее ночью спустит, потихоньку, значит. Нет-с, очень ошибаетесь, сударыня. Старик Лодыжкин такой гадостью заниматься не станет. Да-с! Вот вам ваш драгоценный гривенник! Вот!

И он с негодованием и с гордостью бросил монету, которая, слабо звякнув, зарылась в белую дорожную пыль.

Таким образом старик с мальчиком и с собакой обошли весь дачный поселок и уж собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась еще одна, последняя, дача. Ее не было видно из-за высокой белой стены, над которой, с той стороны, возвышался плотный строй тонких запыленных кипарисов, похожих на длинные черно-серые веретена. Только сквозь широкие чугунные

ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно зеленый яркий шелк, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею, всю обвитую густым виноградом. Посредине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава розы. Он прикрыл пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался было пройти мимо, но, заглянув в ворота, остановился в недоумении.

– Подожди-ка малость, Сергей, – окликнул он мальчика. – Никак, там люди шевелятся? Вот так история. Сколько лет здесь хожу, – и никогда ни души. А ну-ка, вали, брат Сергей!

– «Дача Дружба», посторонним вход строго воспрещается, – прочитал Сергей надпись, искусно выбитую на одном из столбов, поддерживавших ворота.

– Дружба?.. – переспросил неграмотный дедушка. – Во-во! Это самое настоящее слово – дружба. Весь день у нас заколодило, а уж тут мы с тобой возьмем. Это я носом чую, на манер как охотничий пес. Арто, иси, собачий сын! Вали смело, Сережа. Ты меня всегда спрашивай: уж я все знаю!

III

Дорожки сада были усыпаны ровным крупным гравием, хрустевшим под ногами, а с боков обставлены большими розовыми раковинами. На клумбах, над пестрым ковром из разноцветных трав, возвышались диковинные яркие цветы, от которых сладко благоухал воздух. В водоемах журчала и плескалась прозрачная вода; из красивых ваз, висевших в воздухе между деревьями, спускались гирляндами вниз вьющиеся растения, а перед домом, на мраморных столбах, стояли два блестящие зеркальные шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами, в смешном, изогнутом и растянутом виде.

Перед балконом была большая утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку на палке, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми или десяти. Он был в легком матросском костюмчике, с обнаженными руками и голыми коленками. Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало еще шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей во фраке, без усов и без бороды, но с длинными

седыми бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноносая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте и, наконец, толстый лысый господин в чесунчевой паре и в золотых очках. Все они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали друг друга. Сразу можно было догадаться, что причиной их беспокойства является мальчик в матросском костюме, так внезапно вылетевший на террасу.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился животом на каменный пол, быстро перекатился на спину и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны. Взрослые засуетились вокруг него. Старый лакей во фраке прижимал с умоляющим видом обе руки к накрахмаленной рубашке, тряс своими длинными бакенбардами и говорил жалобно:

– Батюшка барин!.. Николай Аполлонович!.. Не извольте огорчать маменьку-с – встаньте… Будьте столь добренькие – выкушайте-с. Микстурка очень сладенькая, один суроп-с. Извольте подняться…

Женщины в фартуках всплескивали руками и щебетали скоро-скоро подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках; при этом он наклонял голову то на один, то на другой бок и степенно разводил руками. А красивая дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной платок к глазам:

– Ах, Трилли, ах, боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет. Ну, прими же, прими лекарство; увидишь, тебе сразу-сразу станет легче: и животик пройдет и головка. Ну, сделай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станет перед тобой на колени? Ну вот, смотри, я на коленях перед тобой. Хочешь, я тебе подарю золотой? Два золотых? Пять золотых, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, доктор!..

– Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, – загудел толстый господин в очках.

– Ай-яй-яй-я-а-а-а! – вопил мальчик, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волнение, он все-таки норовил попадать каблуками в животы и в ноги возившихся вокруг него

людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись.

Сергей, долго глядевший с любопытством и удивлением на эту сцену, тихонько толкнул старика в бок.

– Дедушка Лодыжкин, что? же это такое с ним? – спросил он шепотом. – Никак, драть его будут?

– Ну вот, драть… Такой сам всякого посекет. Просто – блажной мальчишка. Больной, должно быть.

– Шамашедчий? – догадался Сергей.

– А я почем знаю. Тише!..

– Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. – надрывался все громче и громче мальчик.

– Начинай, Сергей. Я знаю! – распорядился вдруг Лодыжкин и с решительным видом завертел ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки старинного галопа. Все на балконе разом встрепенулись, даже мальчик замолчал на несколько секунд.

– Ах, боже мой, они еще больше расстроят бедного Трил-ли! – воскликнула плачевно дама в голубом капоте. – Ах, да прогоните же их, прогоните скорее! И эта грязная собака с ними. У собак всегда такие ужасные болезни. Что же вы стоите, Иван, точно монумент?

Она с усталым видом и с отвращением замахала платком на артистов, сухопарая красноносая девица сделала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипел… Человек во фраке быстро и мягко скатился с балкона и с выражением ужаса на лице, широко растопырив в стороны руки, подбежал к шарманщику.

– Эт-то что за безобразие! – захрипел он сдавленным, испуганным и в то же время начальственно-сердитым шепотом. – Кто позволил? Кто пропустил? Марш! Вон!..

Шарманка, уныло пискнув, замолкла.

– Господин хороший, дозвольте вам объяснить… – начал было деликатно дедушка.

– Никаких! Марш! – закричал с каким-то даже свистом в горле фрачный человек.

Его толстое лицо мигом побагровело, а глаза невероятно широко раскрылись, точно вдруг вылезли наружу, и заходили колесом. Это было настолько страшно, что дедушка невольно отступил на два шага назад.

– Собирайся, Сергей, – сказал он, поспешно вскидывая шарманку на спину. – Идем!

Но не успели они сделать и десяти шагов, как с балкона понеслись новые пронзительные крики:

– Ай-яй-яй! Мне! Хочу-у! А-а-а! Да-ай! Позвать! Мне!

– Но, Трилли!.. Ах, боже мой, Трилли! Ах, да воротите же

их, – застонала нервная дама. – Фу, как вы все бестолковы!.. Иван, вы слышите, что? вам говорят? Сейчас же позовите этих нищих!..

– Послушайте! Вы! Эй, как вас? Шарманщики! Вернитесь! – закричало с балкона несколько голосов.

Толстый лакей с разлетавшимися в обе стороны бакенбардами, подпрыгивая, как большой резиновый мяч, бегом бросился вслед уходящим артистам.

– Нет!.. Музыканты! Слушайте-ка! Назад!.. Назад!.. – кричал он, задыхаясь и махая обеими руками. – Старичок почтенный, – схватил он наконец за рукав дедушку, – заворачивай оглобли! Господа будут ваш пантомин смотреть. Живо!..

– Н-ну, дела! – вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил ее перед собою на палке и заиграл галоп с того самого места, на котором его только что прервали.

Суета на балконе затихла. Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане. Из глубины сада пришел садовник в фартуке и стал неподалеку от дедушки. Откуда-то вылезший дворник поместился позади садовника. Это был огромный бородатый мужчина с мрачным, узколобым, рябым лицом. Одет он был в новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупные черные горошины.

Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны (они были сшиты из старого мешка и сзади, на самом широком месте, украшались четырехугольным заводским клеймом), сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое, несмотря на многочисленные заплаты, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путем подражания взрослым, приемы заправского акробата. Взбегая на коврик, он на ходу приложил руки к губам, а потом широким театральным движением размахнул их в стороны, как бы посылая публике два стремительных поцелуя.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, извлекая из нее дребезжащий, кашляющий мотив, а другой бросал мальчику разные предметы, которые тот искусно подхватывал на лету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку, так что она несколько раз перевертывалась в воздухе, и вдруг, поймав ее горлышком на край тарелки, несколько секунд держал ее в равновесии; жонглировал четырьмя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом

играл сразу тремя различными предметами – веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг сразу зонт оказался над головой, сигара – во рту, а веер кокетливо обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувырнулся на ковре, сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истощив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыша, подошел к дедушке, чтобы заменить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Пес это отлично знал, и уже давно скакал в волнении всеми четырьмя лапами на дедушку, вылезавшего боком из лямки, и лаял на него отрывистым, нервным лаем. Почем знать, может быть, умный пудель хотел этим сказать, что, по его мнению, безрассудно заниматься акробатическими упражнениями, когда Реомюр показывает двадцать два градуса в тени? Но дедушка Лодыжкин с хитрым видом вытащил из-за спины тонкий кизилевый хлыстик. «Так я и знал!» – с досадой пролает в последний раз Арто и лениво, непокорно поднялся на задние ноги, не сводя моргающих глаз с хозяина.

– Служить, Арто! Так, так, так… – проговорил старик, держа над головой пуделя хлыст. – Перевернись. Так. Перевернись… Еще, еще… Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-о? Не хочешь? Садись, тебе говорят. А-а… то-то! Смотри! Теперь поздоровайся с почтеннейшей публикой! Ну! Арто! – грозно возвысил голос Лодыжкин.

«Гав!» – брехнул с отвращением пудель. Потом поглядел, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавил еще два раза: «Гав, гав!»

«Нет, не понимает меня мой старик!» – слышалось в этом недовольном лае.

– Вот это – другое дело. Вежливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаем, – продолжал старик, протягивая невысоко над землею хлыст. – Алле! Нечего, брат, язык-то высовывать. Алле!.. Гоп! Прекрасно! А ну-ка еще, нох ейн маль… Алле!.. Гоп! Алле! Гоп! Чудесно, собачка. Придем домой, я тебе морковки дам. А, ты морковку не кушаешь? Я и забыл совсем. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господ. Может быть, они тебе препожалуют что-нибудь повкуснее.

Старик поднял собаку на задние лапы и всунул ей в рот свой древний, засаленный картуз, который он с таким тонким юмором называл «чилиндрой». Держа картуз в зубах и жеманно переступая приседающими ногами, Арто подошел к террасе. В руках у болезненной дамы появился маленький перламутровый

кошелек. Все окружающие сочувственно улыбались.

– Что?? Не говорил я тебе? – задорно шепнул дедушка, наклоняясь к Сергею. – Ты меня спроси: уж я, брат, все знаю. Никак не меньше рубля.

В это время с террасы раздался такой отчаянный, резкий, почти нечеловеческий вопль, что растерявшийся Арто выронил изо рта шапку и вприпрыжку, с поджатым хвостом, боязливо оглядываясь назад, бросился к ногам своего хозяина.

– Хочу-у-а-а! – закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. – Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соба-а-аку-у…

– Ах, боже мой! Ах! Николай Аполлоныч!.. Батюшка барин!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! – опять засуетились люди на балконе.

– Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! – выходил из себя мальчик.

– Но, ангел мой, не расстраивай себя! – залепетала над ним дама в голубом капоте. – Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчас. Доктор, как вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

– Вообще говоря, я не советовал бы, – развел тот руками, – но если надежная дезинфекция, например, борной кислотой или слабым раствором карболки, то-о… вообще…

– Соба-а-аку!

– Сейчас, моя прелесть, сейчас. Итак, доктор, мы прикажем вымыть ее борной кислотой и тогда… Но, Трилли, не волнуйся же так! Старик, подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вам заплатят. Слушайте, она у вас не больная? Я хочу спросить, она не бешеная? Или, может быть, у нее эхинококки?

– Не хочу погладить, не хочу! – ревел Трилли, пуская ртом и носом пузыри. – Хочу совсем! Дураки, черти! Совсем мне! Хочу сам играть… Навсегда!

– Послушайте, старик, подойдите сюда, – силилась перекричать его барыня. – Ах, Трилли, ты убьешь маму своим криком. И зачем только пустили этих музыкантов! Да подойдите же ближе, еще ближе… еще, вам говорят!.. Вот так… Ах, не огорчайся же, Трилли, мама сделает все, что хочешь. Умоляю тебя. Мисс, да успокойте же наконец ребенка… Доктор, прошу вас… Сколько же ты хочешь, старик?

Дедушка снял картуз. Лицо его приняло учтивое, сиротское выражение.

– Сколько вашей милости будет угодно, барыня, ваше высокопревосходительство… Мы люди маленькие, нам всякое даяние – благо… Чай, сами старичка не обидите…

– Ах, как вы бестолковы! Трилли, у тебя заболит горлышко.

Ведь поймите, что собака *ваша,* а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

– А-а-а! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку, – взвизгивал мальчик, толкая лакея в круглый живот ногой.

– То есть… простите, ваше сиятельство, – замялся Лодыжкин. – Я – человек старый, глупый… Сразу-то мне не понять… к тому же и глуховат малость… то есть как это вы изволите говорить?.. За собаку?..

– Ах, мой бог!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идиотом? – вскипела дама. – Няня, дайте поскорее Трилли воды! Я вас спрашиваю русским языком, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку…

– Собаку! Соба-аку! – залился громче прежнего мальчик.

Лодыжкин обиделся и надел на голову картуз.

– Собаками, барыня, не торгую-с, – сказал он холодно и с достоинством. – А этот лес, сударыня, можно сказать, нас двоих, – он показал большим пальцем через плечо на Сергея, – нас двоих кормит, поит и одевает. И никак этого невозможно, что, например, продать.

Трилли между тем кричал с пронзительностью паровозного свистка. Ему подали стакан воды, но он яростно выплеснул его в лицо гувернантке.

– Да послушайте же, безумный старик!.. Нет вещи, которая бы не продавалась, – настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. – Мисс, вытрите поскорей лицо и дайте мне мой мигренин. Может быть, ваша собака стоит сто рублей? Ну, двести? Триста?

Да отвечайте же, истукан! Доктор, скажите ему что-нибудь, ради бога!

– Собирайся, Сергей, – угрюмо проворчал Лодыжкин. – Истука-н… Арто, иди сюда!..

– Э-э, постой-ка, любезный, – начальственным басом протянул толстый господин в золотых очках. – Ты бы лучше не ломался, мои милый, вот что тебе скажу. Собаке твоей десять рублей красная цена, да еще вместе с тобой на придачу… Ты подумай, осел, сколько тебе дают!

– Покорнейше вас благодарю, барин, а только… – Лодыжкин, кряхтя, вскинул шарманку за плечи. – Только никак это дело не выходит, чтобы, значит, продавать. Уж вы лучше где-нибудь другого кобелька поищите… Счастливо оставаться… Сергей, иди вперед!

– А паспорт у тебя есть? – вдруг грозно взревел доктор. – Я вас знаю, канальи!

– Дворник! Семен! Гоните их! – закричала с искаженным от

гнева лицом барыня.

Мрачный дворник в розовой рубахе со зловещим видом приблизился к артистам. На террасе поднялся страшный, разноголосый гам: ревел благим матом Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька с подпанькой, густым басом, точно рассерженный шмель, гудел доктор. Но дедушка и Сергей уж не имели времени посмотреть, чем все это кончится. Предшествуемые изрядно струсившим пуделем, они почти бегом спешили к воротам. А следом за ними шел дворник, подталкивая сзади, в шарманку, и говорил угрожающим голосом:

– Шляетесь здесь, лабарданцы! Благодари еще Бога, что по шее, старый хрен, не заработал. А в другой раз придешь, так и знай, стесняться с тобой не стану, намну загривок и стащу к господину вряд нику. Шантрапа!

Долгое время старик и мальчик шли молча, но вдруг, точно по уговору, взглянули друг на друга и рассмеялись: сначала захохотал Сергей, а потом, глядя на него, но с некоторым смущением, улыбнулся и Лодыжкин.

– Что? Дедушка Лодыжкин? Ты все знаешь? – поддразнил его лукаво Сергей.

– Да-а, брат. Обмишулились мы с тобой, – покачал головой старый шарманщик. – Язвительный, однако, мальчугашка… Как его, такого, вырастили, шут его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человек вокруг него танцы танцуют. Ну уж, будь в моей власти, я бы ему прописа-ал ижу. Подавай, говорит, собаку? Этак что? же? Он и луну с неба захочет, так подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну, и денек сегодня задался. Удивительно!

– На что? лучше! – продолжал ехидничать Сергей. – Одна барыня платье подарила, другая целковый дала. Все ты, дедушка Лодыжкин, наперед знаешь.

– А ты помалкивай, огарок, – добродушно огрызнулся старик. – Как от дворника-то улепетывал, помнишь? Я думал, и не догнать мне тебя. Серьезный мужчина – этот дворник.

Выйдя из парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой к морю. Здесь горы, отступив немного назад, дали место неширокой плоской полосе, покрытой ровными, обточенными прибоем камнями, о которые теперь с тихим шелестом ласково плескалось море. Саженях в двухстах от берега кувыркались в воде дельфины, показывая из нее на мгновение свои жирные, круглые спины. Вдали на горизонте, там, где голубой атлас моря окаймлялся темно-синей бархатной лентой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнце, паруса рыбачьих лодок.

– Тут и выкупаемся, дедушка Лодыжкин, – сказал решительно Сергей. На ходу он уже успел, прыгая то на одной, то на другой ноге, стащить с себя панталоны. – Давай я тебе пособлю орган снять.

Он быстро разделся, звонко хлопнул себя ладонями по голому, шоколадному от загара телу и бросился в воду, подымая вокруг себя бугры кипящей пены.

Дедушка раздевался не торопясь. Прикрыв глаза ладонью от солнца и щурясь, он с любовной усмешкой глядел на Сергея.

«Ничего себе растет паренек, – думал Лодыжкин, – даром что костлявый – вон все ребра видать, а все-таки будет парень крепкий».

– Эй, Сережка! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащит.

– А я ее за хвост! – крикнул издали Сергей.

Дедушка долго постоял на солнышке, щупая у себя под мышками. В воду он сошел очень осторожно и, прежде чем окунуться, старательно мочил себе красное лысое темя и впалые бока. Тело у него было желтое, дряблое и бессильное, ноги – поразительно тонкие, а спина с выдавшимися острыми лопатками была сгорблена от долголетнего таскания шарманки.

– Дедушка Лодыжкин, гляди! – крикнул Сергей.

Он перекувырнулся в воде, закинув себе ноги через голову. Дедушка, уже влезший в воду по пояс и приседавший в ней с блаженным кряхтением, крикнул тревожно:

– Ну, а ты не балуйся, поросенок. Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаял и скакал по берегу. Его беспокоило, что мальчик заплыл так далеко. «К чему показывать свою храбрость? – волновался пудель. – Есть земля – и ходи по земле. Гораздо спокойнее».

Он и сам залез было в воду по брюхо и два-три раза лакнул ее языком. Но соленая вода ему не понравилась, а легкие волны, шуршавшие о прибрежный гравий, пугали его. Он выскочил на берег и опять принялся лаять на Сергея. «К чему эти дурацкие фокусы? Сидел бы у берега, рядом со стариком. Ах, сколько беспокойства с этим мальчишкой!»

– Эй, Сережа, вылезай, что ли, в самом деле, будет тебе! – позвал старик.

– Сейчас, дедушка Лодыжкин, пароходом плыву. У-у-у-ух!

Он наконец подплыл к берегу, но прежде чем одеться, схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его далеко в воду. Собака тотчас же поплыла назад, выставив наружу только одну морду со всплывшими наверх ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочив на сушу, она затряслась всем телом,

и тучи брызг полетели на старика и на Сергея.

– Постой-ка, Сережа, никак, это к нам? – сказал Лодыжкин, пристально глядя вверх, на гору.

По тропинке быстро спускался вниз, неразборчиво крича и махая руками, тот самый мрачный дворник в розовой рубахе с черными горошинами, который четверть часа назад гнал странствующую труппу с дачи.

– Что ему надо? – спросил с недоумением дедушка.

Николай Семенович Лесков

Неразменный рубль

Глава первая

Есть поверье, будто волшебными средствами можно получить неразменный рубль, то есть такой рубль, который, сколько раз его ни выдавай, он все-таки опять является целым в кармане. Но для того чтобы добыть такой рубль, нужно претерпеть большие страхи. Всех их я не помню, но знаю, что, между прочим, надо взять черную без одной отметины кошку и нести ее продавать рождественскою ночью на перекресток четырех дорог, из которых притом одна непременно должна вести к кладбищу.

Здесь надо стать, пожав кошку посильнее, так, чтобы она замяукала, и зажмурить глаза. Все это надо сделать за несколько минут перед полночью, а в самую полночь придет кто-то и станет торговать кошку. Покупщик будет давать за бедного зверька очень много денег, но продавец должен требовать непременно только рубль, – ни больше ни меньше как один серебряный рубль. Покупщик будет навязывать более, но надо настойчиво требовать рубль, и когда, наконец, этот рубль будет дан, тогда его надо положить в карман и держать рукою, а самому уходить как можно скорее и не оглядываться. Этот рубль и есть неразменный или безрасходный, – то есть сколько ни отдавайте его в уплату за что-нибудь, – он все-таки опять является в кармане. Чтобы заплатить, например, сто рублей, надо только сто раз опустить руку в карман и оттуда всякий раз вынуть рубль.

Конечно, это поверье пустое и нестаточное; но есть простые люди, которые склонны верить, что неразменные рубли действительно можно добывать. Когда я был маленьким мальчиком, и я тоже этому верил.

Глава вторая

Раз, во время моего детства, няня, укладывая меня спать в рождественскую ночь, сказала, что у нас теперь на деревне очень многие не спят, а гадают, рядятся, ворожат и, между прочим, добывают себе «неразменный рубль». Она распространилась на тот счет, что людям, которые пошли добывать неразменный рубль, теперь всех страшнее, потому что они должны лицом к лицу встретиться с дьяволом на далеком распутье и торговаться с ним за черную кошку; но зато их ждут и самые большие радости… Сколько можно накупить прекрасных вещей за беспереводный рубль! Что бы я наделал, если бы мне попался такой рубль! Мне тогда было всего лет восемь, но я уже побывал в своей жизни в Орле и в Кромах и знал некоторые превосходные

произведения русского искусства, привозимые купцами к нашей приходской церкви на рождественскую ярмарку.

Я знал, что на свете бывают пряники желтые, с патокою, и белые пряники – с мятой, бывают столбики и сосульки, бывает такое лакомство, которое называется «резь», или лапша, или еще проще «шмотья», бывают орехи простые и каленые; а для богатого кармана привозят и изюм, и финики. Кроме того, я видел картины с генералами и множество других вещей, которых я не мог всех перекупить, потому что мне давали на мои расходы простой серебряный рубль, а не беспереводный. Но няня нагнулась надо мною и прошептала, что нынче это будет иначе, потому что беспереводный рубль есть у моей бабушки, и она решила подарить его мне, но только я должен быть очень осторожен, чтобы не лишиться этой чудесной монеты, потому что она имеет одно волшебное, очень капризное свойство.

– Какое? – спросил я.

– А это тебе скажет бабушка. Ты спи, а завтра, как проснешься, бабушка принесет тебе неразменный рубль и скажет, как надо с ним обращаться.

Обольщенный этим обещанием, я постарался заснуть в ту же минуту, чтобы ожидание неразменного рубля не было томительно.

Глава третья

Няня меня не обманула: ночь пролетела как краткое мгновение, которого я и не заметил, и бабушка уже стояла над моею кроваткою в своем большом чепце с рюшевыми мармотками и держала в своих белых руках новенькую, чистую серебряную монету, отбитую в самом полном и превосходном калибре.

– Ну, вот тебе бесперeводный рубль, – сказала она. – Бери его и поезжай в церковь. После обедни мы, старики, зайдем к батюшке, отцу Василию, пить чай, а ты один, – совершенно один, – можешь идти на ярмарку и покупать все, что ты сам захочешь. Ты сторгуешь вещь, опустишь руку в карман и выдашь свой рубль, а он опять очутится в твоем же кармане.

– Да, – говорю, – я уже все это знаю.

А сам зажал рубль в ладонь и держу его как можно крепче. А бабушка продолжает:

– Рубль возвращается, это правда. Это его хорошее свойство, – его также нельзя и потерять; но зато у него есть другое свойство, очень невыгодное: неразменный рубль не переведется в твоем кармане до тех пор, пока ты будешь покупать на него вещи, тебе или другим людям нужные или полезные, но раз что ты изведешь хоть один грош на полную бесполезность – твой рубль в то же мгновение исчезнет.

– О, – говорю, – бабушка, я вам очень благодарен, что вы мне это сказали; но поверьте, я уж не так мал, чтобы не понять, что на свете полезно и что бесполезно.

Бабушка покачала головою и, улыбаясь, сказала, что она сомневается; но я ее уверил, что знаю, как надо жить при богатом положении.

– Прекрасно, – сказала бабушка, – но, однако, ты все-таки хорошенько помни, что я тебе сказала.

– Будьте покойны. Вы увидите, что я приду к отцу Василию и принесу на загляденье прекрасные покупки, а рубль мой будет цел у меня в кармане.

– Очень рада, – посмотрим. Но ты все-таки не будь самонадеян; помни, что отличить нужное от пустого и излишнего вовсе не так легко, как ты думаешь.

– В таком случае не можете ли вы походить со мною по ярмарке?

Бабушка на это согласилась, но предупредила меня, что она не будет иметь возможности дать мне какой бы то ни было совет или остановить меня от увлечения и ошибки, потому что тот, кто владеет беспереводным рублем, не может ни от кого ожидать советов, а должен руководиться своим умом.

– О, моя милая бабушка, – отвечал я, – вам и не будет надобности давать мне советы, – я только взгляну на ваше лицо и прочитаю в ваших глазах все, что мне нужно.

– В таком разе идем. – И бабушка послала девушку сказать отцу Василию, что она придет к нему позже, а пока мы отправились с нею на ярмарку.

Глава четвертая

Погода была хорошая, – умеренный морозец с маленькой влажностью; в воздухе пахло крестьянской белой онучею, лыком, пшеном и овчиной. Народу много, и все разодеты в том, что есть лучшего. Мальчишки из богатых семей все получили от отцов на свои карманные расходы по грошу и уже истратили эти капиталы на приобретение глиняных свистулек, на которых задавали самый бедовый концерт. Бедные ребятишки, которым грошей не давали, стояли под плетнем и только завистливо облизывались. Я видел, что им тоже хотелось бы овладеть подобными же музыкальными инструментами, чтобы слиться всей душою в общей гармонии, и… я посмотрел на бабушку…

Глиняные свистульки не составляли необходимости и даже не были полезны, но лицо моей бабушки не выражало ни малейшего порицания моему намерению купить всем бедным детям по свистульке. Напротив, доброе лицо старушки выражало даже удовольствие, которое я принял за одобрение: я сейчас же

опустил мою руку в карман, достал оттуда мой неразменный рубль и купил целую коробку свистулек, да еще мне подали с него несколько сдачи. Опуская сдачу в карман, я ощупал рукою, что мой неразменный рубль целехонек и уже опять лежит там, как было до покупки. А между тем все ребятишки получили по свистульке, и самые бедные из них вдруг сделались так же счастливы, как и богатые, и засвистали во всю свою силу, а мы с бабушкой пошли дальше, и она мне сказала:

– Ты поступил хорошо, потому что бедным детям надо играть и резвиться, и кто может сделать им какую-нибудь радость, тот напрасно не спешит воспользоваться своею возможностью. И в доказательство, что я права, опусти еще раз свою руку в карман и попробуй, где твой неразменный рубль?

Я опустил руку и… мой неразменный рубль был в моем кармане.

– Ага, – подумал я, – теперь я уже понял, в чем дело, и могу действовать смелее.

Константин Михайлович Станюкович

Максимка

Из цикла «Морские рассказы»

Посвящается Тусику

I

Только что пробил колокол. Было шесть часов прелестного тропического утра на Атлантическом океане.

По бирюзовому небосклону, бесконечно высокому и прозрачно-нежному, местами подернутому, словно белоснежным кружевом, маленькими перистыми облачками, быстро поднимается золотистый шар солнца, жгучий и ослепительный, заливая радостным блеском водяную холмистую поверхность океана. Голубые рамки далекого горизонта ограничивают его беспредельную даль.

Как-то торжественно безмолвно кругом.

Только могучие светло-синие волны, сверкая на солнце своими серебристыми верхушками и нагоняя одна другую, плавно переливаются с тем ласковым, почти нежным ропотом, который точно нашептывает, что в этих широтах, под тропиками, вековечный старик океан всегда находится в добром расположении духа.

Бережно, словно заботливый нежный пестун, несет он на своей исполинской груди плывущие корабли, не угрожая морякам бурями и ураганами.

Пусто вокруг!

Не видно сегодня ни одного белеющего паруса, не видно ни одного дымка на горизонте. Большая океанская дорога широка.

Изредка блеснет на солнце серебристою чешуйкой летучая рыбка, покажет черную спину играющий кит и шумно выпустит фонтан воды, высоко прореет в воздухе темный фрегат или белоснежный альбатрос, пронесется над водой маленькая серая петрель, направляясь к далеким берегам Африки или Америки, и Снова пусто. Снова рокочущий океан, солнце да небо, светлые, ласковые, нежные.

Слегка покачиваясь на океанской зыби, русский военный паровой клипер «Забияка» быстро идет к югу, удаляясь все дальше и дальше от севера, мрачного, угрюмого и все-таки близкого и дорогого севера.

Небольшой, весь черный, стройный и красивый со своими тремя чуть-чуть подавшимися назад высокими мачтами, сверху

донизу покрытый парусами, «Забияка» с попутным и ровным, вечно дующим в одном и том же направлении северо-восточным пассатом бежит себе миль по семи-восьми в час, слегка накренившись своим подветренным бортом. Легко и грациозно поднимается «Забияка» с волны на волну, с тихим шумом рассекает их своим острым водорезом, вокруг которого пенится вода и рассыпается алмазною пылью. Волны ласково лижут бока клипера. За кормой стелется широкая серебристая лента.

На палубе и внизу идет обычная утренняя чистка и уборка клипера – подготовка к подъему флага, то есть к восьми часам утра, когда на военном судне начинается день.

Рассыпавшись по палубе в своих белых рабочих рубахах с широкими откидными синими воротами, открывающими жилистые загорелые шеи, матросы, босые, с засученными до колен штанами, моют, скребут и чистят палубу, борты, пушки и медь – словом, убирают «Забияку» с тою щепетильною внимательностью, какою отличаются моряки при уборке своего судна, где всюду, от верхушек мачт до трюма, должна быть умопомрачающая чистота и где все, доступное кирпичу, суконке и белилам, должно блестеть и сверкать.

Матросы усердно работали и весело посмеивались, когда горластый боцман Матвеич, старый служака с типичным боцманским лицом старого времени, красным и от загара и от береговых кутежей, с выкаченными серыми глазами, «чумея», как говорили матросы, во время «убирки» выпаливал какую-нибудь уж очень затейливую ругательную импровизацию, поражавшую даже привычное ухо русского матроса. Делал Матвеич это не столько для поощрения, сколько, как он выражался, «для порядка».

Никто за это не сердился на Матвеича. Все знают, что Матвеич добрый и справедливый человек, кляуз не заводит и не злоупотребляет своим положением. Все давно привыкли к тому, что он не мог произнести трех слов без ругани, и порой восхищаются его бесконечными вариациями. В этом отношении он был виртуоз.

Время от времени матросы бегали на бак, к кадке с водой и к ящику, где тлел фитиль, чтобы наскоро выкурить трубочку острой махорки и перекинуться словом. Затем снова принимались чистить и оттирать медь, наводить глянец на пушки и мыть борты, и особенно старательно, когда приближалась высокая худощавая фигура старшего офицера, с раннего утра носившегося по всему клиперу, заглядывая то туда, то сюда.

Вахтенный офицер, молодой блондин, стоявший вахту с четырех до восьми часов, уже давно разогнал дрему первого

получаса вахты. Весь в белом, с расстегнутою ночной сорочкой, он ходит взад и вперед по мостику, вдыхая полной грудью свежий воздух утра, еще не накаленный жгучим солнцем. Нежный ветер приятно ласкает затылок молодого лейтенанта, когда он останавливается, чтобы взглянуть на компас – по румбу ли правят рулевые, или на паруса – хорошо ли они стоят, или на горизонт – нет ли где шквалистого облачка.

Но все хорошо, и лейтенанту почти нечего делать на вахте в благодатных тропиках.

И он снова ходит взад и вперед и слишком рано мечтает о том времени, когда вахта кончится и он выпьет стакан-другой чаю со свежими горячими булками, которые так мастерски печет офицерский кок, если только водку, которую он требует для поднятия теста, не вольет в себя.

II

Вдруг по палубе пронесся неестественно громкий и тревожный окрик часового, который, сидя на носу судна, смотрел вперед:

– Человек в море!

Матросы кинули мгновенно работы, и, удивленные и взволнованные, бросились на бак, и устремили глаза на океан.

– Где он, где? – спрашивали со всех сторон часового, молодого белобрысого матроса, лицо которого вдруг побелело как полотно.

– Вон, – указывал дрогнувшей рукой матрос. – Теперь скрылся. А сейчас видел, братцы… На мачте держался… привязан, что ли, – возбужденно говорил матрос, напрасно стараясь отыскать глазами человека, которого только что видел.

Вахтенный лейтенант вздрогнул от окрика часового и впился глазами в бинокль, наводя его в пространство перед клипером.

Сигнальщик смотрел туда же в подзорную трубу.

– Видишь? – спросил молодой лейтенант.

– Вижу, ваше благородие… Левее извольте взять…

Но в это мгновение и офицер увидел среди волн обломок мачты и на ней человеческую фигуру.

И взвизгивающим, дрожащим голосом, торопливым и нервным, он крикнул во всю силу своих здоровых легких:

– Свистать всех наверх! Грот и фок на гитовы! Баркас к спуску!

И, обратившись к сигнальщику, возбужденно прибавил:

– Не теряй из глаз человека!

– Пошел все наверх! – рявкнул сипловатым баском боцман после свистка в дудку.

Словно бешеные, матросы бросились к своим местам.

Капитан и старший офицер уже вбегали на мостик. Полусонные, заспанные офицеры, надевая на ходу кители, поднимались по трапу на палубу.

Старший офицер принял команду, как всегда бывает при аврале, и, как только раздались его громкие, отрывистые командные слова, матросы стали исполнять их с какою-то лихорадочною порывистостью. Все в их руках точно горело. Каждый словно бы понимал, как дорога каждая секунда.

Не прошло и семи минут, как почти все паруса, за исключением двух-трех, были убраны, «Забияка» лежал в дрейфе, недвижно покачиваясь среди океана, и баркас с шестнадцатью гребцами и офицером у руля спущен был на воду.

– С Богом! – крикнул с мостика капитан на отваливший от борта баркас.

Гребцы навалились изо всех сил, торопясь спасти человека.

Но в эти семь минут, пока остановился клипер, он успел пройти больше мили, и обломка мачты с человеком не видно было в бинокль.

По компасу заметили все-таки направление, в котором находилась мачта, и по этому направлению выгребал баркас, удаляясь от клипера.

Глаза всех моряков «Забияки» провожали баркас. Какою ничтожною скорлупою казался он, то показываясь на гребнях больших океанских волн, то скрываясь за ними.

Скоро он казался маленькой черной точкой.

III

На палубе царила тишина.

Только порой матросы, теснившиеся на юте и на шканцах, менялись между собой отрывистыми замечаниями, произносимыми вполголоса:

– Должно, какой-нибудь матросик с потопшего корабля.

– Потонуть кораблю здесь трудно. Разве вовсе плохое судно.

– Нет, видно, столкнулся с каким другим ночью…

– А то и сгорел.

– И всего-то один человек остался, братцы!

– Может, другие на шлюпках спасаются, а этого забыли…

– Живой ли он?

– Вода теплая. Может, и живой.

– И как это, братцы, акул-рыба его не съела. Здесь этих самых акулов страсть!

– Ддда, милые! Опаская эта флотская служба. Ах, какая опаская! – произнес, подавляя вздох, совсем молодой чернявый матросик с серьгой, первогодок, прямо от сохи попавший в кругосветное плавание.

И с омраченным грустью лицом он снял шапку и медленно перекрестился, точно безмолвно моля Бога, чтобы он сохранил его от ужасной смерти где-нибудь в океане.

Прошло три четверти часа общего томительного ожидания.

Наконец сигнальщик, не отрывавший глаза от подзорной трубы, весело крикнул:

– Баркас пошел назад!

Когда он стал приближаться, старший офицер спросил сигнальщика:

– Есть на нем спасенный?

– Не видать, ваше благородие! – уже не так весело отвечал сигнальщик.

– Видно, не нашли! – проговорил старший офицер, подходя к капитану.

Командир «Забияки», низенький, коренастый и крепкий брюнет пожилых лет, заросший сильно волосами, покрывавшими мясистые щеки и подбородок густою черною заседевшею щетиной, с небольшими круглыми, как у ястреба, глазами, острыми и зоркими, – недовольно вздернул плечом и, видимо сдерживая раздражение, проговорил:

– Не думаю-с. На баркасе исправный офицер и не вернулся бы так скоро, если б не нашел человека-с.

– Но его не видно на баркасе.

– Быть может, внизу лежит, потому и не видно-с… А впрочем-с, скоро узнаем…

И капитан заходил по мостику, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на приближавшийся баркас. Наконец он взглянул в бинокль, и хоть не видел спасенного, но по спокойно-веселому лицу офицера, сидевшего на руле, решил, что спасенный на баркасе. И на сердитом лице капитана засветилась улыбка.

Еще несколько минут, и баркас подошел к борту и вместе с людьми был поднят на клипер.

Вслед за офицером из баркаса стали выходить гребцы, красные, вспотевшие, с трудом переводившие дыхание от усталости. Поддерживаемый одним из гребцов, на палубу вышел и спасенный – маленький негр, лет десяти-одиннадцати, весь мокрый, в рваной рубашке, прикрывавшей небольшую часть его худого, истощенного, черного, отливавшего глянцем тела.

Он едва стоял на ногах и вздрагивал всем телом, глядя ввалившимися большими глазами с какою-то безумною радостью и в то же время недоумением, словно не веря своему спасению.

– Совсем полумертвого с мачты сняли; едва привели в чувство бедного мальчишку, – докладывал капитану офицер, ходивший на баркасе.

– Скорее его в лазарет! – приказал капитан.

Мальчика тотчас же отнесли в лазарет, вытерли насухо, уложили в койку, покрыли одеялами, и доктор начал его отхаживать, вливая в рот ему по несколько капель коньяку.

Он жадно глотал влагу и умоляюще глядел на доктора, показывая на рот.

А наверху ставили паруса, и минут через пять «Забияка» снова шел прежним курсом, и матросы снова принялись за прерванные работы.

– Арапчонка спасли! – раздавались со всех сторон веселые матросские голоса.

– И какой же он щуплый, братцы!

Некоторые бегали в лазарет узнавать, что с арапчонком.

– Доктор отхаживает. Небось, выходит!

Через час марсовой Коршунов принес известие, что арапчонок спит крепким сном, после того как доктор дал ему несколько ложечек горячего супа…

– Нарочно для арапчонка, братцы, кок суп варил; вовсе, значит, пустой, безо всего, – так, отвар быдто, – с оживлением продолжал Коршунов, довольный и тем, что ему, известному вралю, верят в данную минуту, и тем, что он на этот раз не врет, и тем, что его слушают.

И, словно бы желая воспользоваться таким исключительным для него положением, он торопливо продолжает:

– Фершал, братцы, сказывал, что этот самый арапчонок по-своему что-то лопотал, когда его кормили, просил, значит: «Дайте больше, мол, этого самого супу»… И хотел даже вырвать у доктора чашку… Однако не допустили: значит, брат, сразу нельзя… Помрет, мол.

– Что ж арапчонок?

– Ничего, покорился…

В эту минуту к кадке с водой подошел капитанский вестовой Сойкин и закурил остаток капитанской сигары. Тотчас же общее внимание было обращено на вестового, и кто-то спросил:

– А не слышно, Сойкин, куда денут потом арапчонка?

Рыжеволосый, веснушчатый, франтоватый, в собственной тонкой матросской рубахе и в парусинных башмаках, Сойкин не без достоинства пыхнул дымком сигары и авторитетным тоном человека, имеющего кое-какие сведения, проговорил:

– Куда деть? Оставят на Надежном мысу, когда, значит, придем туда.

«Надежным мысом» он называл мыс Доброй Надежды.

И, помолчав, не без пренебрежения прибавил:

– Да и что с им делать, с черномазой нехристью? Вовсе даже

дикие люди.

– Дикие не дикие, а всё божья тварь… Пожалеть надо! – промолвил старый плотник Захарыч.

Слова Захарыча, видимо, вызвали общее сочувствие среди кучки курильщиков.

– А как же арапчонок оттель к своему месту вернется? Тоже и у его, поди, отец с матерью есть! – заметил кто-то.

– На Надежном мысу всяких арапов много. Небось, дознаются, откуда он, – ответил Сойкин и, докурив окурок, вышел из круга.

– Тоже вестовщина. Полагает о себе! – сердито пустил ему вслед старый плотник.

IV

На другой день мальчик-негр хотя и был очень слаб, но настолько оправился после нервного потрясения, что доктор, добродушный пожилой толстяк, радостно улыбаясь своею широкою улыбкою, потрепал ласково мальчика по щеке и дал ему целую чашку бульону, наблюдая, с какой жадностью глотал он жидкость и как потом благодарно взглянул своими большими черными выпуклыми глазами, зрачки которых блестели среди белков.

После этого доктор захотел узнать, как мальчик очутился в океане и сколько времени он голодал, но разговор с пациентом оказался решительно невозможным, несмотря даже на выразительные пантомимы доктора. Хотя маленький негр, по-видимому, был сильнее доктора в английском языке, но также, как и почтенный доктор, безбожно коверкал несколько десятков английских слов, которые были в его распоряжении.

Они друг друга не понимали.

Тогда доктор послал фельдшера за юным мичманом, которого все в кают-компании звали Петенькой.

– Вы, Петенька, отлично говорите по-английски, поговорите-ка с ним, а у меня что-то не выходит! – смеясь проговорил доктор. – Да скажите ему, что дня через три я его выпущу из лазарета! – прибавил доктор.

Юный мичман, присев около койки, начал свой допрос, стараясь говорить короткие фразы тихо и раздельно, и маленький негр, видимо, понимал, если не все, о чем спрашивал мичман, то во всяком случае кое-что, и спешил отвечать рядом слов, не заботясь об их связи, но зато подкрепляя их выразительными пантомимами.

После довольно продолжительного и трудного разговора с мальчиком-негром мичман рассказал в кают-компании более или менее верную в общих чертах историю мальчика, основанную на

его ответах и мимических движениях.

Мальчик был на американском бриге «Бетси» и принадлежал капитану («большому мерзавцу», – вставил мичман), которому чистил платье, сапоги и подавал кофе с коньяком или коньяк с кофе. Капитан звал слугу своего «боем», и мальчик уверен, что это его имя. Отца и матери он не знает. Капитан год тому назад купил маленького негра в Мозамбике и каждый день бил его. Бриг шел из Сенегала в Рио с грузом негров. Две ночи тому назад бриг сильно стукнуло другое судно (эту часть рассказа мичман основал на том, что маленький негр несколько раз проговорил: «кра, кра, кра» и затем слабо стукнул своим кулачком по стенке лазаретной каютки), и бриг пошел ко дну… Мальчик очутился в воде, привязался к обломку мачты и провел на ней почти двое суток…

Но несравненно красноречивее всяких слов, если бы такие и мог сказать мальчик о своей ужасной жизни, говорило и его удивление, что с ним ласково обращаются, и забитый его вид, и эти благодарные его взгляды загнанной собачонки, которыми он смотрел на доктора, фельдшера и на мичмана, и – главное – его покрытая рубцами, блестящая черная худая спина с выдающимися ребрами.

Рассказ мичмана и показания доктора произвели сильное впечатление в кают-компании. Кто-то сказал, что необходимо поручить этого бедняжку покровительству русского консула в Каптоуне и сделать в пользу негра сбор в кают-компании.

Пожалуй, еще большее впечатление произвела история маленького негра на матросов, когда в тот же день, под вечер, молодой вестовой мичмана, Артемий Мухин – или, как все его звали, Артюшка, – передавал на баке рассказ мичмана, причем не отказал себе в некотором злорадном удовольствии украсить рассказ некоторыми прибавлениями, свидетельствующими о том, какой был дьявол этот американец капитан.

– Каждый день, братцы, он мучил арапчонка. Чуть что, сейчас в зубы: раз, другой, третий, да в кровь, а затем снимет с крючка плетку, – а плетка, братцы, отчаянная, из самой толстой ремешки, – и давай лупцевать арапчонка! – говорил Артюшка, вдохновляясь собственной фантазией, вызванной желанием представить жизнь арапчонка в самом ужасном виде. – Не разбирал, анафема, что перед им безответный мальчонка, хоть и негра… У бедняги и посейчас вся спина исполосована… Доктор сказывал: страсть поглядеть! – добавил впечатлительный и увлекавшийся Артюшка.

Но матросы, сами бывшие крепостные и знавшие по собственному опыту, как еще в недавнее время «полосовали» им

спины, и без Артюшкиных прикрас жалели арапчонка и посылали по адресу американского капитана самые недобрые пожелания, если только этого дьявола уже не сожрали акулы.

– Небось, у нас уж объявили волю хрестьянам, а у этих мериканцев, значит, крепостные есть? – спросил какой-то пожилой матрос.

– То-то, есть!

– Чудно что-то… Вольный народ, а поди ж ты! – протянул пожилой матрос.

– У их арапы быдто вроде крепостных! – объяснял Артюшка, слыхавший кое-что об этом в кают-компании. – Из-за этого самого у их промеж себя и война идет. Одни мериканцы, значит, хотят, чтобы все арапы, что живут у их, были вольные, а другие на это никак не согласны – это те, которые имеют крепостных арапов, – ну и жарят друг дружку, страсть!.. Только господа сказывали, что которые мериканцы за арапов стоят, те одолеют! Начисто разделают помещиков мериканских! – не без удовольствия прибавил Артюшка.

– Не бойсь, Господь им поможет… И арапу на воле жить хочется… И птица клетки не любит, а человек и подавно! – вставил плотник Захарыч.

Чернявый молодой матросик-первогодок, тот самый, который находил, что флотская служба очень «опаская», с напряженным вниманием слушал разговор и, наконец, спросил:

– Теперь, значит, Артюшка, этот самый арапчонок вольный будет?

– А ты думал как? Известно, вольный! – решительно проговорил Артюшка, хотя в душе и не вполне был уверен в свободе арапчонка, не имея решительно никаких понятий об американских законах насчет прав собственности.

Но его собственные соображения решительно говорили за свободу мальчика. «Черта-хозяина» нет, к рыбам в гости пошел, так какой тут разговор!

И он прибавил:

– Теперь арапчонку только новый пачпорт выправить на Надежном мысу. Получи пачпорт, и айда на все четыре стороны.

Эта комбинация с паспортом окончательно рассеяла его сомнения.

– То-то и есть! – радостно воскликнул чернявый матросик-первогодок.

И на его добродушном румяном лице с добрыми, как у щенка, глазами засветилась тихая светлая улыбка, выдававшая радость за маленького несчастного негра.

Короткие сумерки быстро сменились чудною, ласковою

тропическою ночью. Небо зажглось мириадами звезд, ярко мигающих с бархатной выси. Океан потемнел вдали, сияя фосфорическим блеском у бортов клипера и за кормою.

Скоро просвистали на молитву, и затем подвахтенные, взявши койки, улеглись спать на палубе.

А вахтенные матросы коротали вахту, притулившись у снастей, и лясничали вполголоса. В эту ночь во многих кучках говорили об арапчонке.

V

Через два дня доктор, по обыкновению, пришел в лазарет в семь часов утра и, обследовав своего единственного пациента, нашел, что он поправился, может встать, выйти наверх и есть матросскую пищу. Объявил он об этом маленькому негру больше знаками, которые были на этот раз быстро поняты поправившимся и повеселевшим мальчиком, казалось, уже забывшим недавнюю близость смерти. Он быстро вскочил с койки, обнаруживая намерение идти наверх погреться на солнышке, в длинной матросской рубахе, которая сидела на нем в виде длинного мешка, но веселый смех доктора и хихиканье фельдшера при виде черненького человечка в таком костюме несколько смутили негра, и он стоял среди каюты, не зная, что ему предпринять, и не вполне понимая, к чему доктор дергает его рубаху, продолжая смеяться.

Тогда негр быстро ее снял и хотел было юркнуть в двери нагишом, но фельдшер удержал его за руку, а доктор, не переставая смеяться, повторял:

– No, по, по…

И вслед за тем знаками приказал негру надеть свою рубашку-мешок.

– Во что бы одеть его, Филиппов? – озабоченно спрашивал доктор щеголеватого курчавого фельдшера, человека лет тридцати. – Об этом-то мы с тобой, братец, и не подумали…

– Точно так, вашескобродие, об этом мечтания не было. А ежели теперь обрезать ему, значит, рубаху примерно до колен, вашескобродие, да, с позволения сказать, перехватить талию ремнем, то будет даже довольно «обоюдно», вашескобродие, – заключил фельдшер, имевший несчастную страсть употреблять некстати слова, когда он хотел выразиться покудрявее, или, как матросы говорили, позанозистее.

– То есть как «обоюдно»? – улыбнулся доктор.

– Да так-с… обоюдно… Кажется, всем известно, что обозначает «обоюдно», вашескобродие! – обиженно проговорил фельдшер. – Удобно и хорошо, значит.

– Едва ли это будет «обоюдно», как ты говоришь. Один смех

будет, вот что, братец. А впрочем, надо же как-нибудь одеть мальчика, пока не попрошу у капитана разрешения сшить мальчику платье по мерке.

– Очень даже возможно хороший костюм сшить… На клипере есть матросы по портной части. Сошьют.

– Так устраивай свой обоюдный костюм.

Но в эту минуту в двери лазаретной каюты раздался осторожный, почтительный стук.

– Кто там? Входи! – крикнул доктор.

В дверях показалось сперва красноватое, несколько припухлое, неказистое лицо, обрамленное русыми баками, с подозрительного цвета носом и воспаленными живыми и добрыми глазами, а вслед за тем и вся небольшая, сухощавая, довольно ладная и крепкая фигура фор-марсового Ивана Лучкина.

Это был пожилой матрос, лет сорока, прослуживший во флоте пятнадцать лет и бывший на клипере одним из лучших матросов и отчаянных пьяниц, когда попадал на берег. Случалось, он на берегу пропивал все свое платье и являлся на клипер в одном белье, ожидая на следующее утро наказания с самым, казалось, беззаботным видом.

– Это я, вашескобродие, – проговорил Лучкин сиповатым голосом, переступая большими ступнями босых жилистых ног и теребя засмоленной шершавой рукой обтянутую штанину.

В другой руке у него был узелок.

Он глядел на доктора с тем застенчиво-виноватым выражением и в лице и в глазах, которое часто бывает у пьяниц и вообще у людей, знающих за собой порочные слабости.

– Что тебе, Лучкин?.. Заболел, что ли?

– Никак нет, вашескобродие, – я вот платье арапчонку принес… Думаю: голый, так сшил и мерку еще раньше снял. Дозвольте отдать, вашескобродие.

– Отдавай, братец… Очень рад, – говорил доктор, несколько изумленный. – Мы вот думали, во что бы одеть мальчика, а ты раньше нас подумал о нем…

– Способное время было, вашескобродие, – как бы извинялся Лучкин.

И с этими словами он вынул из ситцевого платка маленькую матросскую рубаху и такие же штаны, сшитые из холста, встряхнул их и, подавая ошалевшему мальчику, весело и уже совсем не виноватым тоном, каким говорил с доктором, сказал, ласково глядя на негра:

– Получай, Максимка! Одежа самая, братец ты мой, вери гут. Одевай да носи на здоровье, а я посмотрю, как сидит… Вали,

Максимка!

– Отчего ты его Максимкой зовешь? – рассмеялся доктор.

– А как же, вашескобродие? Максимка и есть, потому как его в день святого угодника Максима спасли, он и выходит Максимка… Опять же имени у арапчонка нет, надо же его как-нибудь звать.

Радости мальчика не было пределов, когда он облачился в новую чистую пару. Видимо, такого платья он никогда не носил.

Лучкин осмотрел свое изделие со всех сторон, обдергал и пригладил рубаху и нашел, что платье во всем аккурате.

– Ну, теперь валим наверх, Максимка… Погрейся на солнышке! Дозвольте, вашескобродие.

Доктор, сияя добродушной улыбкой, кивнул головой, и матрос, взяв за руку негра, повел его на бак и, показывая матросам, проговорил:

– Вот он и Максимка! Не бойсь, теперь забудет идола-мериканца, знает, что российские матросы его не забидят.

И он любовно трепал мальчика по плечу и, показывая на его курчавую голову, сказал:

– Ужо, брат, и шапку справим… И башмачки будут, дай срок!

Мальчик ничего не понимал, но чувствовал по всем этим загорелым лицам матросов, по их улыбкам, полным участия, что его не обидят.

И он весело скалил свои ослепительно белые зубы, нежась под горячими лучами родного ему южного солнца.

С этого дня все стали его звать Максимкой.

VI

Представив матросам на баке маленького, одетого по-матросски негра, Иван Лучкин тотчас же объявил, что будет «доглядывать» за Максимкой и что берет его под свое особое покровительство, считая, что это право принадлежит исключительно ему уж в силу того, что он «обрядил мальчонка» и дал ему, как он выразился, «форменное прозвище».

О том, что этот заморенный, худой маленький негр, испытавший на заре своей жизни столько горя у капитана-американца, возбудил необыкновенную жалость в сердце одинокого как перст матроса, жизнь которого, особенно прежде, тоже была не из сладких, и вызвал желание сделать для него возможно приятными дни пребывания на клипере, – о том Лучкин не проронил ни слова. По обыкновению русских простых людей, он стыдился перед другими обнаруживать свои чувства и, вероятно, поэтому объяснил матросам желание «доглядывать» за Максимкой исключительно тем, что «арапчонок занятный, вроде облизьяны, братцы». Однако на всякий случай довольно

решительно заявил, бросая внушительный взгляд на матроса Петрова, известного задиру, любившего обижать безответных и робких первогодков матросов, – что если найдется такой, «прямо сказать, подлец», который завидит сироту, то будет иметь дело с ним, с Иваном Лучкиным.

– Не бойсь, искровяню морду в самом лучшем виде! – прибавил он, словно бы в пояснение того, что значит иметь с ним дело. – Забижать дитё – самый большой грех… Какое ни на есть оно: крещеное или арапское, а все дитё… И ты его не забидь! – заключил Лучкин.

Все матросы охотно признали заявленные Лучкиным права на Максимку, хотя многие скептически отнеслись к рачительному исполнению принятой им добровольно на себя хлопотливой обязанности.

Где, мол, такому «отчаянному матросне» и забулдыге-пьянице возиться с арапчонком?

И кто-то из старых матросов не без насмешки спросил:

– Так ты, Лучкин, значит, вроде быдто няньки будешь у Максимки?

– То-то, за няньку! – отвечал с добродушным смехом Лучкин, не обращая внимания на иронические усмешки и улыбки. – Нешто я в няньки не гожусь, братцы? Не к барчуку ведь!.. Тоже и этого черномазого надо обрядить… другую смену одежи сшить, да башмаки, да шапку справить… Дохтур исхлопочет, чтобы, значит, товар казенный выдали… Пущай Максимка добром вспомнит российских матросиков, как оставят его беспризорного на Надежном мысу. По крайности, не голый будет ходить.

– Да как же ты, Лучкин, будешь лопотать с эстим самым арапчонком? Ни ты его, ни он тебя!..

– Не бойсь, договоримся! Еще как будем-то говорить! – с какою-то непостижимой уверенностью произнес Лучкин. – Он даром что арапского звания, а понятливый… я его, братцы, скоро по-нашему выучу… Он поймет…

И Лучкин ласково взглянул на маленького негра, который, притулившись к борту, любопытно озирался вокруг.

И негр, перехватив этот полный любви и ласки взгляд матроса, тоже в ответ улыбался, оскаливая зубы, широкой благодарной улыбкой, понимая без слов, что этот матрос друг ему.

Когда в половине двенадцатого часа были окончены все утренние работы, и вслед за тем вынесли на палубу ендову с водкой, и оба боцмана и восемь унтер-офицеров, ставши в кружок, засвистали призыв к водке, который матросы не без остроумия называют «соловьиным пением», – Лучкин, радостно

улыбаясь, показал мальчику на свой рот, проговорив: «Сиди тут, Максимка!», и побежал на шканцы, оставив негра в некотором недоумении.

Недоумение его, впрочем, скоро разрешилось.

Острый запах водки, распространявшийся по всей палубе, и удовлетворенно-серьезные лица матросов, которые, возвращаясь со шканцев, утирали усы своими засмоленными шершавыми руками, напомнили маленькому негру о том, что и на «Бетси» раз в неделю матросам давали по стакану рома, и о том, что капитан пил его ежедневно и, как казалось мальчику, больше, чем бы следовало.

Лучкин, уже вернувшийся к Максимке и после большой чарки водки бывший в благодушном настроении, весело трепанул мальчика по спине и, видимо, желая поделиться с ним приятными впечатлениями, проговорил:

– Бон водка! Вери гут шнапс, Максимка, я тебе скажу.

Максимка сочувственно кивнул головой и промолвил:

– Вери гут!

Это быстрое понимание привело Лучкина в восхищение, и он воскликнул:

– Ай да молодца, Максимка! Все понимаешь… А теперь валим, мальчонка, обедать… Небось, есть хочешь?

И матрос довольно наглядно задвигал скулами, открывая рот.

И это понять было нетрудно, особенно когда мальчик увидал, как снизу один за другим выходили матросы-артельщики, имея в руках изрядные деревянные баки (мисы) со щами, от которых шел вкусный пар, приятно щекотавший обоняние.

И маленький негр довольно красноречиво замахал головой, и глаза его блеснули радостью.

– Ишь ведь, все понимает? Башковатый! – промолвил Лучкин, начинавший уже несколько пристрастно относиться и к арапчонку и к своему умению разговаривать с ним понятно, и, взяв Максимку за руку, повел его.

На палубе, прикрытой брезентами, уже расселись, поджав ноги, матросы небольшими артелями, человек по двенадцати, вокруг дымящихся баков со щами из кислой капусты, запасенной еще из Кронштадта, и молча и истово, как вообще едят простолюдины, хлебали варево, заедая его размоченными сухарями.

Осторожно ступая между обедающими, Лучкин подошел с Максимкой к своей артели, расположившейся между грот– и фок-мачтами, и проговорил, обращаясь к матросам, еще не начинавшим, в ожидании Лучкина, обедать:

– А что, братцы, примете в артель Максимку?

– Чего спрашиваешь зря? Садись с арапчонком! – проговорил старый плотник Захарыч.

– Может, другие которые… Сказывай, ребята! – снова спросил Лучкин.

Все в один голос отвечали, что пусть арапчонок будет в их артели, и потеснились, чтобы дать им обоим место.

И со всех сторон раздались шутливые голоса:

– Не бойсь, не объест твой Максимка!

– И всю солонину не съест!

– Ему и ложка припасена, твоему арапчонку.

– Да я, братцы, по той причине, что он негра… некрещенный, значит, – промолвил Лучкин, присевши к баку и усадивши около себя Максимку. – Но только я полагаю, что у Бога все равны… Всем хлебушка есть хочется…

– А то как же? Господь на земле всех терпит… Не бойсь, не разбирает. Это вот разве который дурак, как вестовщина Сойкин, мелет безо всякого рассудка об нехристях! – снова промолвил Захарыч.

Все, видимо, разделяли мнение Захарыча. Недаром же русские матросы с замечательной терпимостью относятся к людям всех рас и с исповеданий, с какими приходится им встречаться.

Артель отнеслась к Максимке с полным радушием. Один дал ему деревянную ложку, другой придвинул размоченный сухарь, и все глядели ласково на затихшего мальчика, видимо, не привыкшего к особенному вниманию со стороны людей белой кожи, и словно бы приглашали его этими взглядами не робеть.

– Однако и начинать пора, а то щи застынут! – заметил Захарыч.

Все перекрестились и начали хлебать щи.

– Ты что же не ешь, Максимка, а? Ешь, глупый! Шти, братец, скусные. Гут щи! – говорил Лучкин, показывая на ложку.

Но маленький негр, которого на бриге никогда не допускали есть вместе с белыми и который питался объедками один, где-нибудь в темном уголке, робел, хотя и жадными глазами посматривал на щи, глотая слюну.

– Эка пужливый какой! Видно, застращал арапчонка этот самый дьявол-мериканец? – промолвил Захарыч, сидевший рядом с Максимкой.

И с этими словами старый плотник погладил курчавую голову Максимки и поднес к его рту свою ложку…

После этого Максимка перестал бояться и через несколько минут уже усердно уписывал и щи, и накрошенную потом солонину, и пшенную кашу с маслом.

А Лучкин то и дело его похваливал и повторял:

– Вот это бон, Максимка. Вери гут, братец ты мой. Кушай себе на здоровье!

VII

По всему клиперу раздается храп отдыхающих после обеда матросов. Только отделение вахтенных не спит, да кто-нибудь из хозяйственных матросов, воспользовавшись временем, тачает себе сапоги, шьет рубаху или чинит какую-нибудь принадлежность своего костюма.

А «Забияка» идет да идет себе с благодатным пассатом, и вахтенным решительно нечего делать, пока не набежит грозовое облачко и не заставит моряков на время убрать все паруса, чтобы встретить тропический шквал с проливным дождем готовыми, то есть с оголенными мачтами, предоставляя его ярости меньшую площадь сопротивления.

Но горизонт чист. Ни с одной стороны не видно этого маленького серенького пятнышка, которое, быстро вырастая, несется громадной тучей, застилающей горизонт и солнце. Страшный порыв валит судно набок, страшный ливень стучит по палубе, промачивает до костей, и шквал так же быстро проносится далее, как и появляется. Он нашумел, облил дождем и исчез.

И снова ослепительное солнце, лучи которого быстро сушат и палубу, и снасти, и паруса, и матросские рубахи, и снова безоблачное голубое небо и ласковый океан, по которому бежит, снова одевшись всеми парусами, судно, подгоняемое ровным пассатом.

Благодать кругом и теперь… Тишина и на клипере.

Команда отдыхает, и в это время нельзя без особой крайности беспокоить матросов, – такой давно установившийся обычай на судах.

Притулившись в тени у фок-мачты, не спит сегодня и Лучкин, к удивлению вахтенных, знавших, что Лучкин здоров спать.

Мурлыкая себе под нос песенку, слов которой не разобрать, Лучкин кроил из куска парусины башмаки и по временам взглядывал на растянувшегося около него, сладко спавшего Максимку и на его ноги, чернеющиеся из-за белых штанин, словно бы соображая, правильна ли мерка, которую он снял с этих ног тотчас же после обеда.

По-видимому, наблюдения вполне успокаивают матроса, и он продолжает работу, не обращая больше внимания на маленькие черные ноги.

Что-то радостное и теплое охватывает душу этого бесшабашного пропойцы при мысли о том, что он сделает «на

первый сорт» башмаки этому бедному, беспризорному мальчишке и справит ему все, что надо. Вслед за тем невольно проносится вся его матросская жизнь, воспоминание о которой представляет довольно однообразную картину бесшабашного пьянства и порок за пропитые казенные вещи.

И Лучкин не без основательности заключает, что не будь он отчаянным марсовым, бесстрашие которого приводило в восторг всех капитанов и старших офицеров, с которыми он служил, то давно бы ему быть в арестантских ротах.

– За службу жалели! – проговорил он вслух и почему-то вздохнул и прибавил: – То-то она и загвоздка!

К какому именно обстоятельству относилась эта «загвоздка»: к тому ли, что юн отчаянно пьянствовал при съездах на берег и дальше ближайшего кабака ни в одном городе (кроме Кронштадта) не бывал, или к тому, что он был лихой марсовой и потому только не попробовал арестантских рот, – решить было трудно. Но несомненным было одно: вопрос о какой-то «загвоздке» в его жизни, заставил Лучкина на несколько минут прервать мурлыканье, задуматься и в конце концов проговорить вслух:

– И хуфайку бы нужно Максимке… А то какой же человек без хуфайки?

В продолжение часа, полагавшегося на послеобеденный отдых команды, Лучкин успел скроить передки и приготовить подошвы для башмаков Максимки. Подошвы были новые, из казенного товара, приобретенные еще утром в долг у одного хозяйственного матроса, имевшего собственные сапоги, причем для верности, по предложению самого Лучкина, знавшего, как трудно у него держатся деньги, в особенности на твердой земле, уплату долга должен был произвести боцман, удержав деньги из жалованья.

Когда раздался боцманский свисток и вслед за тем команда горластого боцмана Василия Егоровича, или Егорыча, как звали его матросы, Лучкин стал будить сладко спавшего Максимку. Он хоть и пассажир, а все же должен был, по мнению Лучкина, жить по-матроссски, как следует по расписанию, во избежание каких-либо неприятностей, главным образом, со стороны Егорыча. Егорыч хотя и был, по убеждению Лучкина, добер и дрался не зря, а с «большим рассудком», а все-таки под сердитую руку мог съездить по уху и арапчонка за «непорядок». Так уж лучше и арапчонка к порядку приучать.

– Вставай, Максимка! – говорил ласковым тоном матрос, потряхивая за плечо негра.

Тот потянулся, открыл глаза и поглядел вокруг. Увидав, что

все матросы встают и Лучкин собирает свою работу, Максимка торопливо вскочил на ноги и, как покорная собачонка, смотрел в глаза Лучкина.

– Да ты не бойся, Максимка… Ишь, глупый… всего боится! А это, братец, тебе будут башмаки…

Хотя негр решительно не понимал, что говорил ему Лучкин, то показывая на его ноги, то на куски скроенной парусины, тем не менее улыбался во весь свой широкий рот, чувствуя, вероятно, что ему говорят что-нибудь хорошее. Доверчиво и послушно пошел он за поманившим его Лучкиным на кубрик и там любопытно смотрел, как матрос уложил в парусиновый чемоданчик, наполненный бельем и платьем, свою работу, и снова ничего не понимал, и только опять благодарно улыбался, когда Лучкин снял свою шапку и, показывая пальцем то на нее, то на голову маленького негра, тщетно старался объяснить и словами и знаками, что и у Максимки будет такая же шапка с белым чехлом и лентой.

Но зато негр чувствовал всем своим маленьким сердцем расположение этих белых людей, говоривших совсем не на том языке, на котором говорили белые люди на «Бетси», и особенно доброту этого матроса с красным носом, напоминавшим ему стручковый перец, и с волосами, похожими цветом на паклю, который подарил ему такое чудное платье, так хорошо угостил его вкусными яствами и так ласково смотрит на него, как никто не глядел на него во всю жизнь, кроме пары чьих-то больших черных навыкате глаз на женском чернокожем лице.

Эти глаза, добрые и нежные, жили в его памяти как далекое, смутное воспоминание, нераздельное с представлением шалашей, крытых бананами, и высоких пальм. Были ли это грезы или впечатления детства – он, конечно, не мог бы объяснить; но эти глаза, случалось, жалели его во сне. И теперь он увидал и наяву добрые, ласковые глаза.

Да и вообще эти дни пребывания на клипере казались ему теми хорошими грезами, которые являлись только во сне, – до того они не похожи были на недавние, полные страданий и постоянного страха.

Когда Лучкин, бросив объяснения насчет шапки, достал из чемоданчика кусок сахару и дал его Максимке, мальчик был окончательно подавлен. Он схватил мозолистую, шершавую руку матроса и стал ее робко и нежно гладить, заглядывая в лицо Лучкина с трогательным выражением благодарности забитого существа, согретого лаской. Эта благодарность светилась и в глазах и в лице…

Она слышалась и в дрогнувших гортанных звуках нескольких

слов, порывисто и горячо произнесенных мальчиком на своем родном языке перед тем, как он засунул сахар в рот.

– Ишь ведь, ласковый! Видно, – не знал доброго слова, горемычный! – промолвил матрос с величайшей нежностью, которую только мог выразить его сиповатый голос, и потрепал Максимку по щеке. – Ешь сахар-то. Скусный! – прибавил он.

И здесь, в этом темном уголке кубрика, после обмена признаний, закрепилась, так сказать, взаимная дружба матроса с маленьким негром. Оба, казалось, были вполне довольны друг другом.

– Беспременно надо выучить тебя, Максимка, по-нашему, а то и не разобрать, что ты лопочешь, черномазый! Однако валим наверх! Сейчас антиллеринское ученье. Поглядишь!

Они вышли наверх. Скоро барабанщик пробил артиллерийскую тревогу, и Максимка, прислонившись к мачте, чтоб не быть сбитым с ног, сперва испугался при виде бегущих стремглав к орудиям матросов, но потом скоро успокоился и восхищенными глазами смотрел, как матросы откатывали большие орудия, как быстро совали в них банники и, снова выдвигая орудия за борт, недвижно замирали около них. Мальчик ждал, что будут стрелять, и недоумевал, в кого это хотят стрелять, так как на горизонте не было ни одного судна. А он уже был знаком с выстрелами и даже видел, как близко шлепнулась какая-то штука за кормою «Бетси», когда она, пустившись по ветру, удирала во все лопатки от какого-то трехмачтового судна, которое гналось за шкуной, наполненной грузом негров. Мальчик видел испуганные лица у всех на «Бетси» и слышал, как ругался капитан, пока трехмачтовое судно не стало значительно отставать. Он не знал, конечно, что это был один из военных английских крейсеров, назначенный для ловли негропромышленников, и тоже радовался, что шкуна убежала, и таким образом его мучитель-капитан не был пойман и не вздернут на нока-рее за позорную торговлю людьми.

Но выстрелов не было, и Максимка так их и не дождался. Зато с восхищением слушал барабанную дробь и не спускал глаз с Лучкина, который стоял у бакового орудия комендором и часто нагибался, чтобы прицеливаться.

Зрелище ученья очень понравилось Максимке, но не менее понравился ему и чай, которым после ученья угостил его Лучкин. Сперва Максимка только диву давался, глядя, как все матросы дуют горячую воду из кружек, закусывая сахаром и обливаясь потом. Но когда Лучкин дал и ему кружку и сахару, Максимка вошел во вкус и выпил две кружки.

Что же касается первого урока русского языка, начатого

Лучкиным в тот же день, перед вечером, когда начала спадать жара и когда, по словам матроса, было «легче войти в понятие», то начало его – признаться – не предвещало особенных успехов и вызывало немало-таки насмешек среди матросов при виде тщетных усилий Лучкина объяснить ученику, что его зовут Максимкой, а что учителя зовут Лучкиным.

Однако Лучкин хоть и не был никогда педагогом, тем не менее обнаружил такое терпение, такую выдержку и мягкость в стремлении во что бы то ни стало заложить, так сказать, первое основание обучения, – каковым он считал знание имени, – что им могли бы позавидовать патентованные педагоги, которым, вдобавок, едва ли приходилось преодолевать трудности, представившиеся матросу.

Придумывая более или менее остроумные способы для достижения заданной себе цели, Лучкин тотчас же приводил их и в исполнение.

Он тыкал в грудь маленького негра и говорил: «Максимка», затем показывал на себя и говорил: «Лучкин». Проделав это несколько раз и не достигнув удовлетворительного результата, Лучкин отходил на несколько шагов и вскрикивал: «Максимка!» Мальчик скалил зубы, но не усваивал и этого метода. Тогда Лучкин придумал новую комбинацию. Он попросил одного матросика крикнуть: «Максимка!» – и когда матрос крикнул, Лучкин не без некоторого довольства человека, уверенного в успехе, указал пальцем на Максимку и даже для убедительности осторожно затем встряхнул его за шиворот. Увы! Максимка весело смеялся, но, очевидно, понял встряхивание за приглашение потанцевать, потому что тотчас же вскочил на ноги и стал отплясывать, к общему удовольствию собравшейся кучки матросов и самого Лучкина.

Когда танец был окончен, маленький негр отлично понял, что пляской его остались довольны, потому что многие матросы трепали его и по плечу, и по спине, и по голове и говорили, весело смеясь:

– Гут, Максимка! Молодца, Максимка!

Трудно сказать, насколько бы увенчались успехом дальнейшие попытки Лучкина познакомить Максимку с его именем – попытки, к которым Лучкин хотел было вновь приступить, но появление на баке мичмана, говорящего по-английски, значительно упростило дело. Он объяснил мальчику, что он не «бой», а Максимка, и кстати сказал, что Максимкиного друга зовут Лучкин.

– Теперь, брат, он знает, как ты его прозвал! – проговорил, обращаясь к Лучкину, мичман.

– Премного благодарен, ваше благородие! – отвечал обрадованный Лучкин и прибавил: – А то я, ваше благородие, долго бился… Мальчонка башковатый, а никак не мог взять в толк, как его зовут.

– Теперь знает… Ну-ка, спроси.

– Максимка!

Маленький негр указал на себя.

– Вот так ловко, ваше благородие… Лучкин! – снова обратился матрос к мальчику.

Мальчик указал пальцем на матроса.

И оба они весело смеялись. Смеялись и матросы и замечали:

– Арапчонок в науку входит…

Дальнейший урок пошел как по маслу.

Лучкин указывал на разные предметы и называл их, причем, при малейшей возможности исковеркать слово, коверкал его, говоря вместо рубаха – «рубах», вместо мачта – «мачт», уверенный, что при таком изменении слов они более похожи на иностранные и легче могут быть усвоены Максимкой.

Когда просвистали ужинать, Максимка уже мог повторять за Лучкиным несколько русских слов.

– Ай да Лучкин! Живо обучил арапчонка. Того и гляди, до Надежного мыса понимать станет по-нашему! – говорили матросы.

– Еще как поймет-то! До Надежного ходу никак не меньше двадцати ден… А Максимка понятливый!

При слове «Максимка» мальчик взглянул на Лучкина.

– Ишь, твердо знает свою кличку!.. Садись, братец, ужинать будем!

Когда после молитвы раздали койки, Лучкин уложил Максимку около себя на палубе. Максимка, счастливый и благодарный, приятно потягивался на матросском тюфячке, с подушкой под головой и под одеялом, – все это Лучкин исхлопотал у подшкипера, отпустившего арапчонку койку со всеми принадлежностями.

– Спи, спи, Максимка! Завтра рано вставать!

Но Максимка и без того уже засыпал, проговорив довольно недурно для первого урока: «Максимка» и «Лючики», как переделал он фамилию своего пестуна.

Матрос перекрестил маленького негра и скоро уже храпел во всю ивановскую.

С полуночи он стал на вахту и вместе с фор-марсовым Леонтьевым полез на фор-марс.

Там они присели, осмотрев предварительно, все ли в порядке, и стали «лясничать», чтобы не одолевала дрема. Говорили о

Кронштадте, вспоминали командиров… и смолкли.

Вдруг Лучкин спросил:

– И никогда, ты, Леонтьев, этой самой водкой не занимаися?

Трезвый, степенный и исправный Леонтьев, уважавший Лучкина как знающего фор-марсового, работавшего на ноке, и несколько презиравший в то же время его за пьянство, – категорически ответил:

– Ни в жисть!

– Вовсе, значит, не касался?

– Разве когда стаканчик в праздник.

– То-то ты и чарки своей не пьешь, а деньги за чарки забираешь?

– Деньги-то, братец, нужнее… Вернемся в Россию, ежели выйдет отставка, при деньгах ты завсегда обернешься…

– Это что и говорить…

– Да ты к чему это, Лучкин, насчет водки?..

– А к тому, что ты, Леонтьев, задачливый матрос…

Лучкин помолчал и затем опять спросил:

– Сказывают: заговорить можно от пьянства?

– Заговаривают люди, это верно… На «Копчике» одного матроса заговорил унтерцер… Слово такое знал… И у нас есть такой человек…

– Кто?

– А плотник Захарыч… Только он в секрете держит. Не всякого уважит. А ты нешто хочешь бросить пьянство, Лучкин? – насмешливо промолвил Леонтьев.

– Бросить не бросить, а чтобы, значит, без пропою вещей…

– Попробуй пить с рассудком…

– Пробовал. Ничего не выходит, братец ты мой. Как дорвусь до винища – и пропал. Такая моя линия!

– Рассудку в тебе нет настоящего, а не линия, – внушительно заметил Леонтьев. – Каждый человек должен себя понимать… А ты все-таки поговори с Захарычем. Может, и не откажет… Только вряд ли тебя заговорит! – прибавил насмешливо Леонтьев.

– То-то и я так полагаю! Не заговорит! – вымолвил Лучкин и сам почему-то усмехнулся, точно довольный, что его не заговорить.

VIII

Прошло три недели, и хотя «Забияка» был недалеко от Каптоуна, но попасть в него не мог. Свежий противный ветер, дувший, как говорят моряки, прямо «в лоб» и по временам доходивший до степени шторма, не позволял клиперу приблизиться к берегу; при этом ветер и волнение были так сильны, что нечего было и думать пробовать идти под парами.

Даром потратили бы уголь.

И в ожидании перемены погоды «Забияка» с зарифленными марселями держался недалеко от берегов, стремительно покачиваясь на океане.

Так прошло дней шесть-семь.

Наконец ветер стих. На «Забияке» развели пары, и скоро, попыхивая дымком из своей белой трубы, клипер направился к Каптоуну.

Нечего и говорить, как рады были этому моряки.

Но был один человек на клипере, который не только не радовался, а, напротив, по мере приближения «Забияки» к порту, становился задумчивее и угрюмее.

Это был Лучкин, ожидавший разлуки с Максимкой.

За этот месяц, в который Лучкин, против ожидания матросов, не переставал пестовать Максимку, он привязался к Максимке, да и маленький негр в свою очередь привязался к матросу. Они отлично понимали друг друга, так как и Лучкин проявил блистательные педагогические способности, и Максимка обнаружил достаточную понятливость и мог объясняться кое-как по-русски. Чем более они узнавали один другого, тем более дружили. Уж у Максимки были две смены платья, башмаки, шапка и матросский нож на ремешке. Он оказался смышленым и веселым мальчиком и давно уже сделался фаворитом всей команды. Даже и боцман Егорыч, вообще не терпевший никаких пассажиров на судне, как людей, ничего не делающих, относился весьма милостиво к Максимке, так как Максимка всегда во время работ тянул вместе с другими снасти и вообще старался чем-нибудь да помочь другим и, так сказать, не даром есть матросский паек. И по вантам взбегал, как обезьяна, и во время шторма не обнаруживал ни малейшей трусости, – одним словом, был во всех статьях «морской мальчонка».

Необыкновенно добродушный и ласковый, он нередко забавлял матросов своими танцами на баке и родными песнями, которые распевал звонким голосом. Все его за это баловали, а мичманский вестовой Артюшка нередко нашивал ему остатки пирожного с кают-компанейского стола.

Нечего и прибавлять, что Максимка был предан Лучкину, как собачонка, всегда был при нем и, что называется, смотрел ему в глаза. И на марс к нему лазил, когда Лучкин бывал там во время вахты, и на носу с ним сидел на часах, и усердно старался выговаривать русские слова…

Уже обрывистые берега были хорошо видны… «Забияка» шел полным ходом. К обеду должны были стать на якорь в Каптоуне.

Невеселый был Лучкин в это славное солнечное утро и с

каким-то особенным ожесточением чистил пушку. Около него стоял Максимка и тоже подсоблял ему.

– Скоро прощай, брат Максимка! – заговорил, наконец, Лучкин.

– Зачем прощай? – удивился Максимка.

– Оставят тебя на Надежном мысу… Куда тебя девать?

Мальчик, не думавший о своей будущей судьбе и не совсем понимавший, что ему говорит Лучкин, тем не менее догадался по угрюмому выражению лица матроса, что сообщение его не из радостных, и подвижное лицо его, быстро отражавшее впечатления, внезапно омрачилось, и он сказал:

– Мой не понимай Лючика.

– Айда, брат, с клипера… На берегу оставят… Я уйду дальше, а Максимка здесь.

И Лучкин пантомимами старался пояснить, в чем дело.

По-видимому, маленький негр понял. Он ухватился за руку Лучкина и молящим голоском проговорил:

– Мой нет берег… Мой здесь Максимка, Лючика, Лючика, Максимка. Мой люсска матлос… Да, да, да…

И тогда внезапная мысль озарила матроса. И он спросил:

– Хочешь, Максимка, русска матрос?

– Да, да, – повторял Максимка и изо всех сил кивал головой.

– То-то бы отлично! И как это мне раньше невдомек… Надо поговорить с ребятами и просить Егорыча… Он доложит старшему офицеру…

Через несколько минут Лучкин на баке говорил собравшимся матросам:

– Братцы! Максимка желает остаться с нами. Будем просить, чтобы дозволили ему остаться… Пусть плавает на «Забияке»! Как вы об этом полагаете, братцы?

Все матросы выразили живейшее одобрение этому предложению.

Вслед за тем Лучкин пошел к боцману, и просил его доложить о просьбе команды старшему офицеру, и прибавил:

– Уж ты, Егорыч, уважь, не откажи… И попроси старшего офицера… Максимка сам, мол, желает… А то куда же бросить бесприютного сироту на Надежном мысу. И вовсе он пропасть там может, Егорыч… Жаль мальчонку… Хороший он ведь, исправный мальчонка.

– Что ж, я доложу… Максимка мальчишка аккуратный. Только как капитан… Согласится ли арапского звания негру оставить на российском корабле… Как бы не было в этом загвоздки…

– Никакой не будет заговоздки, Егорыч. Мы Максимку из

арапского звания выведем.

– Как так?

– Окрестим в русскую веру, Егорыч, и будет он, значит, русского звания арап.

Эта мысль понравилась Егорычу, и он обещал немедленно доложить старшему офицеру.

Старший офицер выслушал доклад боцмана и заметил:

– Это, видно, Лучкин хлопочет.

– Вся команда тоже просит за арапчонка, ваше благородие… А то куда его бросить? Жалеют… А он бы у нас заместо юнги был, ваше благородие! Арапчонок исправный, осмелюсь доложить. И ежели его окрестить, вовсе душу, значит, можно спасти…

Старший офицер обещал доложить капитану.

К подъему флага вышел наверх капитан. Когда старший офицер передал ему просьбу команды, капитан сперва было отвечал отказом. Но, вспомнив, вероятно, своих детей, тотчас же переменил решение и сказал:

– Что ж, пусть останется. Сделаем его юнгой… А вернется в Кронштадт с нами… что-нибудь для него сделаем… В самом деле, за что его бросать, тем более что он сам этого не хочет!.. Да пусть Лучкин останется при нем дядькой… Пьяница отчаянный этот Лучкин, а подите… эта привязанность к мальчику… Мне доктор говорил, как он одел негра.

Когда на баке было получено разрешение оставить Максимку, все матросы чрезвычайно обрадовались. Но больше всех, конечно, радовались Лучкин и Максимка.

В час дня клипер бросил якорь на Каптоунском рейде, и на другой день первая вахта была отпущена на берег. Собрался ехать и Лучкин с Максимкой.

– А ты смотри, Лучкин, не пропей Максимки-то! – смеясь, заметил Егорыч.

Это замечание, видимо, очень кольнуло Лучкина, и он ответил:

– Может, из-за Максимки я и вовсе тверезый вернусь!

Хотя Лучкин и вернулся с берега мертвецки пьяным, но, к общему удивлению, в полном одеянии. Как потом оказалось, случилось это благодаря Максимке, так как он, заметив, что его друг чересчур пьет, немедленно побежал в соседний кабак за русскими матросами, и они унесли Лучкина на пристань и положили в шлюпку, где около него безотлучно находился Максимка.

Лучкин едва вязал языком и все повторял:

– Где Максимка? Подайте мне Максимку… Я его, братцы, не пропил, Максимку… Он мне первый друг… Где Максимка?

И когда Максимка подошел к Лучкину, тот тотчас же успокоился и скоро заснул.

Через неделю «Забияка» ушел с мыса Доброй Надежды, и вскоре после выхода Максимка был не без торжественности окрещен и вторично назван Максимкой. Фамилию ему дали по имени клипера – Забиякин.

Через три года Максимка вернулся на «Забияке» в Кронштадт четырнадцатилетним подростком, умевшим отлично читать и писать по-русски благодаря мичману Петеньке, который занимался с ним.

Капитан позаботился о нем и определил его в школу фельдшерских учеников, а вышедший в отставку Лучкин остался в Кронштадте, чтобы быть около своего любимца, которому он отдал всю привязанность своего сердца и ради которого уже теперь не пропивал вещей, а пил «с рассудком».

Нянька

I

Однажды вешним утром, когда в кронштадтских гаванях давно уже кипели работы по изготовлению судов к летнему плаванию, в столовую небольшой квартиры капитана второго ранга Василия Михайловича Лузгина вошел денщик, исполнявший обязанности лакея и повара. Звали его Иван Кокорин.

Обдергивая только что надетый поверх форменной матросской рубахи засаленный черный сюртук, Иван доложил своим мягким, вкрадчивым тенорком:

– Новый денщик явился, барыня. Барин из экипажа прислали.

Барыня, молодая видная блондинка с большими серыми глазами, сидела за самоваром, в голубом капоте, в маленьком чепце на голове, прикрывавшем неубранные, завязанные в узел светло-русые волосы, и пила кофе. Рядом с ней, на высоком стульчике, лениво отхлебывал молоко, болтая ногами, черноглазый мальчик лет семи или восьми, в красной рубашке с золотым позументом. Сзади стояла, держа грудного ребенка на руках, молодая худощавая робкая девушка, босая и в затасканном ситцевом платье. Ее все звали Анюткой. Она была единственной крепостной Лузгиной, отданной ей в числе приданого еще подростком.

– Ты, Иван, знаешь этого денщика? – спросила барыня, поднимая голову.

– Не знаю, барыня.

– А как он на вид?

– Как есть грубая матросня! Безо всякого обращения, барыня! – отвечал Иван, презрительно выпячивая свои толстые,

сочные губы.

Сам он вовсе не походил на матроса.

Полнотелый, гладкий и румяный, с рыжеватыми намасленными волосами, с веснушчатым, гладко выбритым лицом человека лет тридцати пяти и с маленькими, заплывшими глазками, он и наружным своим видом и некоторою развязностью манер напоминал собою скорее дворового, привыкшего жить около господ.

Он с первого же года службы попал в денщики и с тех пор постоянно находился на берегу, ни разу не ходивши в море.

У Лузгиных он жил в денщиках вот уже три года и, несмотря на требовательность барыни, умел угождать ей.

– А не заметно, что он пьяница? – снова спросила барыня, не любившая пьяных денщиков.

– Не оказывает будто по личности, а кто его знает? Да вот сами изволите осмотреть и допросить денщика, барыня, – прибавил Иван.

– Ну, пошли его сюда.

Иван вышел, бросив на Анютку быстрый нежный взгляд.

Анютка сердито повела бровями.

II

В дверях показался коренастый, маленького роста, чернявый матрос с медною серьгою в ухе. На вид ему было лет пятьдесят. Застегнутый в мундир, высокий воротник которого резал его красно-бурую шею, он казался неуклюжим и весьма неказистым. Переступив осторожно через порог, матрос вытянулся как следует перед начальством, вытаращил на барыню слегка глаза и замер в неподвижной позе, держа по швам здоровенные волосатые руки, жилистые и черные от впитавшейся смолы.

На правой руке недоставало двух пальцев.

Этот черный, как жук, матрос с грубыми чертами некрасивого, рябоватого, с красной кожей лица, сильно заросшего черными как смоль баками и усами, с густыми взъерошенными бровями, которые придавали его типичной физиономии заправского марсового несколько сердитый вид, – произвел на барыню, видимо, неприятное впечатление.

«Точно лучше не мог найти», – мысленно произнесла она, досадуя, что муж выбрал такого грубого мужлана.

Она снова оглядела стоявшего неподвижно матроса и обратила внимание и на его слегка изогнутые ноги с большими, точно медвежьими, ступнями, и на отсутствие двух пальцев, и – главное – на нос, широкий мясистый нос, малиновый цвет которого внушил ей тревожные подозрения.

– Здравствуй! – произнесла, наконец, барыня недовольным,

сухим тоном, и ее большие серые глаза стали строги.

– Здравия желаю, вашескобродие, – гаркнул в ответ матрос зычным баском, видимо, не сообразив размера комнаты.

– Не кричи так! – строго сказала она и оглянулась, не испугался ли ребенок. – Ты, кажется, не на улице, в комнате. Говори тише.

– Есть, вашескобродие, – значительно понижая голос, ответил матрос.

– Еще тише. Можешь говорить тише?

– Буду стараться, вашескобродие! – произнес он совсем тихо и сконфуженно, предчувствуя, что барыня будет «нудить» его.

– Как тебя зовут?

– Федосом, вашескобродие.

Барыня поморщилась, точно от зубной боли. Совсем неблагозвучное имя!

– А фамилия?

– Чижик, вашескобродие!

– Как? – переспросила барыня.

– Чижик… Федос Чижик!

И барыня и мальчуган, давно уже оставивший молоко и не спускавший любопытных и несколько испуганных глаз с этого волосатого матроса, невольно засмеялись, а Анютка фыркнула в руку, – до того фамилия эта не подходила к его наружности.

И на серьезном, напряженном лице Федоса Чижика появилась необыкновенно добродушная и приятная улыбка, которая словно подтверждала, что и сам Чижик находит свое прозвище несколько смешным.

Мальчик перехватил эту улыбку, совсем преобразившую суровое выражение лица матроса. И нахмуренные его брови, и усы, и баки не смущали больше мальчика. Он сразу почувствовал, что Чижик добрый, и он ему теперь решительно нравился. Даже и запах смолы, который шел от него, показался ему особенно приятным и значительным.

И он сказал матери:

– Возьми, мама, Чижика.

– Taiser-vous! [17] – заметила мать.

И, принимая серьезный вид, продолжала допрос:

– У кого ты прежде был денщиком?

– Вовсе не был в этом звании, вашескобродие.

– Никогда не был денщиком?

– Точно так, вашескобродие. По флотской части состоял. Форменным, значит, матросом, вашескобродие…

– Зови меня просто барыней, а не своим дурацким вашескобродием.

– Слушаю, вашеско… виноват, барыня!

– И вестовым никогда не был?

– Никак нет.

– Почему же тебя теперь назначили в денщики?

– По причине пальцев! – отвечал Федос, опуская глаза на руку, лишенную большого и указательного пальцев. – Марсафалом оторвало прошлым летом на «конверте», на «Копчике»…

– Как муж тебя знает?

– Три лета с ими на «Копчике» служил под их командой.

Это известие, казалось, несколько успокоило барыню. И она уже менее сердитым тоном спросила:

– Ты водку пьешь?

– Употребляю, барыня! – признался Федос.

– И… много ее пьешь?

– В плепорцию, барыня.

Барыня недоверчиво покачала головой.

– Но отчего же у тебя нос такой красный, а?

– Сроду такой, барыня.

– А не от водки?

– Не должно быть. Я завсегда в своем виде, ежели когда и выпью в праздник.

– Денщику пить нельзя… Совсем нельзя… Я терпеть не могу пьяниц! Слышишь? – внушительно прибавила барыня.

Федос повел несколько удивленным взглядом на барыню и промолвил, чтобы подать реплику:

– Слушаю-с!

– Помни это.

Федос дипломатически промолчал.

– Муж говорил, на какую должность тебя берут?

– Никак нет. Только приказали явиться к вам.

– Ты будешь ходить вот за этим маленьким барином, – указала барыня движением головы на мальчика. – Будешь при нем нянькой.

Федос ласково взглянул на мальчика, а мальчик на Федоса, и оба улыбнулись.

Барыня стала перечислять обязанности денщика-няньки.

Он должен будить маленького барина в восемь часов и одеть его, весь день находиться при нем безотлучно и беречь его как зеницу ока. Каждый день ходить гулять с ним… В свободное время стирать его белье…

– Ты стирать умеешь?

– Свое белье сами стираем! – отвечал Федос и подумал, что барыня, должно быть, не очень башковата, если спрашивает, умеет ли матрос стирать.

– Подробности всех твоих обязанностей я потом объясню, а теперь отвечай: понял ты, что от тебя требуется?

В глазах матроса скользнула едва заметная улыбка.

«Нетрудно, дескать, понять!» – говорила, казалось, она.

– Понял, барыня! – отвечал Федос, несколько удрученный и этим торжественным тоном, каким говорила барыня, и этими длинными объяснениями, и окончательно решил, что в барыне большого рассудка нет, коли она так зря «языком брешет».

– Ну, а детей ты любишь?..

– За что детей не любить, барыня. Известно… дитё. Что с него взять…

– Иди на кухню теперь и подожди, пока вернется Василий Михайлович… Тогда я окончательно решу: оставлю я тебя или нет.

Находя, что матросу в мундире следует добросовестно исполнить роль понимающего муштру подчиненного, Федос по всем правилам строевой службы повернулся налево кругом, вышел из столовой и прошел на двор покурить трубочку.

III

– Ну что, Шура, тебе, кажется, понравился этот мужлан?

– Понравился, мама. И ты его возьми.

– Вот у папы спросим: не пьяница ли он?

– Да ведь Чижик говорил тебе, что не пьяница.

– Ему верить нельзя.

– Отчего?

– Он матрос… мужик. Ему ничего не стоит солгать.

– А он умеет рассказывать сказки? Он будет со мной играть?

– Верно, умеет и играть должен…

– А вот Антон не умел и не играл со мной.

– Антон был лентяй, пьяница и грубиян.

– За это его и посылали в экипаж, мама?

– Да.

– И там секли?

– Да, милый, чтобы его исправить.

– А он возвращался из экипажа всегда сердитый… И со мной даже говорить не хотел…

– Оттого, что Антон был дурной человек. Его ничем нельзя было исправить.

– Где теперь Антон?

– Не знаю…

Мальчик примолк, задумавшись, и, наконец, серьезно проговорил:

– А уж ты, мама, если меня любишь, не посылай Чижика в экипаж, чтобы его там секли, как Антона, а то и Чижик не будет

рассказывать мне сказок и будет браниться, как Антон…

– Он разве смел тебя бранить?

– Подлым отродьем называл… Это, верно, что-нибудь нехорошее…

– Ишь, негодяй какой!.. Зачем же ты, Шура, не сказал мне, что он тебя так называл?

– Ты послала бы его в экипаж, а мне его жалко…

– Таких людей не стоит жалеть… И ты, Шура, не должен ничего скрывать от матери.

При разговоре об Антоне Анютка подавила вздох.

Этот молодой кудрявый Антон, дерзкий и бесшабашный, любивший выпить и тогда хвастливый и задорный, оставил в Анютке самые приятные воспоминания о тех двух месяцах, что он пробыл в няньках у барчука.

Влюбленная в молодого денщика Анютка нередко проливала слезы, когда барин, по настоянию барыни, отправлял Антона в экипаж для наказания. А это частенько случалось. И до сих пор Анютка с восторгом вспоминает, как хорошо он играл на балалайке и пел песни. И какие у него смелые глаза! Как он не спускал самой барыне, особенно когда выпьет! И Анютка втайне страдала, сознавая безнадежность своей любви. Антон не обращал на нее ни малейшего внимания и ухаживал за соседской горничной.

Куда он милее этого барынина наушника, противного рыжего Ивана, который преследует ее своими любезностями… Тоже воображает о себе, рыжий дьявол! Проходу на кухне не дает…

В эту минуту ребенок, бывший на руках у Анютки, проснулся и залился плачем.

Анютка торопливо заходила по комнате, закачивая ребенка и напевая ему песни звонким, приятным голоском.

Ребенок не унимался. Анютка пугливо взглядывала на барыню.

– Подай его сюда, Анютка! Совсем ты не умеешь нянчить! – раздражительно крикнула молодая женщина, расстегивая белою пухлою рукой ворот капота.

Очутившись у груди матери, малютка мгновенно затих и жадно засосал, быстро перебирая губенками и весело глядя перед собою глазами, полными слез.

– Убирай со стола, да смотри, не разбей чего-нибудь.

Анютка бросилась к столу и стала убирать с бестолковой торопливостью запуганного создания.

IV

В начале первого часа, когда в порту зашабашили, из военной гавани, где вооружался «Копчик», вернулся домой Василий

Михайлович Лузгин, довольно полный, представительный брюнет, лет сорока, с небольшим брюшком и лысый, в потертом рабочем сюртуке, усталый и голодный.

В момент его прихода завтрак был на столе.

Моряк звонко поцеловал жену и сына и выпил одну за другой две рюмки водки. Закусив селедкой, он набросился на бифштекс с жадностью сильно проголодавшегося человека. Еще бы! С пяти часов утра, после двух стаканов чая, он ничего не ел.

Утолив голод, он нежно взглянул на свою молодую, приодетую, пригожую жену и спросил:

– Ну что, Марусенька, понравился новый денщик?

– Разве такой денщик может понравиться?

В маленьких добродушных темных глазах Василия Михайловича мелькнуло беспокойство.

– Грубый, неотесанный какой-то… Сейчас видно, что никогда не служил в домах.

– Это точно, но зато, Маруся, он надежный человек. Я его знаю.

– И этот подозрительный нос… Он, наверное, пьяница! – настаивала жена.

– Он пьет чарку-другую, но уверяю тебя, что не пьяница, – осторожно и необыкновенно мягко возразил Лузгин.

И, зная хорошо, что Марусенька не любит, когда ей противоречат, считая это кровной обидой, он прибавил:

– Впрочем, как хочешь. Если не нравится, я приищу другого денщика.

– Где опять искать?.. Шуре не с кем гулять… Уж бог с ним… Пусть остается, поживет… Я посмотрю, какое это сокровище, твой Чижик!

– Фамилия у него действительно смешная! – проговорил, смеясь, Лузгин.

– И имя самое мужицкое… Федос!

– Что ж, можно его иначе звать, как тебе угодно… Ты, право, Маруся, не раскаешься… Он честный и добросовестный человек… Какой фор-марсовой был!.. Но если ты не хочешь – отошлем Чижика… Твоя княжая воля…

Марья Ивановна и без уверений мужа знала, что влюбленный в нее простодушный и простоватый Василий Михайлович делал все, что только она хотела, и был покорнейшим ее рабом, ни разу в течение десятилетнего супружества и не помышлявшим о свержении ига своей красивой жены.

Тем не менее она нашла нужным сказать:

– Хоть мне и не нравится этот Чижик, но я оставлю его, так как ты этого хочешь.

– Но, Марусенька… Зачем?.. Если ты не хочешь…

– Я его беру! – властно произнесла Марья Ивановна.

Василию Михайловичу оставалось только благодарно взглянуть на Марусеньку, оказавшую такое внимание к его желанию. И Шурка был очень доволен, что Чижик будет его нянькой.

Нового денщика опять позвали в столовую. Он снова вытянулся у порога и без особенной радости выслушал объявление Марьи Ивановны, что она его оставляет.

Завтра же утром он переберется к ним со своими вещами. Поместится вместе с поваром.

– А сегодня в баню сходи… Отмой свои черные руки, – прибавила молодая женщина, не без брезгливости взглядывая на просмоленные, шершавые руки матроса.

– Осмелюсь доложить, враз не отмоешь… – Смола! – пояснил Федос и, как бы в подтверждение справедливости этих слов, перевел взгляд на бывшего своего командира.

«Дескать, объясни ей, коли она ничего не понимает».

– Со временем смола выйдет, Маруся… Он постарается ее вывести…

– Так точно, вашескобродие.

– И не кричи ты так, Феодосии… Уж я тебе несколько раз говорила…

– Слышишь, Чижик… Не кричи! – подтвердил Василий Михайлович.

– Слушаю, вашескобродие…

– Да смотри, Чижик, служи в денщиках так же хорошо, как служил на корвете. Береги сына.

– Есть, вашескобродие!

– И водки в рот не бери! – заметила барыня.

– Да, братец, остерегайся, – нерешительно поддакнул Василий Михайлович, чувствуя в то же время фальшь и тщету своих слов и уверенный, что Чижик при случае выпьет в меру.

– Да вот еще что, Феодосии… Слышишь, я тебя буду звать Феодосием…

– Как угодно, барыня.

– Ты разных там мерзких слов не говори, особенно при ребенке. И если на улице матросы ругаются, уводи барина.

– То-то, не ругайся, Чижик. Помни, что ты не на баке, а в комнатах!

– Не извольте сумлеваться, вашескобродие.

– И во всем слушайся барыни. Что она прикажет, то и исполняй. Не противоречь.

– Слушаю, вашескобродие…

– Боже тебя сохрани, Чижик, осмелиться нагрубить барыне. За малейшую грубость я велю тебе шкуру спустить! – строго и решительно сказал Василий Михайлович. – Понял?

– Понял, вашескобродие.

Наступило молчание.

«Слава Богу, конец!» – подумал Чижик.

– Он больше тебе не нужен, Марусенька?

– Нет.

– Можешь идти, Чижик… Скажи фельдфебелю, что я взял тебя! – проговорил Василий Михайлович добродушным тоном, словно бы минуту тому назад и не грозил спустить шкуру.

Чижик вышел словно из бани и, признаться, был сильно озадачен поведением бывшего своего командира.

Еще бы!

На корвете он казался орел-орлом, особенно когда стоял на мостике во время авралов или управлялся в свежую погоду, а здесь вот, при жене, совсем другой, «вроде быдто послушливого теленка». И опять же: на службе он был с матросом «добер», драл редко и с рассудком, а не зря; и этот же самый командир из-за своей «белобрысой» шкуру грозит спустить.

«Эта заноза-баба всем здесь командует!» – подумал Чижик не без некоторого презрительного сожаления к бывшему своему командиру.

«Ей, значит, трафь», – мысленно проговорил он.

– К нам перебираетесь, земляк? – остановил его на кухне Иван.

– То-то к вам, – довольно сухо отвечал Чижик, вообще не любивший денщиков и вестовых и считавший их, по сравнению с настоящими матросами, лодырями.

– Места, небось, хватит… У нас помещение просторное… Не прикажете ли цыгарку?..

– Спасибо, братец. Я – трубку… Пока что до свидания.

Дорогой в экипаж Чижик размышлял о том, что в денщиках, да еще с такой «занозой», как Лузгиниха, будет «нудно». Да и вообще жить при господах ему не нравилось.

И он пожалел, что ему оторвало марса-фалом пальцы. Не лишись он пальцев, был бы он по-прежнему форменным матросом до самой отставки.

– А то: «водки в рот не бери!» Скажи, пожалуйста, что выдумала бабья дурья башка! – вслух проговорил Чижик, подходя к казармам.

V

К восьми часам следующего утра Федос перебрался к Лузгиным со своими пожитками – небольшим сундучком,

тюфяком, подушкой в чистой наволочке розового ситца, недавно подаренной кумой-боцманшей, и балалайкой. Сложив все это в угол кухни, он снял с себя стесняющий его мундир и, облачившись в матросскую рубаху и надевши башмаки, явился к барыне, готовый вступить в свои новые обязанности няньки.

В свободно сидевшей на нем рубахе с широким отложным воротом, открывавшим крепкую, жилистую шею, и в просторных штанах Федос имел совсем другой – непринужденный и даже не лишенный некоторой своеобразной приятности – вид лихого, бывалого матроса, сумеющего найтись при всяких обстоятельствах. Все на нем сидело ловко и производило впечатление опрятности. И пахло от него, по мнению Шурки, как-то особенно приятно: смолой и махоркой.

Барыня, внимательно оглядевшая и Федоса и его костюм, нашла, что новый денщик ничего себе, не так уже безобразен и мужиковат, как казался вчера. И выражение лица не такое суровое.

Только его темные руки все еще смущали госпожу Лузгину, и она спросила, кидая брезгливый взгляд на руки матроса:

– Ты в бане был?

– Точно так, барыня. – И, словно бы оправдываясь, прибавил: – Сразу смолы не отмыть. Никак невозможно.

– Ты все-таки чаще руки мой. Держи их чисто.

– Слушаю-с.

Затем молодая женщина, опустив глаза на парусинные башмаки Федоса, заметила строгим тоном:

– Смотри… Не вздумай еще босым показываться в комнатах. Здесь не палуба и не матросы…

– Есть, барыня.

– Ну, ступай напейся чаю… Вот тебе кусок сахара.

– Покорно благодарю! – отвечал матрос, осторожно принимая кусок, чтобы не коснуться своими пальцами белых пальцев барыни.

– Да долго не сиди на кухне. Приходи к Александру Васильевичу.

– Приходи поскорей, Чижик! – попросил и Шурка.

– Живо обернусь, Лександра Васильич!

С первого же дня Федос вступил с Шуркой в самые приятельские отношения.

Первым делом Шурка повел Федоса в детскую и стал показывать свои многочисленные игрушки. Некоторые из них возбудили удивление в матросе, и он рассматривал их с любопытством, чем доставил мальчику большое удовольствие. Сломанную мельницу и испорченный пароход Федос обещал

починить – будут действовать.

– Ну? – недоверчиво спросил Шурка. – Ты разве сумеешь?

– То-то попробую.

– Ты и сказки умеешь, Чижик?

– И сказки умею.

– И будешь мне рассказывать?

– Отчего ж не рассказать? По времени можно и сказку.

– А я тебя, Чижик, за то любить буду…

Вместо ответа матрос ласково погладил голову мальчика шершавой рукой, улыбаясь при этом необыкновенно мягко и ясно своими глазами из-под нависших бровей.

Такая фамильярность не только не была неприятна Шурке, который слышал от матери, что не следует допускать какой-нибудь короткости с прислугой, но, напротив, еще более расположила его к Федосу.

И он проговорил, понижая голос:

– И знаешь что, Чижик?

– Что, барчук?..

– Я никогда не стану на тебя жаловаться маме…

– Зачем жаловаться?.. Небось, я не забижу ничем маленького барчука… Дитё забижать не годится. Это самый большой грех… Зверь и тот не забиждает щенят… Ну, а ежели, случаем, промеж нас и выйдет свара какая, – продолжал Федос, добродушно улыбаясь, – мы и сами разберемся, без маменьки… Так-то лучше, барчук… А то что кляузы заводить зря?.. Нехорошее это дело, братец ты мой, кляузы… Самое последнее дело! – прибавил матрос, свято исповедовавший матросские традиции, воспрещающие кляузы.

Шурка согласился, что это нехорошее дело, – он и от Антона и от Анютки это слышал не раз, – и поспешил объяснить, что он даже и на Антона не жаловался, когда тот назвал его «подлым отродьем», чтоб его не отправляли сечь в экипаж…

– И без того его часто посылали… Он маме грубил! И пьяный бывал! – прибавил мальчик конфиденциальным тоном.

– Вот это правильно, барчук… Совсем правильно! – почти нежно проговорил Федос и одобрительно потрепал Шурку по плечу. – Сердце-то детское умудрило пожалеть человека… Положим, этот Антон, прямо сказать, виноват… Разве можно на дите вымещать сердце?.. Дурак он во всей форме! А вы-то дуракову вину оставили безо внимания, даром что глупого возраста… Молодца, барчук!

Шурка был, видимо, польщен одобрением Чижика, хотя оно и шло вразрез с приказанием матери не скрывать от нее ничего.

А Федос осторожно присел на сундук и продолжал:

– Скажи вы тогда маменьке про эти самые Антоновы слова, отодрали бы его как Сидорову козу… Сделайте ваше одолжение!

– А что это значит?.. Какая такая коза, Чижик?..

– Скверная, барчук, коза, – усмехнулся Чижик. – Это так говорится, ежели, значит, очень долго секут матроса… Вроде как до бесчувствия…

– А тебя секли как Сидорову козу, Чижик?..

– Меня-то?.. Случалось прежде… Всяко бывало…

– И очень больно?

– Небось, несладко…

– А за что?..

– За флотскую часть… вот за что… Особенно не разбирали…

Шурка помолчал и, видимо, желая поделиться с Чижиком кое-чем небезынтересным, наконец проговорил несколько таинственно и серьезно:

– И меня секли, Чижик.

– Ишь ты, бедный… Такого маленького?

– Мама секла… И тоже было больно…

– За что ж вас-то?..

– Раз за чашку мамину… я ее разбил, а другой раз, Чижик, я мамы не слушал… Только ты, Чижик, никому не говори…

– Не бойся, милой, никому не скажу…

– Папа, тот ни разу не сек.

– И любезное дело… Зачем сечь?

– А вот Петю Голдобина – знаешь адмирала Голдобина? – так того все только папа его наказывает… И часто…

Федос неодобрительно покачал головой. Недаром и матросы не любили этого Голдобина. Форменная собака!

– А на «Копчике» папа наказывает матросов?

– Без эстого нельзя, барчук.

– И сечет?

– Случается. Однако папенька ваш добер… Его матросы любят….

– Еще бы… Он очень добрый!.. А хорошо теперь погулять бы на дворе, Чижик! – воскликнул мальчик, круто меняя разговор и взглядывая прищуренными глазами в окно, из которого лились снопы света, заливая блеском комнату.

– Что ж, погуляем… Солнышко так и играет. Веселит душу-то.

– Только надо маму спросить…

– Знамо, надо отпроситься… Без начальства и нас не пускают!

– Верно, пустит?

– Надо быть, пустит!

Шурка убежал и, вернувшись через минуту, весело воскликнул:

– Мама пустила! Только велела теплое пальто надеть и потом ей показаться. Одень меня, Чижик!.. Вот пальто висит… Там и шапка и шарф на шею…

– Ну ж и одежи на вас, барчук… Ровно в мороз! – усмехнулся Федос, одевая мальчика.

– И я говорю, что жарко.

– То-то жарко будет…

– Мама не позволяет другого пальто… Уж я просил… Ну, идем к маме!

Марья Ивановна осмотрела Шурку и, обращаясь к Федосу, проговорила:

– Смотри, береги барина… Чтоб не упал да не ушибся!

«Как доглядишь? И что за беда, коли мальчонка упадет?» – подумал Федос, совсем не одобрявший барыню за ее праздные слова, и официально-почтительно ответил:

– Слушаю-с!

– Ну, идите…

Оба довольные, они ушли из спальной, сопровождаемые завистливым взглядом Анютки, нянчившей ребенка.

– Один секунд обождите меня в колидоре, барчук… Я только переобуюсь.

Федос сбегал в комнату за кухней, переобулся в сапоги, взял бушлат и фуражку, и они вышли на большой двор, в глубине которого был сад с зеленеющими почками на оголенных деревьях.

VI

На дворе было славно.

Вешнее солнышко приветливо глядело с голубого неба, по которому двигались перистые белоснежные облачка, и пригревало изрядно. В воздухе, полном бодрящей остроты, пахло свежестью, навозом и, благодаря соседству казарм, кислыми щами и черным хлебом. Вода капала с крыш, блестела в колдобинках и пробивала канавки на обнаженной, испускавшей пар земле с едва пробившейся травкой. Все на дворе словно трепетало жизнью.

У сарая бродили, весело кудахтая, куры, и неугомонный пестрый петух с важным, деловым видом шагал по двору, отыскивая зерна и угощая ими своих подруг. У колдобин гоготали утки. Стайка воробьев то и дело слетала из сада на двор и прыгала, чирикая и ссорясь друг с другом. Голуби разгуливали по крыше сарая, расправляли на солнце сизые перья и ворковали о чем-то. На самом припеке, у водовозной бочки, дремала большая рыжая дворняга и по временам щелкала зубами, ловя блох.

– Прелесть, Чижик! – воскликнул полный радости жизни Шурка и, словно пущенный на волю жеребенок, бросился со всех

ног через двор к сараю, вспугивая воробьев и кур, которые удирали во все лопатки и отчаянным кудахтаньем заставили петуха остановиться и в недоумении поднять ногу.

– То-то хорошо! – промолвил матрос.

И он присел на опрокинутом бочонке у сарая, вынул из кармана маленькую трубчонку и кисет с табаком, набил трубочку, придавил мелкую махорку корявым большим пальцем и, закурив, затянулся с видимым наслаждением, оглядывая весь двор – и кур, и уток, и собаку, и травку, и ручейки – тем проникновенным, любовным взглядом, каким могут только смотреть люди, любящие и природу и животных.

– Осторожней, барчук!.. Не попадите в ямку… Ишь, воды-то… Утке и лестно…

Шурке скоро надоело бегать, и он присел к Федосу. Мальчика словно тянуло к нему.

Они почти целый день пробыли на дворе – только ходили завтракать да обедать в дом, и в эти часы Федос обнаружил такое обилие знаний, умел так все объяснить и насчет кур, и насчет уток, и насчет барашков на небе, что Шурка решительно пришел в восторженное удивление и проникся каким-то благоговейным уважением к такому богатству сведений своего пестуна и только удивлялся, откуда это Чижик все знает.

Словно бы целый новый мир открывался мальчику на этом дворе, и он впервые обратил внимание на все, что на нем было и что оказывалось столь интересным. И он в восторге слушал Чижика, который, рассказывая про животных или про травку, казалось, сам был и животным и травой, – до того он, так сказать, весь проникался их жизнью…

Повод к такому разговору подала шалость Шурки. Он запустил камнем в утку и подшиб ее… Та с громким гоготом отскочила в сторону…

– Неправильно это, Лександра Васильич! – проговорил Федос, покачивая головой и хмуря нависшие свои брови. – Не-хо-ро-шо, братец ты мой! – протянул он с ласковым укором в голосе.

Шурка вспыхнул и не знал, обидеться ему или нет, и, сделав вид, что не слышит замечания Федоса, с искусственно беззаботным видом стал ссыпать ногой землю в канавку.

– За что безответную птицу обидели?.. Вон она, бедная, хромлет и думает: «За что меня мальчик зря зашиб?..» И она пошла к своему селезню жаловаться.

Шурке было неловко: он понимал, что поступил нехорошо, – и в то же время его заинтересовало, что Чижик говорит, будто утки думают и могут жаловаться.

И он, как все самолюбивые дети, не любящие сознаваться

пред другими в своей вине, подошел к матросу и, не отвечая по существу, заносчиво проговорил:

– Какую ты дичь несешь, Чижик! Разве утки могут думать и еще жаловаться?

– А вы полагаете как?.. Небось, всякая тварь понимает и свою думу думает… И промеж себя разговаривает по-своему… Гляди-кось, как воробушек-то зачиликал? – указал Федос тихим движением головы на воробья, слетевшего из сада. – Ты думаешь, он спроста, шельмец: «чилик да чилик!» Вовсе нет! Он, братец ты мой, отыскал корму и сзывает товарищей. «Летите, мол, братцы, кантовать вместе! Вали-валом, ребята!» Тоже – воробей, а небось понимает, что одному есть харч не годится… Я, мол, ем, и ты ешь, а не то что потихоньку от других…

Шурка присел рядом на бочонке, видимо заинтересованный.

А матрос продолжал:

– Вот хоть бы взять собаку… Лайку эту самую. Нешто она не понимает, как сегодня в обед Иван ее кипятком ошпарил от своего озорства?.. Тоже нашел над кем куражиться! Над собакой, лодырь бесстыжий! – с сердцем говорил Федос. – Небось, теперь эта самая Лайка к кухне не подойдет… И подальше от кухни-то… Знает, как там ее встретят… К нам вот не боится!

И с этими словами Федос подозвал лохматую, далеко не неказистую собаку с умной мордой и, погладив ее, проговорил:

– Что, брат, попало от дурака-то?.. Покажи-ка спину!..

Лайка лизнула руку матроса.

Матрос осторожно осмотрел ее спину.

– Ну, Лаечка, не очень-то тебя ошпарили… Ты больше от досады, значит, визжала… Не бойся… Уж теперь я тебя в обиду не дам…

Собака опять лизнула руку и весело замахала хвостом.

– Вон и она чувствует ласку… Смотрите, барчук… Да что собака… Всякая насекомая и та понимает, да сказать только не может… Травка и та словно пискнет, как ты ее придавишь…

Много еще говорил словоохотливый Федос, и Шурка был совсем очарован. Но воспоминание об утке смущало его, и он беспокойно проговорил:

– А не пойдем ли, Чижик, посмотреть утку?.. Не сломана ли у нее нога?

– Нет, видно, ничего… Вон она переваливается… Небось, без фершела поправилась? – засмеялся Федос и, понявши, что мальчику стыдно, погладил его по голове и прибавил: – Она, братец ты мой, уж не сердится… Простила… А завтра мы ей хлеба принесем, если нас гулять пустят…

Шурка уже был влюблен в Федоса. И нередко потом, в дни

своего отрочества и юношества, имея дело с педагогами, вспоминал о своем денщике-няньке и находил, что никто из них не мог сравниться с Чижиком.

В девятом часу вечера Федос уложил Шурку спать и стал рассказывать ему сказку. Но сонный мальчик не дослушал ее и, засыпая, проговорил:

– Ая не буду обижать уток… Прощай, Чижик!.. Я тебя люблю.

В тот же вечер Федос стал устраивать себе уголок в комнате рядом с кухней.

Снявши с себя платье и оставшись в исподних и в ситцевой рубахе, он открыл свой сундучок, внутренняя доска которого была оклеена разными лубочными картинками и этикетами с помадных банок – тогда олеографий и иллюстрированных изданий еще не было, – и первым делом достал из сундука маленький потемневший образок Николая-чудотворца и, перекрестившись, повесил к изголовью. Затем повесил зеркальце и полотенце и, положив на козлы, заменявшие кровать, свой блинчатый тюфячок, постлал его простыней и накрыл ситцевым одеялом.

Когда все было готово, он удовлетворенно оглядел свой новый уголок и, разувшись, сел на кровать и закурил трубку.

В кухне еще возился Иван, только что убравший самовар.

Он заглянул в комнатку и спросил:

– А ужинать разве не будете, Федос Никитич?

– Нет, не хочу…

– И Анютка не хочет… Видно, придется одному ужинать… А то чаю не угодно ли? У меня сахар завсегда водится! – проговорил, как-то плутовато подмигивая глазом, Иван.

– Спасибо на чае… Не стану…

– Что ж, как угодно! – как будто обижаясь, сказал Иван, уходя.

Не нравился ему новый сожитель, очень не нравился. В свою очередь и Иван не пришелся по вкусу Федосу. Федос не любил вообще вестовщину и денщиков, а этого плутоватого и нахального повара в особенности. Особенно ему не понравились разные двусмысленные шуточки, которые он отпускал за обедом Анютке, и Федос сидел молча и только сурово хмурил брови. Иван тотчас же понял, отчего матросня сердится, и примолк, стараясь поразить его своим высшим обращением и хвастливыми разговорами о том, как им довольны и как его ценят и барыня и барин.

Но Федос отмалчивался и решил про себя, что Иван совсем пустой человек. А за Лайку назвал его таки прямо бессовестным и прибавил:

– Тебя бы так ошпарить. А еще считаешься матросом!

Иван отшутился, но затаил в своем сердце злобу на Федоса, тем более что его осрамили при Анютке, которая, видимо, сочувствовала словам Федоса.

– Однако, и спать ложиться! – проговорил вслух Федос, докурив трубку.

Он встал, торжественно-громко произнес «Отче наш» и, перекрестившись, лег в постель. Но заснуть еще долго не мог, и в голове его бродили мысли о прошлой пятнадцатилетней службе и о новом своем положении.

«Мальчонка добрый, а как с этими уживусь – с белобрысой да с лодырем?» – задавая он себе вопрос. В конце концов он решил, что как Бог даст, и, наконец, заснул, вполне успокоенный этим решением.

VII

Федос Чижик, как и большая часть матросов того времени, когда крепостное право еще доживало свои последние годы и во флоте, как везде, царила беспощадная суровость и даже жестокость в обращении с простыми людьми, – был, разумеется, большим философом-фаталистом.

Все благополучие своей жизни, преимущественно заключавшееся в охранении своего тела от побоев и линьков, а лица от серьезных повреждений – за легкими он не гнался и считал их относительным благополучием, – Федос основывал не на одном только добросовестном исполнении своего трудного матросского дела и на хорошем поведении согласно предъявляемым требованиям, а главнейшим образом на том, «как Бог даст».

Эта не лишенная некоторой трогательности и присущая лишь русским простолюдинам исключительная надежда на одного только Господа Бога разрешала все вопросы и сомнения Федоса относительно его настоящей и будущей судьбы и служила едва ли не единственной поддержкой, чтобы, как выражался Чижик, «не впасть в отчаянность и не попробовать арестантских рот».

И благодаря такой надежде он оставался все тем же исправным матросом и стоиком, отводящим свою возмущенную людскою неправдой душу лишь крепкою бранью и тогда, когда даже воистину христианское терпение русского матроса подвергалось жестокому испытанию.

С тех пор как Федос Чижик, оторванный от сохи, был сдан благодаря капризу старухи-помещицы в рекруты и, никогда не видавший моря, попал, единственно из-за своего малого роста, во флот, – жизнь Федоса представляла собою довольно пеструю картину переходов от благополучия к неблагополучию, от

неблагополучия к той, едва даже понятной теперь, невыносимой жизни, которую матросы характерно называли «каторгой», и обратно – от «каторги» к благополучию.

Если «давал Бог», командир, старший офицер и вахтенные начальники попадались по тем суровым временам не особенно бешеные и дрались и пороли, как выражался Федос, «не зря и с рассудком», то и Федос, как один из лучших марсовых, чувствовал себя спокойным и довольным, не боялся сюрпризов в виде линьков, и природное его добродушие и некоторый юмор делали его одним из самых веселых рассказчиков на баке.

Если же «Бог давал» командира или старшего офицера, что называется на матросском жаргоне, «форменного арестанта», который за опоздание на несколько секунд при постановке или при уборке парусов приказывал «спустить шкуры» всем марсовым, то Федос терял веселость, делался угрюм и, после того как его драли как Сидорову козу, случалось, нередко загуливал на берегу. Однако все-таки находил возможным утешать падавших духом молодых матросов и с какою-то странною уверенностью для человека, спина которого сплошь покрыта синими рубцами с кровавыми подтеками, говорил:

– Бог даст, братцы, нашего арестанта переведут куда… Заместо его не такой дьявол поступит… Отдышимся. Не все же терпеть-то!

И матросы верили – им так хотелось верить, – что, «бог даст», уберут куда-нибудь «арестанта».

И терпеть, казалось, было легче.

Федос Чижик пользовался большим авторитетом и в своей роте, и на судах, на которых плавал, как человек правильный, вдобавок с умом и лихой марсовой, не раз доказавший и знание дела и отвагу Его уважали и любили за его честность, добрый характер и скромность. Особенно расположены к нему были молодые безответные матросики. Федос таких всегда брал под свою защиту, оберегая их от боцманов и унтер-офицеров, когда они слишком куражились и зверствовали.

Достойно замечания, что в деле исправления таких боцманов Федос несколько отступал от своего фатализма, возлагая надежды не на одно только «как Бог даст», но и на силу человеческого воздействия, и даже, главным образом, на последнее.

По крайней мере, когда увещательное слово Федоса, сказанное с глазу на глаз какому-нибудь неумеренному мордобою-боцману, слово, полное убедительной страстности пожалеть людей, не производило надлежащего впечатления и боцман продолжал по-прежнему драться «безо всякого

рассудка», – Федос обыкновенно прибегал к предостережению и говорил:

– Ой, не зазнавайся, боцман, что вошь в коросте! Бог гордых не любит. Смотри, как бы тебя, братец ты мой, не проучили… Сам, небось, знаешь, как вашего брата проучивают!

Если к такому предостережению боцман оставался глух, Федос покачивал раздумчиво головой и строго хмурил брови, видимо, принимая какое-то решение.

Несмотря на свою доброту, он, однако, во имя долга и охранения неписанного обычного матросского права, собирал несколько достойных доверия матросов на тайное совещание о поступках боцмана-зверя, и на этом матросском суде Линча обыкновенно постановлялось решение: проучить боцмана, что и приводилось в исполнение при первом же съезде на берег.

Боцмана избивали где-нибудь в переулке Кронштадта или Ревеля до полусмерти и доставляли на корабль. Обыкновенно боцман того времени и не думал жаловаться на виновников, объяснял начальству, что в пьяном виде имел дело с матросами с иностранных купеческих кораблей, и после такой серьезной «выучки» уже дрался с «большим рассудком», продолжая, конечно, ругаться с прежним мастерством, за что, впрочем, никто не был в претензии.

И Федос в таких случаях нередко говорил с обычным добродушием:

– Как выучили, так и человеком стал. Боцман как боцман…

Сам Федос не желал быть «начальством» – совсем это не подходило к его характеру, – и он решительно просил не производить его в унтер-офицеры, когда один из старших офицеров, с которым он служил, хотел представить Федоса.

– Будьте милостивы, ваше благородие, ослобоните от такой должности! – взмолился Федос.

Изумленный старший офицер спросил:

– Это почему?

– Не привержен я быть унтерцером, ваше благородие. Вовсе не по мне это звание, ваше благородие… Явите божескую милость, дозвольте остаться в матросах! – докладывал Федос, не объясняя, однако, мотивов своего нежелания.

– Ну, если не хочешь, как знаешь… А я думал тебя наградить…

– Рад стараться, ваше благородие! Премного благодарен, ваше благородие, что дозволили остаться матросом.

– И оставайся, коли ты такой дурак! – проговорил старший офицер.

А Федос ушел из каюты старшего офицера радостный и

довольный, что избавился от должности, в которой приходилось «собачиться» со своим же братом-матросом и находиться в более непосредственных отношениях с господами офицерами.

«Ну их… От греха лучше подальше!»

Всего бывало в течение долгой службы Федоса. И пороли и били его, и похваливали и отличали. Последние три года службы его на «Копчике», под начальством Василия Михайловича Лузгина, были самыми благополучными годами. Лузгин и старший офицер были люди добрые по тем временам, и на «Копчике» матросам жилось относительно хорошо. Не было ежедневных порок, не было вечного трепета. Не было бессмысленной флотской муштры.

Василий Михайлович знал Федоса как отличного фор-марсового и, выбрав его загребным на свой вельбот, еще лучше познакомился с матросом, оценив его добросовестность и аккуратность.

И Федос думал, что, «Бог даст», он прослужит еще три года с Василием Михайловичем тихо и спокойно, как у Христа за пазухой, а там его уволят в «бессрочную» до окончания положенного двадцатипятилетнего срока службы, и он пойдет в свою дальнюю симбирскую деревушку, с которой не порывал связей и раз в год просил какого-нибудь грамотного матроса писать к своему «дражайшему родителю» письмо, обыкновенно состоящее из добрых пожеланий и поклонов всем родным.

Матрос, не вовремя отдавший внизу марса-фал, которым оторвало Федосу, бывшему на марсе, два пальца, был невольным виновником в перемене судьбы Чижика.

Матроса жестоко отодрали, а Чижика немедленно отправили в кронштадтский госпиталь, где ему вылущили оба пальца. Он выдержал операцию даже не охнув. Только стиснул зубы, и по его побледневшему от боли лицу катились крупные капли пота. Через месяц уж он был в экипаже.

По случаю потери двух пальцев он надеялся, что, «Бог даст», его назначат в «неспособные» и уволят в бессрочный отпуск. По крайней мере, так говорил ротный писарь и советовал через кого-нибудь «исхлопотать». Таких примеров бывало!

Но исхлопотать за Федоса было некому, а сам он не решался беспокоить ротного командира. Как бы еще не попало за это.

Таким образом Чижик остался на службе и попал в няньки.

VIII

Прошел месяц с тех пор, как Федос поступил к Лузгиным.

Нечего и говорить, что Шурка был без ума от своей няньки, находился вполне под его влиянием и, слушая его рассказы о штормах и ураганах, которые доводилось испытать Чижику, о

матросах и об их жизни, о том, как черные люди, арапы, почти голые ходят на далеких островах за Индийским океаном, слушая про густые леса, про диковинные фрукты, про обезьян, про крокодилов и акул, про чудное высокое небо и горячее солнышко, – Шурка сам непременно хотел быть моряком, а пока старался во всем подражать Чижику, который в то время был его идеалом.

С чисто детским эгоизмом он не отпускал от себя Чижика, чтоб быть всегда вместе, забывая даже и мать, которая со времени появления Чижика как-то отошла на второй план.

Еще бы! Она не умела так занятно рассказывать, не умела делать таких славных бумажных змеев, волчков и лодок, которые делал Чижик. И ко всему этому он с Чижиком не чувствовал над собою придирчивой няньки. Они были больше приятелями, и, казалось, жили одними интересами, и часто, не сговариваясь, выражали одни и те же мнения.

Эта близость с денщиком-матросом несколько пугала Марью Ивановну, а некоторая отчужденность от матери, которую она, конечно, заметила, даже заставила ее ревновать Шурку к няньке. Кроме того, Марье Ивановне, как бывшей институтке и строгой ревнительнице манер, казалось, будто Шурка при Чижике немного огрубел и манеры его стали угловатее.

Тем не менее Марья Ивановна не могла не сознаться, что Чижик добросовестно исполняет свои обязанности и что при нем Шурка значительно поздоровел, не капризничает и не нервничает, как бывало прежде, и она совершенно спокойно уходила из дома, зная, что может вполне положиться на Чижика.

Но, несмотря на такое признание заслуг Чижика, он все-таки был несимпатичен молодой женщине. Она терпела Федоса только ради ребенка и обращалась с ним с высокомерною холодностью и почти нескрываемым презрением барыни к мужлану-матросу. Главное, что возмущало ее в денщике – это недостаток в нем той почтительной угодливости, которую она любила в прислуге и которою особенно отличался ее любимец Иван. А в Федосе – никакой приветливости. Всегда несколько хмурый при ней, с служебным лаконизмом подчиненного отвечающий на ее вопросы, всегда отмалчивающийся на ее замечания, которые, по мнению Чижика, «белобрысая» делала зря, – он далеко не отвечал требованиям Марьи Ивановны, и она чувствовала, что этот матрос втайне далеко не признает ее авторитета и совсем не чувствует признательности за все те благодеяния, которые, казалось барыне, он получал, попав к ним в дом из казармы. Это возмущало барыню.

Чувствовал это отношение к себе «белобрысой» и Чижик, и

сам, в свою очередь, недолюбливал ее, и главным образом за то, что она совсем уж утесняла бедную, безответную Анютку, шпыняя ее за всякую малость, сбивая с толку окриками и нередко давая ей пощечины – и не то что с пыла, а прямо-таки от злого сердца, этак хладнокровно и еще с улыбочкой.

«Эка злющая ведьма!» – не раз думал про себя Федос, насупливая брови и становясь мрачным, когда бывал свидетелем, как «белобрысая», не спеша устремив большие серые и злые глаза на замершую в страхе Анютку, хлещет своею белою пухлою рукой в кольцах по худеньким, бледным щекам девушки.

И он жалел Анютку – быть может, даже более, чем жалел, – эту миловидную, загнанную девушку с испуганным взглядом синих глаз; и, случалось, когда барыни не было дома, ласково ей говорил:

– А ты не робей, Аннушка… Бог даст, недолго терпеть… Слышно, скоро волю всем объявят. Потерпи, а там уйдешь, куда захочешь, от своей ведьмы. Бог-то умудрил царя!

Эти участливые слова бодрили Анютку и наполняли ее сердце благодарным чувством к Чижику. Она понимала, что он ее жалеет, и видела, что только благодаря Чижику противный Иван не так нахально, как прежде, преследует ее своими любезностями.

Зато Иван ненавидел Федоса со всею силой своей мелкой душонки и вдобавок ревновал его, приписывая отчасти Чижику полное невнимание Анютки к его особе, которую он считал довольно-таки привлекательною.

Ненависть эта еще более усилилась после того, как Федос однажды застал на кухне Анютку, отбивавшуюся от объятий повара.

При появлении Федоса Иван тотчас же оставил девушку и, приняв беспечно-развязный вид, проговорил:

– Шутю с дурой, а она сердится…

Федос стал мрачнее черной тучи.

Не говоря ни слова, подошел он вплотную к Ивану и, поднося к его побледневшему, испуганному лицу свой здоровенный волосатый кулак, едва сдерживаясь от негодования, произнес:

– Видишь?

Струсивший Иван зажмурил от страха глаза при столь близком соседстве такого громадного кулака.

– Тесто из подлой твоей хайлы сделаю, ежели ты еще раз тронешь девушку, подлец этакий!

– Я, право, ничего… Я только так… Пошутил, значит…

– Я тебе… пошутю… Нешто можно обижать так человека, бесстыжий ты кобель?

И, обращаясь к Анютке, благодарной и взволнованной, продолжал:

– Ты мне, Аннушка, только скажи, если он пристанет… Рыжая его морда будет на стороне… Это верно!

С этими словами он вышел из кухни.

В тот же вечер Анютка шепнула Федосу:

– Ну, теперь этот подлый человек будет еще больше наушничать на вас барыне… Уж он наушничал… Я слышала из-за дверей третьего дня… говорит: вы, мол, всю кухню провоняли махоркой…

– Пусть себе кляузничает! – презрительно бросил Федос. – Мне и трубки, что ли, не покурить? – прибавил он усмехаясь.

– Барыня страсть не любит простого табаку…

– А пусть себе не любит! Я не в комнатах курю, а в своем, значит, помещении… Тоже матросу без трубки нельзя.

После этого происшествия Иван во что бы то ни стало хотел сжить ненавистного ему Федоса и, понимая, что барыня недолюбливает Чижика, стал при всяком удобном случае нашептывать барыне на Федоса.

Он, дескать, и с маленьким барином совсем вольно обращается, не так, как слуга, он и барыниной доброты не чувствует, он и с Анюткой что-то шепчется часто… Стыдно даже.

Все это говорилось намеками, предположениями, сопровождаемое уверениями в своей преданности барыне.

Молодая женщина все это слушала и стала с Чижиком еще суровее и придирчивее. Она зорко наблюдала за ним и за Анюткой, часто входила невзначай будто в детскую, выспрашивала у Шурки, о чем с ним говорит Чижик, но никаких сколько-нибудь серьезных улик преступности Федоса найти не могла, и это еще более злило молодую женщину, тем более что Федос, как будто и не замечая, что барыня на него гневается, нисколько не изменял своих служебно-официальных отношений.

«Бог даст, белобрысая уходится», – думал Федос, когда невольная тревога подчас закрадывалась в его сердце при виде ее недовольного, строгого лица.

Но «белобрысая» не переставала придираться к Чижику, и вскоре над ним разразилась гроза.

IX

В одну субботу, когда Федос, только что вернувшийся из бани, пошел укладывать мальчика, Шурка, всегда делившийся впечатлениями со своим любимцем пестуном и сообщавший ему все домашние новости, тотчас же промолвил:

– Знаешь, что я скажу тебе, Чижик?..

– Скажи, так узнаю, – проговорил, усмехнувшись, Федос.

– Мы завтра едем в Петербург… к бабушке. Ты не знаешь бабушки?

– То-то не знаю.

– Она добрая-предобрая, вроде тебя, Чижик… Она – папина мать… С первым пароходом едем…

– Что ж, дело хорошее, братец ты мой. И добрую бабку свою повидаешь, и на пароходе прокатишься… Вроде быдто на море побываешь…

Наедине Федос почти всегда говорил Шурке «ты». И это очень нравилось мальчику и вполне соответствовало их дружеским отношениям и взаимной привязанности. Но в присутствии Марьи Ивановны Чижик не позволял себе такой фамильярности: и Федос и Шурка понимали, что при матери нельзя было показывать интимной их короткости.

«Небось, прицепится, – рассуждал Федос, – дескать, барское дитё, а матрос его тыкает. Известно, фанаберистая барыня!»

– Ты, Чижик, разбуди меня пораньше. И новую курточку приготовь и новые сапоги…

– Все изготовлю, будь спокоен… Сапоги отполирую в лучшем виде… Одно слово, в полном параде тебя отпущу… Таким будешь молодцом, что наше вам почтение! – весело и любовно говорил Чижик, раздевая Шурку. – Ну, теперь помолись-ка Богу, Лександра Васильич.

Шурка прочитал молитву и юркнул под одеяло.

– А будить тебя рано не стану, – продолжал Чижик, присаживаясь около Шуркиной кровати, – в половине восьмого побужу, а то, не выспамшись, нехорошо…

– И маленькая Адя едет, и Анютка едет, а тебя, Чижик, мама не берет. Уж я просил маму, чтобы и тебя взяли с нами, так не хочет…

– Зачем меня брать-то? Лишний расход.

– С тобою было бы веселее.

– Небось, и без меня не заскучишь… День-то не беда тебе без Чижика побыть… А я и сам попрошусь со двора. Тоже и мне в охотку погулять… Ты как полагаешь?

– Иди, иди, Чижик! Мама, верно, пустит…

– То-то надо бы пустить… Во весь месяц ни разу не ходил со двора…

– А ты куда же пойдешь, Чижик?

– Куда пойду? А сперва в церкву пойду, а потом к кумебоцманше заверну… Ейный муж мне старинный приятель… Вместе в дальнюю ходили… У них посижу… Покалякаем… А потом на пристань схожу, матросиков погляжу… Вот и гулянка… Однако спи, Христос с тобой!

– Прощай, Чижик! А я тебе гостинца от бабушки привезу… Она всегда дает…

– Кушай сам на здоровье, голубок!.. А коли не пожалеешь, лучше Анютке дай… Ей лестнее.

– И ей дам… и тебе! – сонным голосом пролепетал Шурка.

Шурка всегда угощал своего пестуна лакомствами, нередко нашивал ему и куски сахару. Но от них Чижик отказывался и просил Шурку не брать «господского припаса», чтобы не вышло какой кляузы.

И теперь, тронутый вниманием мальчика, он проговорил с нежностью, на какую только был способен его грубоватый голос:

– Спасибо тебе за ласку, милый… Спасибо… Сердчишко у тебя, у мальца, доброе… И рассудлив по своему глупому возрасту… и прост… Бог даст, как вырастешь, и вовсе будешь форменным человеком… правильным… Никого не забидишь… И Бог за то тебя любить будет… Так-то, брат, лучше… Никак уж и уснул?

Ответа не было. Шурка уже спал.

Чижик перекрестил мальчика и тихо вышел из комнаты.

На душе у него было светло и покойно, как и у этого ребенка, к которому старый, не знавший ласки матрос привязался со всею силою своего любящего сердца.

На следующее утро, когда Лузгина, в нарядном шелковом голубом платье, с взбитыми начесами светло-русых волос, свежая, румяная, пышная и благоухающая, с браслетами и кольцами на белых пухлых руках, торопливо пила кофе, боясь опоздать на пароход, Федос приблизился к ней и сказал:

– Дозвольте, барыня, отлучиться со двора сегодня.

Молодая женщина подняла на матроса глаза и недовольно спросила:

– А тебе зачем идти со двора?

В первое мгновение Федос не знал, что и ответить на такой «вовсе глупый», по его мнению, вопрос.

– К знакомым, значит, сходить, – отвечал он после паузы.

– А какие у тебя знакомые?

– Известно, матросского звания…

– Можешь идти, – проговорила после минутного раздумья барыня. – Только помни, что я тебе говорила… Не вернись от своих знакомых пьяным! – строго прибавила она.

– Зачем пьяным? Я в своем виде вернусь, барыня!

– Без своих дурацких объяснений! К семи часам быть дома! – резко заметила молодая женщина.

– Слушаю-с, барыня! – с официальной почтительностью ответил Федос.

Шурка удивленно посмотрел на мать. Он решительно недоумевал, за что мама сердится и вообще не любит такого прелестного человека, как Чижик, и, напротив, никогда не бранит противного Ивана. Иван и Шурке не нравился, несмотря на его льстивое и заискивающее обращение с молодым барчуком.

Проводив господ и обменявшись с Шуркой прощальными приветствиями, Федос достал из глубины своего сундучка тряпицу, в которой хранился его капитал – несколько рублей, скопленных им за шитье сапог. Чижик недурно шил сапоги и умел даже шить с фасоном, вследствие чего, случалось, получал заказы от писарей, подшкиперов и баталеров.

Осмотрев свои капиталы, Федос вынул из тряпки одну засаленную рублевую бумажку, спрятал ее в карман штанов, рассчитывая из этих денег купить себе восьмушку чаю, фунт сахару и запас махорки, а остальные деньги, бережно уложив в тряпочку, снова запрятал в уголок сундука и запер сундук на ключ.

Поправив огонек в лампадке перед образком у изголовья, Федос расчесал свои черные как смоль баки и усы, обулся в новые сапоги и, облачившись в форменную матросскую серую шинель с ярко горевшими медными пуговицами и надевши чуть-чуть набок фуражку, веселый и довольный вышел из кухни.

– Обедать нешто дома не будете? – кинул ему вдогонку Иван.

– То-то не буду!..

«Экая необразованная матросня! Как есть чучила», – мысленно напутствовал Федоса Иван.

И сам он, франтовато одетый в серый пиджак, в белой манишке, воротник которой был повязан необыкновенно ярким галстуком, с бронзовой цепочкой на жилете, глядя в окно на проходившего Чижика, презрительно оттопырил толстые свои губы, покачал кудластой головой с рыжими волосами, обильно умащенными коровьим маслом, и в маленьких его глазках сверкнул огонек.

XI

Федос первым делом направился в Андреевский собор и как раз попал к началу службы.

Купив копеечную свечку и пробравшись вперед, он поставил свечку у образа Николы-угодника и, вернувшись, стал совсем позади, в толпе бедного люда. Всю обедню он выстоял серьезный и сосредоточенный, стараясь направить мысли на божественное, и усердно и истово осенял себя широким, размашистым крестным знамением. При чтении Евангелия он умилился, хотя и не все понимал, что читали. Умилялся и при стройном пении певчих и вообще находился в приподнятом настроении человека,

отрешившегося от всяких житейских дрязг.

И, слушая пение, слушая слова любви и милосердия, произносимые мягким тенорком священника, Федос уносился куда-то в особый мир, и ему казалось, что там, «на том свете», будет необыкновенно хорошо и ему и всем матросам, куда лучше, чем было на грешной земле…

Нравственно удовлетворенный и как бы внутренне сияющий, вышел Федос по окончании службы из церкви и на паперти, где толпились по обе стороны и по бокам ступеней лестницы нищие, оделил по грошику десять человек, подавая преимущественно мужчинам и старикам.

Все еще занятый разными, как он называл, «божественными» мыслями насчет того, что Господь все видит и если попускает на свете неправду, то более всего для испытания человека, готовя потерпевшему на земле самую лучшую будущую жизнь, которой, разумеется, не видать как ушей своих форменным «арестантам» из капитанов и офицеров, – Чижик ходко шагал в один из дальних переулков, где в маленьком деревянном домишке нанимали комнату отставной боцман Флегонт Нилыч и его жена Авдотья Петровна, имевшая на рынке ларек со всякою мелочью.

Низенький и худощавый старик Нилыч, бодрый еще на вид, несмотря на свои шестьдесят с лишком лет, сидел за накрытым цветною скатертью столом в чистой ситцевой рубахе, широких штанах и в башмаках, надетых на босые ноги, и слегка вздрагивающею костлявою рукою с предусмотрительной осторожностью наливал из полуштофа в стаканчик водку.

И в выражении его морщинистого, отливавшего старческим румянцем лица с крючковатым носом и большой бородавкой на выбритой по случаю воскресенья щеке и маленьких, все еще живых глаз было столько сосредоточенного благоговейного внимания, что Нилыч и не заметил, как в двери вошел Федос.

И Федос, словно бы понимая всю важность этого священнодействия, дал знать о своем присутствии только тогда, когда стаканчик был налит до краев и Нилыч его выцедил с видимым наслаждением.

– Флегонту Нилычу – нижайшее! С праздником!

– А, Федос Никитич! – весело воскликнул Нилыч, как звали его все знакомые, пожимая Федосу руку. – Садись, братец, сейчас шти Авдотья Петровна принесет…

И, наливая вновь стаканчик, поднес его Федоту.

– Я, брат, уж колупнул.

– Будь здоров, Нилыч! – проговорил Чижик и, медленно выпив рюмку, крякнул.

– И где это ты пропадал?.. Уж я в казармы хотел идти…

Думаю: совсем забыл нас… А еще кум…

– В денщики попал, Нилыч…

– В денщики?.. К кому?..

– К Лузгину, капитану второго ранга… Может, слыхал?

– Слыхал… Ничего себе… Ну-кось!.. вторительно?..

И Нилыч снова налил стаканчик.

– Будь здоров, Нилыч!..

– Будь здоров, Федос! – проговорил и Нилыч, выпивая в свою очередь.

– С им-то ничего жить, только женка его, я тебе скажу…

– Зудливая нешто?

– Как есть заноза, и злющая. Ну, и о себе много полагает. Думает, что белая да ядреная, так уж лучше и нет…

– Ты у них по какой же части?

– В няньках при барчуке. Мальчонка славный, душевный мальчонка… Кабы не заноза эта самая, легко было бы жить… А она всем в доме командует…

– Асам?

– То-то он у ней вроде бытто подвахтенного. Перед ей и не пикнет, а, кажется, с рассудком человек… Совсем в покорности.

– Это бывает, братец ты мой! Бы-вает! – протянул Нилыч.

Сам он, когда-то лихой боцман и «человек с рассудком», тоже находился под командой своей жены, хотя при посторонних и хорохорился, стараясь показать, что он ее нисколько не боится.

– Дайся только бабе в руки, она тебе покажет кузькину маменьку. Известно, в бабе настоящего рассудка нет, а только одна брехня, – продолжал Нилыч, понижая голос и в то же время опасливо посматривая на двери. – Бабу надо держать в струне, чтобы понимала начальство. Да что это моя-то копается? Рази пойти ее шугануть!..

Но в эту минуту отворилась дверь и в комнату вошла Авдотья Петровна, здоровая, толстая и высокая женщина лет пятидесяти с очень энергичным лицом, сохранившим еще остатки былой пригожести. Достаточно было взглянуть на эту внушительную особу, чтобы оставить всякую мысль о том, что низенький и сухонький Нилыч, казавшийся перед женой совсем маленьким, мог ее «шугануть». В засученных красных ее руках был завернутый в тряпки горшок со щами. Сама она так и пылала.

– А я думала: с кем это Нилыч стрекочет?.. А это Федос Никитич!.. Здравствуйте, Федос Никитич… И то забыли! – говорила густым, низким голосом боцманша.

И, поставивши горшок на стол, протянула куму руку и бросила Нилычу:

– Поднес гостю-то?

– А как же? Небось, тебя не дожидались!

Авдотья Петровна повела взглядом на Нилыча, точно дивясь его прыти, и разлила по тарелкам щи, от которых шел пар и вкусно пахло. Затем достала из шкафчика с посудой еще два стаканчика и наполнила все три.

– Что правильно, то правильно! Петровна, братец ты мой, рассудливая женщина! – заметил Нилыч не без льстивой нотки, умильно глядя на водку.

– Милости просим, Федос Никитич, – предложила боцманша.

Чижик не отказался.

– Будьте здоровы, Авдотья Петровна! Будь здоров, Нилыч!

– Будьте здоровы, Федос Никитич.

– Будь здоров, Федос!

Все трое выпили, у всех были серьезные и несколько торжественные лица. Перекрестившись, начали хлебать в молчании щи. Только по временам раздавался низкий голос Авдотьи Петровны:

– Милости просим!

После щей полуштоф был пуст.

Боцманша пошла за жареным и, возвратившись, вместе с куском мяса поставила на стол еще полуштоф.

Нилыч, видимо, подавленный таким благородством жены, воскликнул:

– Да, Федос… Петровна, одно слово…

К концу обеда разговор сделался оживленнее. Нилыч уже заплетал языком и размяк. Чижик и боцманша, оба красные, были клюкнувши, но нисколько не теряли своего достоинства.

Федос рассказывал о «белобрысой», о том, как она утесняет Анютку и какой у них подлый денщик Иван, и философствовал насчет того, что Бог все видит и наверное быть Лузгинихе в аду, коли она не одумается и не вспомнит Бога.

– Как вы полагаете, Авдотья Петровна?

– Другого места ей не будет, сволочи! – энергично отрезала боцманша. – Мне знакомая прачка тоже сказывала, какая она уксусная сука…

– Небось, там, в пекле значит, ее отполируют в лучшем виде… От-по-ли-ру-ют! Сделайте одолжение! Не хуже, чем на флоте! – вставил Нилыч, имевший, по-видимому, об аде представление как о месте, где будут так же отчаянно пороть, как и на кораблях. – А повару раскровяни морду. Не станет он тогда кляузничать.

– И раскровяню, ежели нужно будет… Совсем оголтелый пес. Добром не выучишь! – проговорил Чижик и вспомнил об Анютке.

Петровна стала жаловаться на дела. Совсем нынче подлые торговки стали, особенно из молодых. Так и норовят из-под носа отбить покупателя.

– А мужчинское известное дело. Матрос да солдат к молодым торговкам лезет, как окунь на червя. Купит на две копейки, а сам, бесстыдник, норовит уколупнуть бабу на рубь… А другая подлющая баба и рада… Так зенками и вертит…

И, словно припомнив какую-то неприятность, Петровна приняла несколько воинственный вид, подперев бок своею здоровенною рукой, и воскликнула:

– А я терплю-терплю, а глаза черномазой Глашке выцарапаю! Знаете Глашку-то?.. – обратилась боцманша к Чижику. – Вашего экипажа матроска… Марсового Ковшиковажена?..

– Знаю… За что же вы, Авдотья Петровна, хотите Глашку проучить?

– А за то самое, что она подлая! Вот за что… У меня покупателев неправильно отбивает… Вчера подошел ко мне антиллерист… Человек уж в возрасте в таком, что старому

дьяволу нечего разбирать бабьи подлости… Ему на том свете уж и паек готов… Ну, подошел к ларьку – так по правилам, значит, уж мой покупатель, и всякая честная торговка должна перестать драть глотку на зазыв… А Глашка заместо того, мерзавка, грудь пятит, чтобы ульстить антиллериста, и голосом воет: «Ко мне, кавалер! Ко мне, солдатик бравый!.. Я дешевле продам!» И зубы скалит, толсторожая… И что бы вы думали?.. Старый-то облезлый пес облестился, что его, дурака, молодая баба назвала бравым солдатиком, и к ней… У нее и купил. Ну, и отчесала же я их обоих: и антиллериста и Глашку!.. Да разве эту подлюгу словом проймешь!

Федос и в особенности Нилыч хорошо знали, что Петровна в минуты возбуждения ругалась не хуже любого боцмана и могла, казалось, пронять всякого. Недаром все на рынке – и торговки и покупатели – боялись ее языка.

Однако мужчины из деликатности промолчали.

– Беспременно выцарапаю ей глаза, ежели еще раз Глашка осмелится! – повторила Петровна.

– Небось, не посмеет!.. С такой, можно сказать, умственной бабой не посмеет! – проговорил Нилыч.

И, несмотря на то, что уже был достаточно «зарифившись» и еле плел языком, обнаружил, однако, дипломатическую хитрость, начав выхваливать добродетели своей супруги… Она, дескать, и большого ума, и хозяйственна, и мужа своего кормит… одним словом, такой другой женщины не сыскать по всему Кронштадту. После чего намекнул, что если бы теперь по стаканчику пива, то было бы самое лучшее дело… Только по стаканчику…

– Как ты об этом полагаешь, Петровна? – просительным тоном проговорил Нилыч.

– Ишь ведь, старый хрыч… к чему подъезжает!.. И без того слаб… А еще пива ему дай… То-то лестные слова молол, лукавый.

Однако Петровна говорила эти речи без сердца и, как видно, сама находила, что пиво вещь недурная, потому что вскоре надела на голову платок и вышла из комнаты.

Через несколько минут она вернулась, и несколько бутылок пива красовалось на столе.

– И провористая же баба Петровна, я тебе скажу, Федос… Ах, что за баба! – повторил в пьяном умилении Нилыч после двух стаканов пива.

– Ишь, разлимонило уже! – не без снисходительного презрения промолвила Петровна.

– Меня разлимонило? Старого боцмана?.. Неси еще пару бутылок… Я один выпью… А пока вали, милая супруга, еще

стаканчик…

– Будет с тебя…

– Петровна! Уважь супруга…

– Не дам! – резко ответила Петровна.

Нилыч принял обиженный вид.

Был уже пятый час, когда Федос, простившись с хозяевами и поблагодарив за угощение, вышел на улицу. В голове у него шумело, но ступал он твердо и с особенною аффектацией становился во фронт и отдавал честь при встрече с офицерами. И находился в самом добродушном настроении и всех почему-то жалел. И Анютку жалел, и встретившуюся ему на дороге маленькую девочку пожалел, и кошку, прошмыгнувшую мимо него, пожалел, и проходивших офицеров жалел. Идут, мол, а того не понимают, что они несчастные… Бога-то забыли, а он, батюшка, все видит…

Сделав необходимые покупки, Федос пошел на Петровскую пристань, встретил там среди гребцов на дожидающих офицеров шлюпках знакомых, поговорил с ними, узнал, что «Копчик» находится теперь в Ревеле, и в седьмом часу вечера направился домой.

Лайка встретила Чижика радостным бреханьем.

– Здравствуй, Лаечка… Здорово, брат! – ласково приветствовал он собаку и стал ее гладить… – Что, кормили тебя?.. Небось, забыли, а? Погоди… принесу тебе… Чай, в кухне что найдется…

Иван сидел на кухне у окна и играл на гармони.

При виде Федоса, выпившего, он с довольным видом усмехнулся и проговорил:

– Хорошо погуляли?

– Ничего себе погулял…

И, пожалев, что Иван сидит дома один, прибавил:

– Иди и ты погуляй, пока господа не вернутся, а я буду дом сторожить…

– Куда уж теперь гулять… Семь часов! Скоро и господа вернутся.

– Твое дело. А ты мне дай косточек, если есть…

– Бери… Вон лежат…

Чижик взял кости, отнес их собаке, и, вернувшись, присел на кухне и неожиданно проговорил:

– А ты, братец мой, лучше живи по-хорошему… Право… И не напущай ты на себя форцу… Все помрем, а на том свете форцу, любезный ты мой, не спросят.

– Это вы в каких, например, смыслах?

– А во всяких… И к Анютке не приставай… Силком девку не

привадишь, а она, сам видишь, от тебя бегает… За другой лучше гоняйся… Грешно забиждать девку-то… И так она забижена! – продолжал Чижик ласковым тоном. – И всем нам без свары жить можно… Я тебе без всякого сердца говорю…

– Уж не вам ли Анютка приглянулась, что вы так заступаетесь?.. – насмешливо проговорил повар.

– Глупый!.. Я в отцы ей гожусь, а не то чтобы какие подлости думать.

Однако Чижик не продолжал разговора в этом направлении и несколько смутился.

А Иван между тем говорил вкрадчивым тенорком:

– Я, Федос Никитич, и сам ничего лучшего не желаю, какжить, значит, в полном с вами согласии… Вы сами мною пренебрегаете…

– А ты форц-то свой брось… Вспомни, что ты матросского звания человек, и никто тобой пренебрегать не будет… Так-то, брат… А то, в денщиках околачиваясь, ты и вовсе совесть забыл… Барыне кляузничаешь… Разве это хорошо?.. Ой, нехорошо это… Неправильно…

В эту минуту раздался звонок. Иван бросился отворять двери. Пошел и Федос встречать Шурку.

Марья Ивановна пристально оглядела Федоса и произнесла:

– Ты пьян!..

Шурка, хотевший было подбежать к Чижику, был резко одернут за руку.

– Не подходи к нему… Он пьян!

– Никак нет, барыня… Я вовсе не пьян… Почему вы полагаете, что я пьян?.. Я, как следует, в своем виде и все могу справлять… И Лександру Васильича уложу спать и сказку расскажу… А что выпил я маленько… это точно… У боцмана Нилыча… В самую плепорцию… по совести.

– Ступай вон! – крикнула Марья Ивановна. – Завтра я с тобой поговорю.

– Мама… мама… Пусть меня Чижик уложит!

– Я сама тебя уложу! А пьяный не может укладывать.

Шурка залился слезами.

– Молчи, гадкий мальчишка! – крикнула на него мать… – А ты, пьяница, чего стоишь? Ступай сейчас же на кухню и ложись спать.

– Эх, барыня, барыня! – проговорил с выражением не то упрека, не то сожаления Чижик и вышел из комнаты.

Шурка не переставал реветь. Иван торжествующе улыбался.

XII

На следующее утро Чижик, вставший, по обыкновению, в

шесть часов, находился в мрачном настроении. Обещание Лузгиной «поговорить» с ним сегодня, по соображениям Федоса, не предвещало ничего хорошего. Он давно видел, что барыня терпеть его не может, зря придираясь к нему, и с тревогой в сердце догадывался, какой это будет «разговор». Догадывался и становился мрачнее, сознавая в то же время полную свою беспомощность и зависимость от «белобрысой», которая почему-то стала его начальством и может сделать с ним все, что ей угодно.

«Главная причина – зла на меня, и нет в ей ума, чтобы понять человека!»

Так размышлял о Лузгиной старый матрос и в эту минуту не утешался сознанием, что она будет на том свете в аду, а мысленно довольно-таки энергично выругал самого Лузгина за то, что он дает волю такой «злющей ведьме», как эта белобрысая. Ему бы, по-настоящему, следовало усмирить ее, а он…

Федос вышел на двор, присел на крыльце и, порядочно-таки взволнованный, курил трубочку за трубочкой в ожидании, пока закипит поставленный им для себя самовар.

На дворе уже началась жизнь. Петух то и дело вскрикивал, как сумасшедший, приветствуя радостное, погожее утро. В зазеленевшем саду чирикали воробьи и заливалась малиновка. Ласточки носились взад и вперед, скрываясь на минутку в гнездах, и снова вылетали на поиски за добычей.

Но сегодня Федос не с обычным радостным чувством глядел на все окружающее. И когда Лайка, только что проснувшаяся, поднялась на ноги и, потянувшись всем своим телом, подбежала, весело повиливая хвостом, к Чижику, он поздоровался с ней, погладил ее и, словно бы отвечая на занимавшие его мысли, проговорил, обращаясь к ласкавшейся собаке:

– Тоже, брат, и наша жизнь вроде твоей собачьей… Какой попадется хозяин…

Вернувшись на кухню, Федос презрительно повел глазами на только что вставшего Ивана и, не желая обнаруживать перед ним своего тревожного состояния, принял спокойно-суровый вид. Он видел вчера, как злорадствовал Иван в то время, когда кричала барыня, и, не обращая на него никакого внимания, стал пить чай.

На кухню вошла Анютка, заспанная, немытая, с румянцем на бледных щеках, имея в руках барынино платье и ботинки. Она поздоровалась с Федосом как-то особенно ласково после вчерашней истории и не кивнула даже в ответ на любезное приветствие повара с добрым утром.

Чижик предложил Анютке попить чайку и дал ей кусок сахару. Она наскоро выпила две чашки и, поблагодарив,

поднялась.

– Пей еще… Сахар есть, – сказал Федос.

– Благодарствуйте, Федос Никитич. Надо барынино платье чистить поскорей. И неравно ребенок проснется…

– Давай я, что ли, почищу, а ты пока угощайся чаем!

– Тебя не просят! – резко оборвала повара Анютка и вышла из кухни.

– Ишь, какая сердитая, скажите, пожалуйста! – кинул ей вслед Иван.

И, покрасневший от досады, взглянул исподлобья на Чижика и, усмехнувшись, подумал:

«Ужо будет тебе сегодня, матросне!»

Ровно в восемь часов Чижик пошел будить Шурку. Шурка уже проснулся и, припомнив вчерашнее, сам был невесел и встретил Федоса словами:

– А ты не бойся, Чижик… Тебе ничего не будет!..

Он хотел утешить и себя и своего любимца, хотя в душе и далеко был не уверен, что Чижику ничего не будет.

– Бойся – не бойся, а что Бог даст! – отвечал, подавляя вздох, Федос. – С какой еще ноги маменька встанет! – угрюмо прибавил он.

– Как с какой ноги?

– А так говорится. В каком, значит, характере будет… А только твоя маменька напрасно полагает, что я вчера пьяный был… Пьяные не такие бывают. Ежели человек может как следует сполнять свое дело, какой же он пьяный?..

Шурка вполне с этим согласился и сказал:

– И я вчера маме говорил, что ты совсем не был пьян, Чижик… Антон не такой бывал… Он качался, когда шел, а ты вовсе не качался…

– То-то и есть… Ты вот малолеток и то понял, что я был в своем виде… Я, брат, знаю меру… И папенька твой ничего бы не сделал, увидавши меня вчерась. Увидал бы, что я выпил в плепорцию… Он понимает, что матросу в праздник не грех погулять… И никому вреды от того нет, а маменька твоя рассердилась. А за что? Что я ей сделал?..

– Я буду маму просить, чтоб она на тебя не сердилась… Поверь, Чижик…

– Верю, хороший мой, верю… Ты-то – добер… Ну, иди теперь чай пить, а я пока комнату твою уберу, – сказал Чижик, когда Шурка был готов.

Но Шурка, прежде чем идти, сунул Чижику яблоко и конфетку и проговорил:

– Это тебе, Чижик. Я и Анютке оставил.

– Ну, спасибо. Только я лучше спрячу… После сам скушаешь на здоровье.

– Нет, нет… Непременно съешь… Яблоко пресладкое. А я попрошу маму, чтобы она не сердилась на тебя, Чижик… Попрошу! – снова повторил Шурка.

И с этими словами, озабоченный и встревоженный, вышел из детской.

– Ишь ведь – дитё, а чует, какова маменька! – прошептал Федос и принялся с каким-то усердным ожесточением убирать комнату.

XIII

Не прошло и пяти минут, как в детскую вбежала Анютка и, глотая слезы, проговорила:

– Федос Никитич! Вас барыня зовет!

– А ты чего плачешь?

– Сейчас меня била и грозит высечь…

– Ишь, ведьма!.. За что?

– Верно, этот подлый человек ей чего наговорил… Она сейчас на кухне была и вернулась злющая-презлющая…

– Подлый человек всегда подлого слушает.

– А вы, Федос Никитич, лучше повинитесь за вчерашнее… А то она…

– Чего мне виниться! – угрюмо промолвил Федос и пошел в столовую.

Действительно, госпожа Лузгина, вероятно, встала сегодня с левой ноги, потому что сидела за столом хмурая и сердитая. И когда Чижик явился в столовую и почтительно вытянулся перед барышней, она взглянула на него такими злыми и холодными глазами, что мрачный Федос стал еще мрачнее.

Смущенный Шурка замер в ожидании чего-то страшного и умоляюще смотрел на мать. Слезы стояли в его глазах.

Прошло несколько секунд в томительном молчании.

Вероятно, молодая женщина ждала, что Чижик станет просить прощения за то, что был пьян и осмелился дерзко отвечать.

Но старый матрос, казалось, вовсе и не чувствовал себя виновным.

И эта «бесчувственность» дерзкого «мужлана», не признающего, по-видимому, авторитета барыни, еще более злила молодую женщину, привыкшую к раболепию окружающих.

– Ты помнишь, что было вчера? – произнесла она наконец тихим голосом, медленно отчеканивая слова.

– Все помню, барыня. Я пьяным не был, чтобы не помнить.

– Не был? – протянула, зло усмехнувшись, барыня. – Ты,

вероятно, думаешь, что пьян только тот, кто валяется на земле?..

Федос молчал: что, мол, отвечать на глупости!

– Я тебе что говорила, когда брала в денщики? Говорила я тебе, чтобы ты не смел пить? Говорила?.. Что ж ты стоишь как пень?.. Отвечай!

– Говорили.

– А Василий Михайлович говорил тебе, чтобы ты меня слушался и чтобы не смел грубить? Говорил? – допрашивала все тем же ровным, бесстрастным голосом Лузгина.

– Сказывали.

– А ты так-то слушаешь приказания?.. Я выучу тебя, как говорить с барыней… Я покажу тебе, как представляться тихоней да исподтишка заводить шашни… Я вижу… все знаю! – прибавила Марья Ивановна, бросая взгляд на Анютку.

Тут Федос не вытерпел.

– Это уж вы напрасно, барыня… Как перед Господом Богом говорю, что никаких шашней не заводил… А если вы слушаете кляузы да наговоры подлеца вашего повара, то как вам угодно… Он вам еще не то набрешет! – проговорил Чижик.

– Молчать! Как ты смеешь так со мной говорить?! Анютка! Принеси мне перо, чернила и почтовой бумаги!

– Мама! – умоляющим, вздрагивающим голосом воскликнул Шурка.

– Убирайся вон! – прикрикнула на него мать.

– Мама… мамочка… милая… хорошая… Если ты меня любишь… не посылай Чижика в экипаж…

И, весь потрясенный, Шурка бросился к матери и, рыдая, припал к ее руке.

Федос почувствовал, что у него щекочет в горле. И хмурое лицо его просветлело в благодарном умилении.

– Пошел вон!.. Не твое дело!

И с этими словами она оттолкнула мальчика… Пораженный, все еще не веря решению матери, он отошел в сторону и плакал.

Лузгина в это время быстро и нервно писала записку к экипажному адъютанту. В этой записке она просила «не отказать ей в маленьком одолжении» – приказать высечь ее денщика за пьянство и дерзости. В конце записки она сообщала, что завтра собирается в Ораниенбаум на музыку и надеется, что Михаил Александрович не откажется ей сопутствовать.

Запечатав конверт, она отдала его Чижику и сказала:

– Сейчас отправляйся в экипаж и отдай это письмо адъютанту!

– Слушаю-с! – дрогнувшим голосом ответил матрос, хмуря нависшие брови и стараясь скрыть волнение, охватившее его.

Шурка рванулся к матери.

– Мамочка… ты этого не сделаешь… Чижик!.. Постой… не уходи! Он чудный… славный… Мамочка!., милая… родная… Не посылай его! – молил Шурка.

– Ступай! – крикнула Лузгина денщику. – Я знаю, что ты подучил глупого мальчика… Думал меня разжалобить?..

– Не я учил, а Бог! Вспомните Его когда-нибудь, барыня! – с какою-то суровою торжественностью проговорил Федос и, кинув взгляд, полный любви, на Шурку, вышел из комнаты.

– Ты, значит, гадкая… злая… Я тебя не люблю! – вдруг крикнул Шурка, охваченный негодованием и возмущенный такою несправедливостью. – И я никогда не буду любить тебя! – прибавил он, сверкая заплаканными глазенками.

– Вот ты какой?! Вот чему научил тебя этот мерзавец?! Ты смеешь так говорить с матерью?

– Чижик не мерзавец… Он хороший, а ты… нехорошая! – в бешеной отваге отчаяния продолжал Шурка.

– Так я и тебя выучу, как говорить со мной, мерзкий мальчишка! Анютка! Скажи Ивану, чтобы принес розги…

– Что ж… секи… гадкая… злая… Секи!.. – в каком-то диком ожесточении вопил Шурка.

И в то же время личико его покрывалось смертельною бледностью, все тело вздрагивало, а большие, с расширенными зрачками глаза с выражением ужаса смотрели на двери…

Раздирающие душу вопли наказываемого ребенка донеслись до ушей Федоса, когда он выходил со двора, имея за обшлагом рукава шинели записку, содержание которой не оставляло в матросе никаких сомнений.

Полный чувства любви и сострадания, он в эту минуту забыл о том, что ему самому под конец службы предстоит порка, и, растроганный, жалел только мальчика. И он почувствовал, что этот барчук, не побоявшийся пострадать за своего пестуна, отныне стал ему еще дороже и совсем завладел его сердцем.

– Ишь ведь, подлая! Даже родное дитё не пожалела! – проговорил с негодованием Чижик и прибавил шагу, чтобы не слыхать этого детского крика, то жалобного, молящего, то переходящего в какой-то рев затравленного, беспомощного зверька.

XIV

Молодой мичман, сидевший в экипажной канцелярии, был удивлен, прочитав записку Лузгиной. Он служил раньше в одной роте с Чижиком и знал, что Чижик считался одним из лучших матросов в экипаже и никогда не был ни пьяницей, ни грубияном.

– Ты что это, Чижик? Пьянствовать начал?

– Никак нет, ваше благородие…

– Однако… Марья Ивановна пишет…

– Точно так, ваше благородие…

– Так в чем же дело, объясни.

– Вчера выпил я маленько, ваше благородие, отпросившись со двора, и вернулся как следует, в настоящем виде… в полном, значит, рассудке, ваше благородие…

– Ну?

– А госпоже Лузгиной и покажись, что я пьян… Известно, по женскому своему понятию она не рассудила, какой есть пьяный человек…

– Ну, а насчет дерзостей?.. Ты нагрубил ей?

– И грубостей не было, ваше благородие… А что насчет ейного повара-денщика я сказал, что она слушает его подлые кляузы, это точно…

И Чижик правдиво рассказал, как было дело.

Мичман несколько минут был в раздумье. Он знаком был с Марией Ивановной, одно время был даже к ней неравнодушен и знал, что эта дама очень строгая и придирчивая с прислугой и что муж ее довольно-таки часто посылал денщиков в экипаж для наказания, – разумеется, по настоянию жены, так как всем было известно в Кронштадте, что Лузгин, сам человек мягкий и добрый, находится под башмаком у красивой Марьи Ивановны.

– А все-таки, Чижик, я должен исполнить просьбу Марьи Ивановны, – проговорил, наконец, молодой офицер, отводя от Чижика несколько смущенный взор.

– Слушаю, ваше благородие.

– Ты понимаешь, Чижик, я должен… – мичман подчеркнул слово «должен», – ей верить. И Василий Михайлович просил, чтобы требования его жены о наказаниях денщиков исполнялись, как его собственные.

Чижик понимал только, что его будут сечь по желанию «белобрысой», и молчал.

– Я тут, Чижик, ни при чем! – словно бы оправдывался мичман.

Он ясно сознавал, что совершает несправедливое и беззаконное дело, собираясь наказать матроса по просьбе дамы, и что, по долгу службы и совести, не должен совершать его, имей он хоть немножко мужества. Но он был слабый человек и, как все слабые люди, успокаивал себя тем, что если Чижика он не накажет теперь, то по возвращении из плавания Лузгина матрос будет наказан еще беспощаднее. Кроме того, придется поссориться с Лузгиным и, быть может, иметь неприятности и с экипажным командиром: последний был дружен с Лузгиным,

втайне, кажется, даже вздыхал по барыньке, прельщавшей старого, как спичка худенького, моряка главным образом своим пышным станом, и, не отличаясь большою гуманностью, находил, что матросу никогда не мешает «всыпать».

И молодой офицер приказал дежурному приготовить все, что нужно, в цейхгаузе для наказания.

В большом цейхгаузе тотчас же была поставлена скамейка. Два унтер-офицера с напряженно-недовольными лицами стали по бокам, имея в руках по толстому пучку свежих зеленых прутьев. Такие же пучки лежали на полу – на случай, если понадобится менять розги.

Еще не совсем закалившийся, недолго служивший во флоте мичман, слегка взволнованный, стал поодаль.

Сознавая всю несправедливость предстоящего наказания, Чижик с какою-то угрюмой покорностью, чувствуя стыд и в то же время позор оскорбленного человеческого достоинства, стал раздеваться необыкновенно торопливо, словно ему было неловко, что он заставляет ждать и этих двух хорошо знакомых унтер-офицеров и молодого мичмана.

Оставшись в одной рубахе, Чижик перекрестился и лег ничком на скамейку, положив голову на скрещенные руки, и тотчас же зажмурил глаза.

Давно уже его не наказывали, и эта секунда-другая в ожидании удара была полна невыразимой тоски от сознания своей беспомощности и унижения… Перед ним пронеслась вся его безотрадная жизнь.

Мичман между тем подозвал к себе одного из унтер-офицеров и шепнул:

– Полегче!

Унтер-офицер просветлел и шепнул о том же товарищу.

– Начинай! – скомандовал молодой человек, отворачиваясь.

После десятка ударов, не причинивших почти никакой боли Чижику, так как эти зеленые прутья после энергичного взмаха едва только касались его тела, – мичман крикнул:

– Довольно! Явись после ко мне, Чижик!

И с этими словами вышел.

Чижик, по-прежнему угрюмый, испытывая стыд, несмотря на комедию наказания, торопливо оделся и проговорил:

– Спасибо, братцы, что не били… Одним только срамом отделался…

– Это адъютант приказывал. А тебя за что это прислали, Федос Никитич?

– А за то, что глупая и злющая баба у меня теперь вроде главного начальника…

– Это кто же?..

– Лузгиниха…

– Известная живодерка! Часто присылает сюда денщиков! – заметил один из унтер-офицеров. – Как же ты будешь жить-то теперь у нее?

– Как Бог даст… Надо жить… Ничего не поделаешь… Да и мальчонка ейный, у которого я в няньках, славный… И его, братцы, бросить жалко… Из-за меня и его секли… Заступался, значит, перед матерью…

– Ишь ты… Не в мать, значит.

– Вовсе не похож… Добер – страсть!

Чижик явился в канцелярию и прошел в кабинет, где сидел адъютант. Тот передал Чижику письмо и проговорил:

– Отдай Марье Ивановне… Я ей пишу, что тебя строго наказали…

– Премного благодарен, что пожалели старого матроса, ваше благородие! – с чувством проговорил Чижик.

– Я что ж… Я, братец, не зверь… Я и совсем бы не наказал тебя… Я знаю, какой ты исправный и хороший матрос! – говорил все еще смущенный мичман. – Ну, ступай к своей барыне… Дай тебе Бог с ней ужиться… Да смотри… не болтай, как тебя наказывали! – прибавил мичман.

– Не извольте сумлеваться! Счастливо оставаться, ваше благородие!

XV

Шурка сидел, забившись в угол детской, с видом запуганного зверька. Он то и дело всхлипывал. При каждом новом воспоминании о нанесенной ему обиде рыдания подступали к горлу, он вздрагивал, и злое чувство приливало к сердцу и охватывало все его существо. Он в эти минуты ненавидел мать, но еще более Ивана, который явился с розгами веселый и улыбающийся и так крепко сжимал его бьющееся тело во время наказания. Не держи его этот гадкий человек так крепко, он бы убежал.

И в голове мальчика бродили мысли о том, как он отомстит повару… Непременно отомстит… И расскажет папе, как только он вернется, как несправедливо поступила мама с Чижиком… Пусть папа узнает…

По временам Шурка выходил из своего угла и взглядывал в окно: не идет ли Чижик?.. «Бедный Чижик! Верно, и его больно секли… А он не знает, что и меня высекли за него. Я ему все… все расскажу!»

Эти мысли о Чижике несколько успокаивали его, и он ждал возвращения своего друга с нетерпением.

Марья Ивановна, сама взволнованная, ходила по своей большой спальне, полная ненависти к денщику, из-за которого ее Шурка осмелился так говорить с матерью. Положительно этот матрос имеет скверное влияние на мальчика, и его следует удалить… Вот только вернется из плавания Василий Михайлович, и она попросит его взять другого денщика. А пока – нечего делать – придется терпеть этого грубияна. Наверное, он не посмеет теперь напиваться пьяным и грубить ей после того, как его в экипаже накажут… Необходимо было его проучить!

Марья Ивановна несколько раз тихонько заглядывала в детскую и снова возвращалась, напрасно ожидая, что Шурка придет просить прощения.

Раздраженная, она то и дело бранила Анютку и стала допрашивать ее насчет ее отношений с Чижиком.

– Говори, подлянка, всю правду… Говори…

Анютка клялась в своей невиновности.

– Повар, так тот, барыня, прохода мне не давал! – говорила Анютка. – Все лез с разными подлостями, а Федос никогда и не думал, барыня…

– Отчего же ты раньше мне ничего не сказала о поваре? – подозрительно спрашивала Лузгина.

– Не смела, барыня… Думала, отстанет…

– Ну, я вас всех разберу… Ты смотри у меня!.. Поди узнай, что делает Александр Васильевич!

Анютка вошла в детскую и увидала Шурку, кивающего в окно возвращавшемуся Чижику.

– Барчук! Маменька приказали узнать, что вы делаете… Что прикажете сказать?

– Скажи, Анютка, что я пошел в сад погулять…

И с этими словами Шурка выбежал из комнаты, чтобы встретить Чижика.

XVI

У ворот Шурка бросился к Федосу.

Участливо заглядывая в его лицо, он крепко ухватился за шершавую, мозолистую руку матроса и, глотая слезы, повторял, ласкаясь к нему:

– Чижик… Милый, хороший Чижик!

Мрачное и смущенное лицо Федоса озарилось выражением необыкновенной нежности.

– Ишь ведь сердешный! – взволнованно прошептал он.

И, бросив взгляд на окна дома – не торчит ли «белобрысая», Федос быстрым движением поднял Шурку, прижал его к своей груди и осторожно, чтобы не уколоть его своими щетинистыми усами, поцеловал мальчика. Затем он так же быстро опустил его

на землю и проговорил:

– Теперь иди домой поскорей, Лександра Васильич. Иди, мой ласковый…

– Зачем? Мы вместе пойдем.

– То-то не надо вместе. Неравно маменька из окна углядит, что ты встретил свою няньку, и опять засерчает.

– И пусть глядит… Пусть злится!

– Да ты никак бунтовать против маменьки? – промолвил Чижик. – Не годится, милый мой, Лександра Васильич, бунтовать против родной матери. Ее почитать следует… Иди, иди… ужо наговоримся…

Шурка, всегда охотно слушавший Чижика, так как вполне признавал его нравственный авторитет, и теперь готов был исполнить его совет. Но ему хотелось поскорей утешить друга в постигшем его несчастии, и потому, прежде чем уйти, он не без некоторого чувства горделивости произнес:

– А знаешь, Чижик, и меня высекли!

– То-то знаю. Слышал, как ты кричал, бедненький… Из-за меня ты потерпел, голубчик!.. Бог тебе это зачтет, небось! Ну иди же, иди, родной, а то нам с тобой опять попадет…

Шурка убежал, еще более привязанный к Чижику. Несправедливое наказание, которому они оба подверглись, сильнее закрепило их любовь.

Выждав минуту-другую у ворот, Федос твердою и решительною походкой направился через двор в кухню, стараясь под видом презрительной суровости скрыть пред посторонними невольный стыд высеченного человека.

Иван оглядел Чижика улыбающимися глазами, но Чижик даже и не удостоил обратить внимания на повара, точно его и не было на кухне, и прошел в свой уголок в соседней комнате.

– Барыня приказали, чтобы вы немедленно явились к ней, как вернетесь из экипажа! – крикнул ему из кухни Иван.

Чижик не отвечал.

Не спеша снял он шинель, переобулся в парусинные башмаки, достал из сундука яблоко и конфетку, данные ему утром Шуркой, сунул их в карман и, вынув из-за обшлага шинели письмо экипажного адъютанта, пошел в комнаты.

В столовой барыни не было. Там была одна Анютка. Она ходила взад и вперед по комнате, закачивая ребенка и напевая своим приятным голоском какую-то песенку.

Заметив Федоса, Анютка подняла на него свои испуганные глаза. В них теперь светилось выражение скорби и участия.

– Вам барыню, Федос Никитич? – шепнула она, подходя к Чижику.

– Доложи, что я вернулся из экипажа, – промолвил смущенно матрос, опуская глаза.

Анютка направилась было в спальню, но в ту же минуту Лузгина вошла в столовую.

Федос молча подал ей письмо и отошел к дверям.

Лузгина прочла письмо. Видимо, удовлетворенная тем, что просьба ее была исполнена и что дерзкого денщика строго наказали, она проговорила:

– Надеюсь, наказание будет тебе хорошим уроком и ты не осмелишься более грубить…

Чижик угрюмо молчал.

А Лузгина между тем продолжала уже более мягким тоном:

– Смотри же, Феодосии, веди себя, как следует порядочному денщику… Не пей водки, будь всегда почтителен к своей барыне… Тогда и мне не придется наказывать тебя…

Чижик не понял ни слова.

– Понял, что я тебе говорю? – возвысила голос барыня, недовольная этим молчанием и угрюмым видом денщика.

– Понял!

– Так что ж ты молчишь?.. Надо отвечать, когда с тобой говорят.

– Слушаю-с! – автоматически отвечал Чижик.

– Ну, ступай к молодому барину… Можете идти в сад…

Чижик вышел, а молодая женщина вернулась в спальную, возмущенная бесчувственностью этого грубого матроса. Решительно Василий Михайлович не понимает людей. Расхваливал этого денщика, как какое-то сокровище, а он и пьет, и грубит, и не чувствует никакого раскаяния.

– Ах, что за грубый народ эти матросы! – произнесла вслух молодая женщина.

После завтрака она собралась в гости. Перед тем как уходить, она приказала Анютке позвать молодого барина.

Анютка побежала в сад.

В глубине густого, запущенного сада, под тенью раскидистой липы сидели рядом на траве Чижик и Шурка. Чижик мастерил бумажный змей и о чем-то тихо рассказывал. Шурка внимательно слушал.

– Пожалуйте к маменьке, барчук! – проговорила Анютка, подбегая к ним, вся раскрасневшаяся.

– Зачем? – недовольно спросил Шурка, который чувствовал себя так хорошо с Чижиком, рассказывавшим ему необыкновенно интересные вещи.

– А не знаю. Маменька собралась со двора. Должно быть, хотят с вами проститься…

Шурка неохотно поднялся.

– Что, мама сердится? – спросил он Анютку.

– Нет, барчук… Отошли…

– А ты торопись, ежели маменька требует… Да смотри не бунтуй, Лександра Васильич, с маменькой-то. Мало ли что у матери с сыном выйдет, а все надо почитать родительницу, – ласково напутствовал Шурку Чижик, оставляя работу и закуривая трубочку.

Шурка вошел в спальню боязливо, имея обиженный вид, и смущенно остановился в нескольких шагах от матери.

В нарядном шелковом платье и белой шляпке, красивая, цветущая и благоухающая, Марья Ивановна подошла к Шурке и, ласково потрепав его по щеке, проговорила с улыбкой:

– Ну, Шурка, довольно дуться… Помиримся… Проси у мамы прощенья за то, что ты назвал ее гадкой и злой… Целуй руку…

Шурка поцеловал эту белую пухлую руку в кольцах, и слезы подступили к его горлу.

Действительно, он виноват: он назвал маму злой и гадкой. А Чижик недаром говорит, что грешно быть дурным сыном.

И Шурка, преувеличивая свою вину под влиянием охватившего его чувства, взволнованно и порывисто проговорил:

– Прости, мама!

Этот искренний тон, эти слезы, дрожавшие на глазах мальчика, тронули сердце матери. Она, в свою очередь, почувствовала себя виноватой за то, что так жестоко наказала своего первенца. Пред ней представилось его страдальческое личико, полное ужаса, в ее ушах слышались его жалобные крики, и жалость самки к детенышу охватила женщину Ей хотелось горячо приласкать мальчика.

Но она торопилась ехать с визитами, и ей было жаль нового парадного платья, и потому она ограничилась лишь тем, что, нагнувшись, поцеловала Шурку в лоб и сказала:

– Забудем, что было. Ты ведь больше не будешь бранить маму?

– Не буду

– И любишь по-прежнему свою маму?

– Люблю.

– И я тебя люблю, моего мальчика. Ну, до свидания. Ступай в сад…

И с этими словами Лузгина потрепала еще раз Шурку по щеке, улыбнулась ему и, шелестя шелковым платьем, вышла из спальни.

Шурка возвращался в сад не совсем удовлетворенный. Впечатлительному мальчику и слова и ласки матери казались

недостаточными и не соответствующими его переполненному чувством раскаяния сердцу. Но еще более его смущало то, что с его стороны примирение было не полное. Хотя он и сказал, что любит маму по-прежнему, но чувствовал в эту минуту, что в душе его еще осталось что-то неприязненное к матери, и не столько за себя, сколько за Чижика.

XVII

– Ну, как дела, голубок? Замирился с маменькой? – спрашивал Федос подошедшего тихими шагами Шурку.

– Помирился… И я, Чижик, прощения просил, что обругал маму…

– А разве такое было?

– Было… Я маму назвал злой и гадкой.

– Ишь ведь ты какой у меня отчаянный! Маменьку да как отчекрыжил!..

– Это я за тебя, Чижик, – поспешил оправдаться Шурка.

– То-то понимаю, что за меня… А главная причина – сердце твое не стерпело неправды… вот из-за чего ты взбунтовался, махонький… Оттого ты и Антона жалел… Бог за это простит, хучь ты и матери родной сгрубил… А все-таки это ты правильно, что повинился. Как-никак, а мать… И когда ежели человек чувствует, что виноват, – повинись. Что бы там ни вышло, а самому легче будет… Так ли я говорю, Лександра Васильич? Ведь легче?..

– Легче, – проговорил раздумчиво мальчик.

Федос пристально поглядел на Шурку и спросил:

– Так что же ты ровно затих, посмотрю, а? Какая такая причина, Лександра Васильич? Сказывай, а мы вместе обсудим. После замирения у человека душа бывает легкая, потому все тяжелое зло из души-то выскочит, а ты, глядикось, какой туманливый… Или маменька тебя позудила?..

– Нет, не то, Чижик… Мама меня не зудила…

– Так в чем же беда?.. Садись-ка на траву да сказывай… А я буду змея кончать… И важнецкий, я тебе скажу, у нас змей выйдет… Завтра утром, как ветерок подует, мы его спустим…

Шурка опустился на траву и несколько времени молчал.

– Ты вот говоришь, что зло выскочит, а у меня оно не выскочило! – вдруг проговорил Шурка.

– Как так?

– А так, что я все-таки сержусь на маму и не так люблю ее, как прежде… Это ведь нехорошо, Чижик? И хотел бы не сердиться, а не могу…

– За что же ты сердишься, коли вы замирились?

– За тебя, Чижик…

– За меня? – воскликнул Федос.

– Зачем мама напрасно тебя посылала в экипаж? За что она называет тебя дурным, когда ты хороший?

Старый матрос был тронут этой привязанностью мальчика и этой живучестью возмущенного чувства. Мало того, что он потерпел за своего пестуна, он до сих пор не может успокоиться.

«Ишь ведь, Божья душа!» – умиленно подумал Федос и в первое мгновение решительно не знал, что на это ответить и как успокоить своего любимца.

Но скоро любовь к мальчику подсказала ему ответ.

С чуткостью преданного сердца он понял лучше самых опытных педагогов, что надо уберечь ребенка от раннего озлобления против матери и во что бы то ни стало защитить в его глазах ту самую «подлую белобрысую», которая отравляла ему жизнь.

И он проговорил:

– А ты все-таки не сердись! Раскинь умишком, и сердце отойдет… Мало ли какое у человека бывает понятие… У одного, скажем, на аршин, у другого – на два… Мы вот с тобой полагаем, что меня здря наказали, а маменька твоя, может, полагает, что не здря. Мы вот думаем, что я не был пьяный и не грубил, а маменька, братец ты мой, может, думает, что, я и пьян был, и грубил, и что за это меня следовало отодрать по всей форме…

Перед Шуркой открывался, так сказать, новый горизонт. Но, прежде чем вникнуть в смысл слов Чижика, он не без участливого любопытства спросил самым серьезным тоном:

– А тебя очень больно секли, Чижик? Как Сидорову козу? – вспомнил он выражение Чижика. – И ты кричал?

– Вовсе даже не больно, а не то что как Сидорову козу! – усмехнулся Чижик.

– Ну?! А ты говорил, что матросов секут больно.

– И очень больно… Только меня, можно сказать, ровно и не секли. Так только, для сраму, наказали и чтобы маменьке угодить, а я и не слыхал, как секли… Спасибо, добрый мичман в адъютантах… Он и пожалел… не приказал по форме сечь… Только ты, смотри, об этом не проговорись маменьке… Пусть думает, что меня как следует отодрали…

– Ай да молодец мичман!.. Это он ловко придумал. А меня, Чижик, так очень больно высекли…

Чижик погладил Шурку по голове и заметил:

– То-то я слышал и жалел тебя… Ну да что об этом говорить… Что было, то прошло.

Наступило молчание.

Федос хотел было предложить сыграть в дураки, но Шурка, видимо чем-то озабоченный, спросил:

– Так ты, Чижик, думаешь, что мама не понимает, что виновата перед тобой?

– Пожалуй, что и так. А может, и понимает, да не хочет показать виду перед простым человеком. Тоже бывают такие люди, которые гордые. Вину свою чуют, а не сказывают…

– Хорошо… Значит, мама не понимает, что ты хороший, и от этого тебя не любит?

– Это ейное дело судить о человеке, и за то сердце против маменьки иметь никак невозможно… К тому же, по женскому званию, она и совсем другого рассудка, чем мужчина… Ей человек не сразу оказывается… Бог даст, опосля и она распознает, каков я есть, значит, человек, и станет меня лучше понимать. Увидит, что хожу я за ее сыночком как следует, берегу его, сказки ему сказываю, ничему дурному не научаю и что живем мы с тобой, Лександра Васильич, согласно, – сердце-то материнское, глядишь, свое и окажет. Любя свое дитё родное, и няньку евойную не станет утеснять дарма. Всё, братец ты мой, временем приходит, пока Господь не умудрит… Так-то, Лександра Васильич… И ты зла не таи против своей маменьки, друг мой сердечный! – заключил Федос.

Благодаря этим словам мать была до некоторой степени оправдана в глазах Шурки, и он, просветлевший и обрадованный, как бы в благодарность за это оправдание, разрешившее его сомнения, порывисто поцеловал Чижика и уверенно воскликнул:

– Мама непременно полюбит тебя, Чижик! Она узнает, какой ты! Узнает!

Федос, далеко не разделявший этой радостной уверенности, с ласкою глядел на повеселевшего мальчика.

А Шурка оживленно продолжал:

– И тогда мы, Чижик, отлично заживем… Никогда мама не пошлет тебя в экипаж… И этого гадкого Ивана прогонит… Это ведь он наговаривает на тебя маме… Я его терпеть не могу… И меня он крепко давил, когда мама секла… Как папа вернется, я ему все расскажу про этого Ивана… Ведь правда, надо рассказать, Чижик?

– Не говори лучше… Не заводи кляуз, Лександра Васильич. Не путайся в эти дела… Ну их! – брезгливо промолвил Федос и махнул рукой с видом полнейшего пренебрежения. – Правда, брат, сама скажет, а жаловаться барчуку на прислугу без крайности не годится… Другой несмышленый да озорной ребенок и здря родителям пожалуется, а родители не разберут и прислугу отшлифуют. Небось, не сладко. Тоже и Иван этот самый… Хучь он и довольно даже подлый человек, что на своего же брата господам брешет, а ежели по-настоящему-то рассудить, так он и

совесть-то потерял не по своей только вине. Он, например, ежели пришел наушничать, так ты его, подлеца, в зубы, да раз, да два, да в кровь, – говорил, загораясь негодованием, Федос. – Небось, больше не придет… И опять же: Иван все в денщиках околачивался, ну и вовсе бессовестным стал… Известно ихнее лакейское дело: настоящей, значит, трудливой работы нет, а прямо сказать – одна только фальшь… Тому угоди, тому подай, к тому подлестись, – человек и фальшит да брюхо отращивает, да чтобы скуснее объедки господские сожрать… Будь он форменным матросом, может, и Иван этой в себе подлости не имел… Матросики вывели бы его на линию… Так обломали бы его, что мое вам почтение!.. То-то оно и есть!.. И Иван стал бы другим Иваном… Однако брешу я, старый, только скуку навожу на тебя, Лександра Васильич… Давай-ка в дураки, а то в рамцу… Веселее будет…

Он вынул из кармана карты, вынул яблоко и конфетку и, подавая Шурке, промолвил:

– Накось, покушай…

– Это твое, Чижик…

– Ешь, говорят… Мне и скусу не понять, а тебе лестно…

Ешь!

– Ну, спасибо, Чижик… Только ты возьми половину.

– Разве кусочек… Ну, сдавай, Лександра Васильич… Да смотри, опять не объегорь няньку… Третьего дня все меня в дураках оставлял! Дошлый ты в картах! – промолвил Федос.

Оба примостились поудобнее на траве, в тени, и стали играть в карты.

Скоро в саду раздался веселый, торжествующий смех Шурки и намеренно ворчливый голос нарочно проигрывающего старика:

– Ишь ведь, опять оставил в дураках… Ну ж и дока ты, Лександра Васильич!

XVIII

Конец августа на дворе. Холодно, дождливо и неприветливо. Солнца не видать из-за свинцовых туч, окутавших со всех сторон небо. Ветер так и гуляет по грязным кронштадтским улицам и переулкам, напевая тоскливую осеннюю песню, и порой слышно, как ревет море.

Большая эскадра старинных парусных кораблей и фрегатов уже возвратилась из долгого крейсерства в Балтийском море под начальством известного в те времена адмирала, который, охотник выпить, говорил, бывало, у себя за обедом: «Кто хочет быть пьян – садись подле меня, а кто хочет быть сыт – садись подле брата». Брат был тоже адмирал и славился обжорством.

Корабли втянулись в гавань и разоружались, готовясь к

зимовке. Кронштадтские рейды опустели, но зато затихшие летом улицы оживились.

«Копчик» еще не вернулся из плавания. Его ждали со дня на день.

В квартире у Лузгиных стоит тишина, та подавляющая тишина, которая бывает в домах, где есть тяжелобольные. Все ходят на цыпочках и говорят неестественно тихо.

Шурка болен, и болен серьезно. У него воспаление обоих легких, которым осложнилась бывшая у него корь. Вот уж две недели, как он лежит пластом на своей кроватке, исхудалый, с осунувшимся личиком и лихорадочно блестящими глазами, большими и скорбными, покорно притихший, точно подстреленная птица. Доктор ходит два раза в день, и его добродушное лицо при каждом посещении делается все серьезнее и серьезнее, причем губы как-то комично вытягиваются, точно он ими выражает опасность положения.

Все это время Чижик находился безотлучно при Шурке. Больной настоятельно требовал, чтобы Чижик был при нем, и рад был, когда Чижик давал ему лекарство, и улыбался подчас, слушая его веселые сказки. По ночам Чижик дежурил, словно на вахте, на кресле около Шуркиной кровати и не спал, сторожа малейшее движение тревожно спавшего мальчика. А днем Чижик успевал бегать и в аптеку, и по разным делам и находил время смастерить какую-нибудь самодельную игрушку, которая заставила бы улыбнуться его любимца. И все это делал как-то незаметно и покойно, без суеты и необыкновенно быстро, и при этом лицо его светилось выражением чего-то спокойного, уверенного и приветливого, что успокоительно действовало на больного.

И в эти дни сбылось то, о чем говорил в саду Шурка. Обезумевшая от горя и отчаяния мать, сама похудевшая от волнения и недосыпавшая ночей, только теперь начала узнавать этого «бесчувственного, грубого мужлана», невольно дивясь той нежности его натуры, которая обнаружилась в его неустанном уходе за больным и невольно заставила мать быть благодарной за сына.

В этот вечер ветер особенно сильно завывал в трубах. В море было очень свежо, и Марья Ивановна, подавленная горем, сидела в своей спальне… Каждый порыв ветра заставлял ее вздрагивать и вспоминать то о муже, который шел в эту ужасную погоду из Ревеля в Кронштадт, то о Шурке.

Доктор недавно ушел, серьезнее, чем когда-либо…

– Надо ждать кризиса… Бог даст, мальчик вынесет… Давайте мускус и шампанское… Ваш денщик – отличная сиделка… Пусть

он продежурит ночь около больного и дает ему как приказано, а вам следует отдохнуть… Завтра утром буду…

Эти слова доктора невольно восстают в памяти, и слезы льются из ее глаз… Она шепчет молитвы, крестится… Надежда сменяется отчаянием, отчаяние – надеждой.

Вся в слезах, она прошла в детскую и приблизилась к кроватке.

Федос тотчас же встал.

– Сиди, сиди, пожалуйста, – шепнула Лузгина и заглянула на Шурку.

Он был в забытьи и прерывисто дышал… Она приложила руку к его голове – от нее так и пышало жаром.

– О Господи! – простонала молодая женщина, и слезы снова хлынули из ее глаз…

В слабо освещенной комнате царила тишина. Только слышалось дыхание Шурки, да порою доносился сквозь закрытые ставни заунывный стон ветра.

– Вы бы шли отдохнуть, барыня, – почти шепотом проговорил Федос, – не извольте сумлеваться… Я все справлю около Лександра Васильича…

– Ты сам не спал несколько ночей.

– Нам, матросам, дело привычное… И я даже вовсе спать не хочу… Шли бы, барыня! – мягко повторил он.

И, глядя с состраданием на отчаяние матери, он прибавил:

– И, осмелюсь вам доложить, барыня, не приходите в отчаянность. Барчук на поправку пойдет.

– Ты думаешь?

– Беспременно поправится! Зачем такому мальчику умирать? Ему жить надо.

Он произнес эти слова с такою уверенностью, что надежда снова оживила молодую женщину.

Она посидела еще несколько минут и поднялась.

– Какой ужасный ветер! – проронила она, когда снова с улицы донесся вой. – Как-то «Копчик» теперь в море? С ним не может ничего случиться? Как ты думаешь?

– «Копчик» и не такую штурму выдерживал, барыня. Небось, взял все рифы и знай покачивается себе, как бочонок… Будьте обнадежены, барыня… Слава Богу, Василий Михайлович форменный командир…

– Ну, я пойду вздремнуть… Чуть что – разбуди.

– Слушаю-с. Покойной ночи, барыня!

– Спасибо тебе за все… за все! – прошептала с чувством Лузгина и, значительно успокоенная, вышла из комнаты.

А Чижик всю ночь бодрствовал, и когда на следующее утро

Шурка, проснувшись, улыбнулся Чижику и сказал, что ему гораздо лучше и что он хочет чаю, Чижик широко перекрестился, поцеловал Шурку и отвернулся, чтобы скрыть подступающие радостные слезы.

На другой день вернулся Василий Михайлович.

Узнавши от жены и от доктора, что Шурку выходил главным образом Чижик, Лузгин, счастливый, что обожаемый сын его вне опасности, горячо благодарил матроса и предложил ему сто рублей.

– При отставке пригодятся, – прибавил он.

– Осмелюсь доложить, вашескобродие, что денег взять не могу, – проговорил несколько обиженно Чижик.

– Почему это?

– А потому, вашескобродие, что я не из-за денег за вашим сыном ходил, а любя…

– Я знаю, но все-таки Чижик… Отчего не взять?

– Не извольте обижать меня, вашескобродие… Оставьте при себе ваши деньги.

– Что ты?.. Я и не думал тебя обижать!.. Как хочешь… Я тоже, брат, от чистого сердца тебе предлагал! – несколько сконфуженно проговорил Лузгин.

И, взглянув на Чижика, вдруг прибавил:

– И какой же ты, я тебе скажу, славный человек, Чижик!..

XIX

Федос благополучно пробыл у Лузгиных три года, пока Шурка не поступил в Морской корпус, и пользовался общим уважением. С новым денщиком-поваром, поступившим вместо Ивана, он был в самых дружеских отношениях.

И вообще жилось ему эти три года недурно. Радостная весть об освобождении крестьян пронеслась по всей России… Повеяло новым духом, и сама Лузгина как-то подобрела и, слушая восторженные речи мичманов, стала лучше обходиться с Анюткой, чтобы не прослыть ретроградкой.

Каждое воскресенье Федос отпрашивался гулять и после обедни шел в гости к приятелю-боцману и его жене, философствовал там и к вечеру возвращался домой хотя и порядочно «треснувши», но, как он выражался, «в полном своем рассудке».

И госпожа Лузгина не сердилась, когда Федос, случалось, при ней говорил Шурке, отдавая ему непременно какой-нибудь гостинец:

– Ты не думай, Лександра Васильич, что я пьян… Не думай, голубок… Я все как следует могу справить…

И, словно бы в доказательство, что может, забирал сапоги и

разное платье Шурки и усердно их чистил.

Когда Шурку определили в Морской корпус, вышла и Федосу отставка. Он побывал в деревне, скоро вернулся и поступил сторожем в петербургском адмиралтействе. Раз в неделю он обязательно ходил к Шурке в корпус, а по воскресеньям навещал Анютку, которая после воли вышла замуж и жила в няньках.

Выйдя в офицеры, Шурка, по настоянию Чижика, взял его к себе. Чижик вместе с ним ходил в кругосветное плаванье, продолжал быть его нянькой и самым преданным другом. Потом, когда Александр Васильевич женился, Чижик нянчил его детей и семидесятилетним стариком умер у него в доме.

Память о Чижике свято хранится в семье Александра Васильевича. И сам он, с глубокою любовью вспоминая о нем, нередко говорит, что самым лучшим воспитателем его был Чижик.

Антон Павлович Чехов

Каштанка

1. Дурное поведение

Молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?

Она отлично помнила, как она провела день и как в конце концов попала на этот незнакомый тротуар.

День начался с того, что ее хозяин, столяр Лука Александрыч, надел шапку, взял под мышку какую-то деревянную штуку, завернутую в красный платок, и крикнул:

– Каштанка, пойдем!

Услыхав свое имя, помесь такса с дворняжкой вышла из-под верстака, где она спала на стружках, сладко потянулась и побежала за хозяином. Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до каждого из них, столяр должен был по нескольку раз заходить в трактир и подкрепляться. Каштанка помнила, что по дороге она вела себя крайне неприлично. От радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны конножелезки, забегала во дворы и гонялась за собаками. Столяр то и дело терял ее из виду, останавливался и сердито кричал на нее. Раз даже он с выражением алчности на лице забрал в кулак ее лисье ухо, потрепал и проговорил с расстановкой:

– Чтоб… ты… из… дох… ла, холера!

Побывав у заказчиков, Лука Александрыч зашел на минутку к сестре, у которой пил и закусывал; от сестры пошел он к знакомому переплетчику, от переплетчика в трактир, из трактира к куму и т. д. Одним словом, когда Каштанка попала на незнакомый тротуар, то уже вечерело и столяр был пьян, как сапожник. Он размахивал руками и, глубоко вздыхая, бормотал:

– Во гресех роди мя мати во утробе моей! Ох, грехи, грехи! Теперь вот мы по улице идем и на фонарики глядим, а как помрем – в гиене огненной гореть будем…

Или же он впадал в добродушный тон, подзывал к себе Каштанку и говорил ей:

– Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра…

Когда он разговаривал с нею таким образом, вдруг загремела

музыка. Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на нее шел полк солдат. Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, она заметалась и завыла. К великому ее удивлению, столяр, вместо того чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фрунт и всей пятерней сделал под козырек. Видя, что хозяин не протестует, Каштанка еще громче завыла и, не помня себя, бросилась через дорогу на другой тротуар.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но, увы! столяра уже там не было. Она бросилась вперед, потом назад, еще раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился… Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острою каучуковою вонью, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно. По обе стороны улицы зажглись фонари, и в окнах домов показались огни. Шел крупный пушистый снег и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков, и чем больше темнел воздух, тем белее становились предметы. Мимо Каштанки, заслоняя ей поле зрения и толкая ее ногами, безостановочно взад и вперед проходили незнакомые заказчики. (Все человечество Каштанка делила на две очень неравные части: на хозяев и на заказчиков; между теми и другими была существенная разница: первые имели право бить ее, а вторых она сама имела право хватать за икры.) Заказчики куда-то спешили и не обращали на нее никакого внимания.

Когда стало совсем темно, Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Целодневное путешествие с Лукой Александрычем утомило ее, уши и лапы ее озябли, и к тому же еще она была ужасно голодна. За весь день ей приходилось жевать только два раза: покушала у переплетчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожицу – вот и все. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы:

«Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!»

2. Таинственный незнакомец

Но она ни о чем не думала и только плакала. Когда мягкий пушистый снег совсем облепил ее спину и голову и она от изнеможения погрузилась в тяжелую дремоту, вдруг подъездная дверь щелкнула, запищала и ударила ее по боку. Она вскочила. Из отворенной двери вышел какой-то человек, принадлежащий к

разряду заказчиков. Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не мог не обратить на нее внимания. Он нагнулся к ней и спросил:

– Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О бедная, бедная… Ну, не сердись, не сердись… Виноват.

Каштанка поглядела на незнакомца сквозь снежинки, нависшие на ресницы, и увидела перед собой коротенького и толстенького человечка с бритым пухлым лицом, в цилиндре и в шубе нараспашку.

– Что же ты скулишь? – продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег. – Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный песик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнее.

– А ты хорошая, смешная! – сказал незнакомец. – Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдем со мной! Может быть, ты и сгодишься на что-нибудь… Ну, фюйть!

Он чмокнул губами и сделал Каштанке знак рукой, который мог означать только одно: «Пойдем!» Каштанка пошла.

Не больше как через полчаса она уже сидела на полу в большой светлой комнате и, склонив голову набок, с умилением и с любопытством глядела на незнакомца, который сидел за столом и обедал. Он ел и бросал ей кусочки… Сначала он дал ей хлеба и зеленую корочку сыра, потом кусочек мяса, полпирожка, куриных костей, и она с голодухи все это съела так быстро, что не успела разобрать вкуса. И чем больше она ела, тем сильнее чувствовался голод.

– Однако плохо же кормят тебя твои хозяева! – говорил незнакомец, глядя, с какою свирепою жадностью она глотала неразжеванные куски. – И какая ты тощая! Кожа да кости…

Каштанка съела много, но не наелась, а только опьянела от еды. После обеда она разлеглась среди комнаты, протянула ноги и, чувствуя во всем теле приятную истому, завиляла хвостом. Пока ее новый хозяин, развалившись в кресле, курил сигару, она виляла хвостом и решала вопрос: где лучше – у незнакомца или у столяра? У незнакомца обстановка бедная и некрасивая; кроме кресел, дивана, лампы и ковров, у него нет ничего, и комната кажется пустою; у столяра же вся квартира битком набита вещами; у него есть стол, верстак, куча стружек, рубанки, стамески, пилы, клетка с чижиком, лохань… У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же в квартире всегда стоит туман и великолепно пахнет клеем, лаком и стружками. Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество – он дает много есть, и, надо отдать ему полную справедливость, когда

Каштанка сидела перед столом и умильно глядела на него, он ни разу не ударил ее, не затопал ногами и ни разу не крикнул: «Пошла вон, треклятая!»

Выкурив сигару, новый хозяин вышел и через минуту вернулся, держа в руках маленький матрасик.

– Эй ты, пес, поди сюда! – сказал он, кладя матрасик в углу около дивана. – Ложись здесь. Спи!

Затем он потушил лампу и вышел. Каштанка разлеглась на матрасике и закрыла глаза; с улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть. Она вспомнила Луку Александрыча, его сына Федюшку, уютное местечко под верстаком… Вспомнила она, что в длинные зимние вечера, когда столяр строгал или читал вслух газету, Федюшка обыкновенно играл с нею… Он вытаскивал ее за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею такие фокусы, что у нее зеленело в глазах и болело во всех суставах. Он заставлял ее ходить на задних лапах, изображал из нее колокол, то есть сильно дергал ее за хвост, отчего она визжала и лаяла, давал ей нюхать табаку… Особенно мучителен был следующий фокус: Федюшка привязывал на ниточку кусочек мяса и давал его Каштанке, потом же, когда она проглатывала, он с громким смехом вытаскивал его обратно из ее желудка. И чем ярче были воспоминания, тем громче и тоскливее скулила Каштанка.

Но скоро утомление и теплота взяли верх над грустью… Она стала засыпать. В ее воображении забегали собаки; пробежал, между прочим, и мохнатый старый пудель, которого она видела сегодня на улице, с бельмом на глазах и с клочьями шерсти около носа. Федюшка, с долотом в руке, погнался за пуделем, потом вдруг сам покрылся мохнатой шерстью, весело залаял и очутился около Каштанки. Каштанка и он добродушно понюхали друг другу носы и побежали на улицу…

3. Новое, очень приятное знакомство

Когда Каштанка проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум, какой бывает только днем. В комнате не было ни души. Каштанка потянулась, зевнула и, сердитая, угрюмая, прошлась по комнате. Она обнюхала углы и мебель, заглянула в переднюю и не нашла ничего интересного. Кроме двери, которая вела в переднюю, была еще одна дверь. Подумав, Каштанка поцарапала ее обеими лапами, отворила и вошла в следующую комнату. Тут на кровати, укрывшись байковым одеялом, спал заказчик, в котором она узнала вчерашнего незнакомца.

– Рррр… – заворчала она, но, вспомнив про вчерашний обед, завиляла хвостом и стала нюхать.

Она понюхала одежду и сапоги незнакомца и нашла, что они

очень пахнут лошадью. Из спальни вела куда-то еще одна дверь, тоже затворенная. Каштанка поцарапала эту дверь, налегла на нее грудью, отворила и тотчас же почувствовала странный, очень подозрительный запах. Предчувствуя неприятную встречу, ворча и оглядываясь, Каштанка вошла в маленькую комнатку с грязными обоями и в страхе попятилась назад. Она увидела нечто неожиданное и страшное. Пригнув к земле шею и голову, растопырив крылья и шипя, прямо на нее шел серый гусь. Несколько в стороне от него, на матрасике, лежал белый кот; увидев Каштанку, он вскочил, выгнул спину в лугу, задрал хвост, взъерошил шерсть и тоже зашипел. Собака испугалась не на шутку, но, не желая выдавать своего страха, громко залаяла и бросилась к коту… Кот еще сильнее выгнул спину, зашипел и ударил Каштанку лапой по голове. Каштанка отскочила, присела на все четыре лапы и, протягивая к коту морду, залилась громким, визгливым лаем; в это время гусь подошел сзади и больно долбанул ее клювом в спину. Каштанка вскочила и бросилась на гуся…

– Это что такое? – послышался громкий сердитый голос, и в комнату вошел незнакомец в халате и с сигарой в зубах. – Что это значит? На место!

Он подошел к коту, щелкнул его по выгнутой спине и сказал:

– Федор Тимофеич, это что значит? Драку подняли? Ах ты, старая каналья! Ложись!

И, обратившись к гусю, он крикнул:

– Иван Иваныч, на место!

Кот покорно лег на свой матрасик и закрыл глаза. Судя по выражению его морды и усов, он сам был недоволен, что погорячился и вступил в драку. Каштанка обиженно заскулила, а гусь вытянул шею и заговорил о чем-то быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно.

– Ладно, ладно! – сказал хозяин, зевая. – Надо жить мирно и дружно. Он погладил Каштанку и продолжал: – А ты, рыжик, не бойся… Это хорошая публика, не обидит. Постой, как же мы тебя звать будем? Без имени нельзя, брат.

Незнакомец подумал и сказал:

– Вот что… Ты будешь – Тетка… Понимаешь? Тетка!

И, повторив несколько раз слово «Тетка», он вышел. Каштанка села и стала наблюдать. Кот неподвижно сидел на матрасике и делал вид, что спит. Гусь, вытягивая шею и топчась на одном месте, продолжал говорить о чем-то быстро и горячо. По-видимому, это был очень умный гусь; после каждой длинной тирады он всякий раз удивленно пятился назад и делал вид, что восхищался своею речью… Послушав его и ответив ему: «рррр…»,

Каштанка принялась обнюхивать углы. В одном из углов стояло маленькое корытце, в котором она увидела моченый горох и размокшие ржаные корки. Она попробовала горох – невкусно, попробовала корки – и стала есть. Гусь нисколько не обиделся, что незнакомая собака поедает его корм, а напротив, заговорил еще горячее и, чтобы показать свое доверие, сам подошел к корытцу и съел несколько горошинок.

4. Чудеса в решете

Немного погодя опять вошел незнакомец и принес с собой какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П. На перекладине этого деревянного, грубо сколоченного П висел колокол и был привязан пистолет; от языка колокола и от курка пистолета тянулись веревочки. Незнакомец поставил П посреди комнаты, долго что-то развязал и завязывал, потом посмотрел на гуся и сказал:

– Иван Иваныч, пожалуйте!

Гусь подошел к нему и остановился в ожидательной позе.

– Ну-с, – сказал незнакомец, – начнем с самого начала. Прежде всего поклонись и сделай реверанс! Живо!

Иван Иваныч вытянул шею, закивал во все стороны и шаркнул лапкой.

– Так, молодец… Теперь умри!

Гусь лег на спину и задрал вверх лапы. Проделав еще несколько подобных неважных фокусов, незнакомец вдруг схватил себя за голову, изобразил на своем лице ужас и закричал:

– Караул! Пожар! Горим!

Иван Иваныч подбежал к П, взял в клюв веревку и зазвонил в колокол. Незнакомец остался очень доволен. Он погладил гуся по шее и сказал:

– Молодец, Иван Иваныч! Теперь представь, что ты ювелир и торгуешь золотом и брильянтами. Представь теперь, что ты приходишь к себе в магазин и застаешь в нем воров. Как бы ты поступил в данном случае?

Гусь взял в клюв другую веревочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел. Каштанке очень понравился звон, а от выстрела она пришла в такой восторг, что забегала вокруг П и залаяла.

– Тетка, на место! – крикнул ей незнакомец. – Молчать!

Работа Ивана Иваныча не кончилась стрельбой. Целый час потом незнакомец гонял его вокруг себя на корде и хлопал бичом, причем гусь должен был прыгать через барьер и сквозь обруч, становиться на дыбы, то есть садиться на хвост и махать лапками. Каштанка не отрывала глаз от Ивана Иваныча, завывала от восторга и несколько раз принималась бегать за ним со звонким

лаем. Утомив гуся и себя, незнакомец вытер со лба пот и крикнул:

– Марья, позови-ка сюда Хавронью Ивановну!

Через минуту послышалось хрюканье… Каштанка заворчала, приняла очень храбрый вид и на всякий случай подошла поближе к незнакомцу. Отворилась дверь, в комнату поглядела какая-то старуха и, сказав что-то, впустила черную, очень некрасивую свинью. Не обращая никакого внимания на ворчанье Каштанки, свинья подняла вверх свой пятачок и весело захрюкала. По-видимому, ей было очень приятно видеть своего хозяина, кота и Ивана Иваныча. Когда она подошла к коту и слегка толкнула его под живот своим пятачком и потом о чем-то заговорила с гусем, в ее движениях, в голосе и в дрожании хвостика чувствовалось много добродушия. Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на таких субъектов бесполезно.

Хозяин убрал П и крикнул:

– Федор Тимофеич, пожалуйте!

Кот поднялся, лениво потянулся и нехотя, точно делая одолжение, подошел к свинье.

– Ну-с, начнем с египетской пирамиды, – начал хозяин.

Он долго объяснял что-то, потом скомандовал: «Раз… два… три!» Иван Иваныч при слове «три» взмахнул крыльями и вскочил на спину свиньи… Когда он, балансируя крыльями и шеей, укрепился на щетинистой спине, Федор Тимофеич вяло и лениво, с явным пренебрежением и с таким видом, как будто он презирает и ставит ни в грош свое искусство, полез на спину свиньи, потом нехотя взобрался на гуся и стал на задние лапы. Получилось то, что незнакомец называл «египетской пирамидой». Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуся. Иван Иваныч пошатнулся и тоже свалился. Незнакомец закричал, замахал руками и стал опять что-то объяснять. Провозившись целый час с пирамидой, неутомимый хозяин принялся учить Ивана Иваныча ездить верхом на коте, потом стал учить кота курить и т. п.

Ученье кончилось тем, что незнакомец вытер со лба пот и вышел, Федор Тимофеич брезгливо фыркнул, лег на матрасик и закрыл глаза, Иван Иваныч направился к корытцу, а свинья была уведена старухой. Благодаря массе новых впечатлений день прошел для Каштанки незаметно, а вечером она со своим матрасиком была уже водворена в комнатке с грязными обоями и ночевала в обществе Федора Тимофеича и гуся.

5. Талант! Талант!

Прошел месяц.

Каштанка уже привыкла к тому, что ее каждый вечер кормили

вкусным обедом и звали Теткой. Привыкла она и к незнакомцу и к своим новым сожителям. Жизнь потекла как по маслу.

Все дни начинались одинаково. Обыкновенно раньше всех просыпался Иван Иваныч и тотчас же подходил к Тетке или к коту, выгибал шею и начинал говорить о чем-то горячо и убедительно, но по-прежнему непонятно. Иной раз он поднимал вверх голову и произносил длинные монологи. В первые дни знакомства Каштанка думала, что он говорит много потому, что очень умен, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение; когда он подходил к ней со своими длинными речами, она уж не виляла хвостом, а третировала его, как надоедливого болтуна, который не дает никому спать, и без всякой церемонии отвечала ему: «рррр»…

Федор же Тимофеич был иного рода господин. Этот, проснувшись, не издавал никакого звука, не шевелился и даже не открывал глаз. Он охотно бы не просыпался, потому что, как видно было, он недолюбливал жизни. Ничто его не интересовало, ко всему он относился вяло и небрежно, все презирал и даже, поедая свой вкусный обед, брезгливо фыркал.

Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнатам и обнюхивать углы. Только ей и коту позволялось ходить по всей квартире: гусь же не имел права переступать порог комнатки с грязными обоями, а Хавронья Ивановна жила где-то на дворе в сарайчике и появлялась только во время ученья. Хозяин просыпался поздно и, напившись чаю, тотчас же принимался за свои фокусы. Каждый день в комнатку вносились П, бич, обручи, и каждый день проделывалось почти одно и то же. Ученье продолжалось часа три-четыре, так что иной раз Федор Тимофеич от утомления пошатывался, как пьяный, Иван Иваныч раскрывал клюв и тяжело дышал, а хозяин становился красным и никак не мог стереть со лба пот.

Ученье и обед делали дни очень интересными, вечера же проходили скучновато. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собою гуся и кота. Оставшись одна, Тетка ложилась на матрасик и начинала грустить… Грусть подкрадывалась к ней как-то незаметно и овладевала ею постепенно, как потемки комнатой. Начиналось с того, что у собаки пропадала всякая охота лаять, бегать по комнатам и даже глядеть, затем в воображении ее появлялись какие-то две неясные фигуры, не то собаки, не то люди, с физиономиями симпатичными, милыми, но непонятными; при появлении их Тетка виляла хвостом, и ей казалось, что она их где-то когда-то видела и любила…. А засыпая, она всякий раз чувствовала, что от этих фигур пахнет клеем, стружками и лаком.

Когда она совсем уже свыклась с новой жизнью и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхоленного пса, однажды, перед ученьем хозяин погладил ее и сказал:

– Пора нам, Тетка, делом заняться. Довольно тебе бить баклуши. Я хочу из тебя артистку сделать… Ты хочешь быть артисткой?

И он стал учить ее разным выходкам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар, который высоко над ее головой держал учитель. Затем в следующие уроки она плясала, бегала на корде, выла под музыку, звонила и стреляла, а через месяц могла с успехом заменять Федора Тимофеича в египетской пирамиде. Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Федоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удавшийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки.

– Талант! Талант! – говорил он. – Несомненный талант! Ты положительно будешь иметь успех!

И Тетка так привыкла к слову «талант», что всякий раз, когда хозяин произносил его, вскакивала и оглядывалась, как будто оно было ее кличкой.

6. Беспокойная ночь

Тетке приснился собачий сон, будто за ней гонится дворник с метлой, и она проснулась от страха.

В комнате было тихо, темно и очень душно. Кусаиись блохи. Тетка раньше никогда не боялась потемок, но теперь почему-то ей стало жутко и захотелось лаять. В соседней комнате громко вздохнул хозяин, потом немного погодя в своем сарайчике хрюкнула свинья, и опять все смолкло. Когда думаешь об еде, то на душе становится легче, и Тетка стана думать о том, как она сегодня украна у Федора Тимофеича куриную лапку и спрятала ее в гостиной между шкафом и стеной, где очень много паутины и пыли. Не мешало бы теперь пойти и посмотреть: цела эта лапка или нет? Очень может быть, что хозяин нашел ее и скушал. Но раньше утра нельзя выходить из комнатки, такое правило. Тетка закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть, так как она знала по опыту, что чем скорее уснешь, тем скорее наступит утро. Но вдруг недалеко от нее раздался странный крик, который заставил ее вздрогнуть и вскочить на все четыре лапы. Это крикнул Иван Иваныч, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий, пронзительный и

неестественный, похожий на скрип отворяемых ворот. Ничего не разглядев в потемках и не поняв, Тетка почувствовала еще больший страх и проворчала:

– РРРРР-

Прошло немного времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость; крик не повторялся. Тетка мало-помалу успокоилась и задремала. Ей приснились две большие черные собаки с клочьями прошлогодней шерсти на бедрах и на боках; они из большой лохани с жадностью ели помои, от которых шел белый пар и очень вкусный запах; изредка они оглядывались на Тетку, скалили зубы и ворчали: «А тебе мы не дадим!» Но из дому выбежал мужик в шубе и прогнал их кнутом; тогда Тетка подошла к лохани и стала кушать, но как только мужик ушел за ворота, обе черные собаки с ревом бросились на нее, и вдруг опять раздался пронзительный крик.

– К-ге! К-ге-ге! – крикнул Иван Иваныч.

Тетка проснулась, вскочила и, не сходя с матрасика, залилась воющим лаем. Ей уже казалось, что кричит не Иван Иваныч, а кто-то другой, посторонний. И почему-то в сарайчике опять хрюкнула свинья.

Но вот послышалось шарканье туфель, и в комнатку вошел хозяин в халате и со свечой. Мелькающий свет запрыгал по грязным обоям и по потолку и прогнал потемки. Тетка увидела, что в комнатке нет никого постороннего. Иван Иваныч сидел на полу и не спал. Крылья у него были растопырены и клюв раскрыт, и вообще он имел такой вид, как будто очень утомился и хотел пить. Старый Федор Тимофеич тоже не спал. Должно быть, и он был разбужен криком.

– Иван Иваныч, что с тобой? – спросил хозяин у гуся. – Что ты кричишь? Ты болен?

Гусь молчал. Хозяин потрогал его за шею, погладил по спине и сказал:

– Ты чудак. И сам не спишь и другим не даешь.

Когда хозяин вышел и унес с собою свет, опять наступили потемки.

Тетке было страшно. Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой. Страшнее всего было то, что этого чужого нельзя было укусить, так как он был невидим и в эту ночь должно непременно произойти что-то очень худое. Федор Тимофеич тоже был непокоен. Тетка слышала, как он возился на своем матрасике, зевал и встряхивал головой.

Где-то на улице застучали в ворота, и в сарайчике хрюкнула свинья.

Тетка заскулила, протянула передние лапы и положила на

них голову. В стуке ворот, в хрюканье не спавшей почему-то свиньи, в потемках и в тишине почудилось ей что-то такое же тоскливое и страшное, как в крике Ивана Иваныча. Все было в тревоге и в беспокойстве, но отчего? Кто этот чужой, которого не было видно? Вот около Тетки на мгновение вспыхнули две тусклые зеленые искорки. Это в первый раз за все время знакомства подошел к ней Федор Тимофеич. Что ему нужно было? Тетка лизнула ему лапу и, не спрашивая, зачем он пришел, завыла тихо и на разные голоса.

– К-ге! – крикнул Иван Иваныч. – К-ге-ге!

Опять отворилась дверь, и вошел хозяин со свечой. Гусь сидел в прежней позе, с разинутым клювом и растопырив крылья. Глаза у него закрыты.

– Иван Иваныч! – позвал хозяин.

Гусь не шевельнулся. Хозяин сел перед ним на полу, минуту глядел на него молча и сказал:

– Иван Иваныч! Что же это такое? Умираешь ты, что ли? Ах, я теперь вспомнил, вспомнил! – вскрикнул он и схватил себя за голову. – Я знаю, отчего это! Это оттого, что сегодня на тебя наступила лошадь! Боже мой, боже мой!

Тетка не понимала, что говорит хозяин, но по его лицу видела, что и он ждет чего-то ужасного. Она протянула морду к темному окну, в которое, как казалось ей, глядел кто-то чужой, и завыла.

– Он умирает, Тетка! – сказал хозяин и всплеснул руками. – Да, да, умирает! К вам в комнату пришла смерть. Что нам делать?

Бледный, встревоженный хозяин, вздыхая и покачивая головой, вернулся к себе в спальню. Тетке жутко было оставаться в потемках, и она пошла за ним. Он сел на кровать и несколько раз повторил:

– Боже мой, что же делать?

Тетка ходила около его ног и, не понимая, отчего это у нее такая тоска и отчего все так беспокоятся, и стараясь понять, следила за каждым его движением. Федор Тимофеич, редко покидавший свой матрасик, тоже вошел в спальню хозяина и стал тереться около его ног. Он встряхивал головой, как будто хотел вытряхнуть из нее тяжелые мысли, и подозрительно заглядывал под кровать.

Хозяин взял блюдечко, налил в него из рукомойника воды и опять пошел к гусю.

– Пей, Иван Иваныч! – сказал он нежно, ставя перед ним блюдечко. – Пей, голубчик.

Но Иван Иваныч не шевелился и не открывал глаз. Хозяин пригнул его голову к блюдечку и окунул клюв в воду, но гусь не

пил, еще шире растопырил крылья, и голова его так и осталась лежать в блюдечке.

– Нет, ничего уже нельзя сделать! – вздохнул хозяин. – Все кончено. Пропал Иван Иваныч!

И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, какие бывают на окнах во время дождя. Не понимая, в чем дело, Тетка и Федор Тимофеич жались к нему и с ужасом смотрели на гуся.

– Бедный Иван Иваныч! – говорил хозяин, печально вздыхая. – А я-то мечтал, что весной повезу тебя на дачу и буду гулять с тобой по зеленой травке. Милое животное, хороший мой товарищ, тебя уже нет! Как же я теперь буду обходиться без тебя?

Тетке казалось, что и с нею случится то же самое, то есть что и она вот так, неизвестно отчего, закроет глаза, протянет лапы, оскалит рот, и все на нее будут смотреть с ужасом. По-видимому, такие же мысли бродили и в голове Федора Тимофеича. Никогда раньше старый кот не был так угрюм и мрачен, как теперь.

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который пугал так Тетку. Когда совсем рассвело, пришел дворник, взял гуся за лапы и унес его куда-то. А немного погодя явилась старуха и вынесла корытце.

Тетка пошла в гостиную и посмотрела за шкаф: хозяин не скушал куриной лапки, она лежала на своем месте, в пыли и паутине. Но Тетке было скучно, грустно и хотелось плакать. Она даже не понюхала лапки, а пошла под диван, села там и начала скулить тихо, тонким голоском:

– Ску-ску-ску…

7. *Неудачный дебют*

В один прекрасный вечер хозяин вошел в комнатку с грязными обоями и, потирая руки, сказал:

– Ну-с…

Что-то он хотел еще сказать, но не сказал и вышел. Тетка, отлично изучившая во время уроков его лицо и интонацию, догадалась, что он был взволнован, озабочен и, кажется, сердит. Немного погодя он вернулся и сказал:

– Сегодня я возьму с собой Тетку и Федора Тимофеича. В египетской пирамиде ты, Тетка, заменишь сегодня покойного Ивана Иваныча. Черт знает что! Ничего не готово, не выучено, репетиций было мало! Осрамимся, провалимся!

Затем он опять вышел и через минуту вернулся в шубе и в цилиндре. Подойдя к коту, он взял его за передние лапы, поднял и спрятал его на груди под шубу, причем Федор Тимофеич казался очень равнодушным и даже не потрудился открыть глаз. Для него, по-видимому, было решительно все равно: лежать ли, или быть поднятым за ноги, валяться ли на матрасике, или

покоиться на груди хозяина под шубой…

– Тетка, пойдем, – сказал хозяин.

Ничего не понимая и виляя хвостом, Тетка пошла за ним. Через минуту она уже сидела в санях около ног хозяина и слушала, как он, пожимаясь от холода и волнения, бормотал:

– Осрамимся! Провалимся!

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещен дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тетку и сунул ее на грудь, под шубу, где находился Федор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две тусклые зеленые искорки – это открыл глаза кот, обеспокоенный холодными жесткими лапами соседки. Тетка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещенную комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решеток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие и какая-то одна толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Кот сипло замяукал под лапами Тетки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал «гоп!», и Федор Тимофеич с Теткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий веерообразный огонек, приделанный к тумбочке, вбитой в стену. Федор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Теткой, пошел под табурет и лег. Хозяин, все еще волнуясь и потирая руки, стал раздеваться… Он разделся так, как обыкновенно раздевался у себя дома, готовясь лечь под байковое одеяло, то есть снял все, кроме белья, потом сел на табурет и, глядя в зеркало, начал выделывать над собой удивительные штуки. Прежде всего он надел на голову парик с пробором и с двумя вихрами, похожими на рога, потом густо намазал лицо чем-то белым и сверх белой краски нарисовал еще брови, усы и румяны. Затеи его этим не кончились. Опачкавши лицо и шею, он стал облачаться в какой-то необыкновенный, ни с чем не сообразный костюм, какого Тетка

никогда не видала раньше ни в домах, ни на улице. Представьте вы себе широчайшие панталоны, сшитые из ситца с крупными цветами, какой употребляется в мещанских домах для занавесок и обивки мебели, панталоны, которые застегиваются у самых подмышек; одна панталона сшита из коричневого ситца, другая из светло-желтого. Утонувши в них, хозяин надел еще ситцевую курточку с большим зубчатым воротником и с золотой звездой на спине, разноцветные чулки и зеленые башмаки…

У Тетки запестрило в глазах и в душе. От белолицей мешковатой фигуры пахло хозяином, голос у нее был тоже знакомый, хозяйский, но бывали минуты, когда Тетку мучили сомнения, и тогда она готова была бежать от пестрой фигуры и лаять. Новое место, веерообразный огонек, запах, метаморфоза, случившаяся с хозяином, – все это вселяло в нее неопределенный страх и предчувствие, что она непременно встретится с каким-нибудь ужасом, вроде толстой рожи с хвостом вместо носа. А тут еще где-то за стеной далеко играла ненавистная музыка и слышался временами непонятный рев. Одно только и успокаивало ее – это невозмутимость Федора Тимофеича. Он преспокойно дремал под табуретом и не открывал глаз, даже когда двигался табурет.

Какой-то человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

– Сейчас выход мисс Арабеллы. После нее – вы.

Хозяин ничего не ответил. Он вытащил из-под стола небольшой чемодан, сел и стал ждать. По губам и по рукам его было заметно, что он волновался, и Тетка слышала, как дрожало его дыхание.

– М-г Жорж, пожалуйте! – крикнул кто-то за дверью.

Хозяин встал и три раза перекрестился, потом достал из-под табурета кота и сунул его в чемодан.

– Иди, Тетка! – сказал он тихо.

Тетка, ничего не понимая, подошла к его рукам; он поцеловал ее в голову и положил рядом с Федором Тимофеичем. Засим наступили потемки… Тетка топталась по коту, царапала стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал…

– А вот и я! – громко крикнул хозяин. – А вот и я!

Тетка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твердое и перестал качаться. Послышался громкий густой рев: по ком-то хлопали, и этот кто-то, вероятно рожа с хвостом вместо носа, ревел и хохотал так громко, что задрожали замочки у чемодана. В ответ на рев раздался пронзительный, визгливый смех хозяина, каким он никогда не

смеялся дома.

– Га! – крикнул он, стараясь перекричать рев. – Почтеннейшая публика! Я сейчас только с вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мне наследство! В чемодане что-то очень тяжелое – очевидно, золото… Га-а! И вдруг здесь миллион! Сейчас мы откроем и посмотрим…

В чемодане щелкнул замок. Яркий свет ударил Тетку по глазам; она прыгнула вон из чемодана и, оглушенная ревом, быстро, во всю прыть забегала вокруг своего хозяина и залилась звонким лаем.

– Га! – закричал хозяин. – Дядюшка Федор Тимофеич! Дорогая Тетушка! Милые родственники, черт бы вас взял!

Он упал животом на песок, схватил кота и Тетку и принялся обнимать их. Тетка, пока он тискал ее в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла ее судьба, и, пораженная его грандиозностью, на минуту застыла от удивления и восторга, потом вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления, как волчок, закружилась на одном месте. Новый мир был велик и полон яркого света; куда ни взглянешь, всюду, от пола до потолка, видны были одни только лица, лица, лица и больше ничего.

– Тетушка, прошу вас сесть! – крикнул хозяин.

Помня, что это значит, Тетка вскочила на стул и села. Она поглядела на хозяина. Глаза его, как всегда, глядели серьезно и ласково, но лицо, в особенности рот и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Сам он хохотал, прыгал, подергивал плечами и делал вид, что ему очень весело в присутствии тысячей лиц. Тетка поверила его веселости, вдруг почувствовала всем своим телом, что на нее смотрят эти тысячи лиц, подняла вверх свою лисью морду и радостно завыла.

– Вы, Тетушка, посидите, – сказал ей хозяин, – а мы с дядюшкой попляшем камаринского.

Федор Тимофеич в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, по хвосту и по усам, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя… Протанцевав свою порцию, он зевнул и сел.

– Ну-с, Тетушка, – сказал хозяин, – сначала мы с вами споем, а потом попляшем. Хорошо?

Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Тетка, не вынося музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завыла. Со всех сторон послышались рев и аплодисменты. Хозяин поклонился и, когда все стихло, продолжал играть… Во время исполнения одной очень высокой ноты где-то наверху среди публики кто-то

громко ахнул.

– Тятька! – крикнул детский голос. – А ведь это Каштанка!

– Каштанка и есть! – подтвердил пьяненький, дребезжащий тенорок. Каштанка! Федюшка, это, накажи Бог, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галерее свистнул, и два голоса, один – детский, другой мужской, громко позвали:

– Каштанка! Каштанка!

Тетка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Два лица: одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое – пухлое, краснощекое и испуганное, ударили по ее глазам, как раньше ударил яркий свет… Она вспомнила, упала со стула и забилась на песке, потом вскочила и с радостным визгом бросилась к этим лицам. Раздался оглушительный рев, пронизанный насквозь свистками и пронзительным детским криком:

– Каштанка! Каштанка!

Тетка прыгнула через барьер, потом через чье-то плечо, очутилась в ложе; чтобы попасть в следующий ярус, нужно было перескочить высокую стену; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назад по стене. Затем она переходила с рук на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась все выше и выше и, наконец, попала на галерку…

Спустя полчаса Каштанка шла уже по улице за людьми, от которых пахло клеем и лаком. Лука Александрыч покачивался и инстинктивно, наученный опытом, старался держаться подальше от канавы.

– В бездне греховней валяюся во утробе моей… – бормотал он. – А ты, Каштанка, – недоумение. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра.

Рядом с ним шагал Федюшка в отцовском картузе. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она давно уже идет за ними и радуется, что жизнь ее не обрывалась ни на минуту.

Вспомнила она комнатку с грязными обоями, гуся, Федора Тимофеича, вкусные обеды, ученье, цирк, но все это представлялось ей теперь, как длинный, перепутанный, тяжелый сон…

Примечания

1

Святители – это патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы, достигшие святости заботами о своей пастве, хранением православия от ересей и расколов. Например: святители Николай Чудотворец, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст.

2

Мученики – это святые, принявшие мученическую смерть или

потерпевшие гонения за Господа Иисуса Христа. Чин святых мучеников и исповедников с самого начала христианской эры исторически стал первым и наиболее почитаемым чином христианских святых. Претерпевшие особые жестокие страдания называются великомучениками. Замученные в сане епископа или священника называются священномучениками, а пострадавшие в иночестве (монашестве) – преподобномучениками.

3

Равноапостольными в православной Церкви называют святых, которые своей проповедью привели ко Христу множество людей уже после времен апостольских. Это Христовы подвижники, подобно апостолам потрудившиеся в обращении ко Христу целых стран и народов.

4

Тропарь – стих, законченное по смыслу изречение, песнопение, описывающее существо праздника или подвига святого.

5

Знамение – знак, посредством которого Господь обращается к человеку. Знамения называются чудесными и дивными делами Божьими. Через них Господь проявляет Свое отношение к товарному миру.

Среди знамений Божьих особое место принадлежит чудесам. Высшим чудом и знамением любви Бога к миру является Боговоплощение – событие вочеловечения в Господе Иисусе Христе Бога, которое не имеет себе равных в истории мир.

6

Сорняк, очень похожий на пшеницу в раннем возрасте, но с черными зернами по созревании.

7

Заступ – железная лопата, для копки, на деревянном черене, или окованная внизу деревянная лопата.

8

Орест и Пилад – легендарные герои Древней Греции, прославившиеся своей крепкой дружбой.

9

Свара – ссора, перебранка.

10

Льзя – можно (старинное русское слово).

11

Ценят – здесь: бранят, ругают.

12

Геркулес – герой сказаний (мифов) Древней Греции, прославившийся своей необычайной силой.

13
Свя́сло – соломенный жгут для связывания снопов.
14
Глупый мальчик!., (от *нем.* dummer Knabe).
15
Оставьте его (от *нем.* lassen sie ihn).
16
Очень хорошо (от *нем.* sehr gut).
17
Замолчи! *(франц.)*.